

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 1.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово на Новый годъ. О прекращеніи торговли по праздникамъ. Преосвященнаго <i>Амеросія</i>	1—15
Вторая книга Моисея «Исходъ» въ переводѣ и съ объясненіями. Профессора Московской Духовной Академіи <i>П. Горскаго-Платонова</i>	16—34
Воспоминанія священника Православной Церкви Д-ра о. Владимира Гетте, бывшаго священникомъ римской церкви <i>Н.</i>	35—56
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Критика началъ новой философіи. Абсолютное есть-ли идея, или же дѣйствительное существо? Профессора Кіевской Духовной Академіи <i>П. Липицкаго</i>	1—27
Метафизика и философія. Изъ чтеній профессора Казанской Духовной Академіи Вен. Ая. Снегирева. <i>В. Снегирева</i>	28—55
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Отъ Харьковского Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1888,89 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №
Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лпнн; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

Т. I.—Ч. I.

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Слово на Новый годъ.—О прекращеніи торговли по праздникамъ.—Преосвященнаго *Аморосія* (стр. 1—15).

Вторая книга Моисея «Исходъ» въ переводѣ и съ объясненіями.—Профессора Московской духовной академіи *П. Горскаго-Платонова* (стр. 16—34, 115—133, 253—273, 373—397, 513—531 и 625—651) ¹⁾.

Воспомяванія Священника Православной церкви д-ра о. Владимира Гетте, бывшаго священникомъ римской церкви.—*К.* (стр. 35—56, 89—114, 160—184, 211—252, 398—420, 559—886 и 707—735) ²⁾.

Слово на день Рождества Христова.—Св. *А. Балановскаго* (стр. 56—62).

Къ вопросу о способахъ обученія въ нашихъ школахъ.—Профессора Кіевской духовной академіи *П. Липицкаго* (стр. 68—88 и 134—159).

Казуистика и судьбы ея въ римско-католической церкви.—Очеркъ изъ исторіи римско-католической морали.—*А. З-ва* (стр. 185—210).

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической

¹⁾ Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

²⁾ Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе)
 1) — *И. Корсунскаго* (стр. 274. — 298 и 587. — 611) 2).

Очерки изъ исторіи Христіанскаго искусства до Костанти-
 на Великаго. — *А. Деревницкаго* (стр. 299—314, 421—436 и
 488—512).

Западная средневѣковая мистика и отношенія ея къ като-
 личеству (продолженіе) 3) (стр. 315—339 и 437—468).

Современная апологія талмуда и талмудистовъ (продолже-
 ніе) 4) — *Т. Стоянова* (стр. 340—371).

Очеркъ православнаго церковнаго права. — Профессора *М.
 А. Остроумова* (въ особомъ приложеніи).

Замѣтки о церковной жизни за-границей. — *Н.* (стр. 469—
 487 и 612—624. 5).

Религіозно-правственное развитіе Императора Александра
 I и идея священнаго союза (продолженіе) 6). — Профес-
 сора Императорскаго Харьковскаго университета *В. Надлера*
 (стр. 532—558) 7).

Художественный натурализмъ въ области библейскихъ по-
 вѣствованій. (По поводу романа Георга Эберса «Исусъ На-
 винъ»). — *Т. Стоянова* (стр. 652 — 680 и 736—774) 8).

Бенгнизъмъ и атриціонизъмъ. — Очеркъ изъ исторіи римско-
 католической морали (по Дёллингеру и Рейшу). — *А. З—ва.*
 (стр. 681—706).

1) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1889 годъ.

2) Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

3) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1889 годъ.

4) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1889 годъ.

5) Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

6) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за всѣ прежніе годы (1884—1889).

7) Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

8) См. во 2-й части стр. 29—56.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Января 15 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія Архієпископа Харьковскаго
НА НОВЫЙ ГОДЪ.

О ПРЕКРАЩЕНІИ ТОРГОВЛИ ПО ПРАЗДНИКАМЪ.

*Помни день субботный еже святити
его: шесть дней дѣлаи, и сотвориши въ
нихъ вся дѣла твоя, въ день же седь-
мый суббота Господу Богу твоему.*

Четвертая заповѣдь десятисловія.

Въ числѣ многихъ нерѣшенныхъ вопросовъ, относящихся къ нашему нравственно-общественному благоустройству, перешедшихъ изъ прошедшаго года въ новый, наступившій, стоитъ вопросъ о *прекращеніи торговли по праздникамъ*.

Кромѣ отъявленныхъ матеріалистовъ, дорожащихъ только вещественными выгодами, у всѣхъ добрыхъ православныхъ христіанъ смущается и ропщетъ совѣсть при видѣ превращенія дней, посвященныхъ Богу, во дни работные и, что еще хуже, во дни пьянства и непристойныхъ увеселеній. Конечно, скажутъ намъ, что на насъ, служителейъ церкви, лежитъ обязанность разумлять народъ относительно благоговѣйнаго провозженія праздниковъ Господнихъ. Это справедливо. Но и съ нашей стороны не менѣе справедливо будетъ сказать,

что мы не можемъ заставитьъ купеческихъ прикащиковъ и сидѣльцевъ оставить для богослуженія лавки и другія торговыя заведенія, когда они привязаны къ нимъ властію своихъ хозяевъ. Мы не можемъ убѣдить и крестьянъ идти въ праздничные дни въ храмы, когда повсемѣстныя ярмарки и базары влекутъ ихъ на площади и рынки, а затѣмъ и въ питейныя заведенія. Мы могли бы радоваться, что къ намъ приходятъ въ этомъ случаѣ на помощь городскія и земскія общественныя собранія, имѣющія власть блюсти за порядкомъ въ городахъ и селахъ, что они къ нашему слову убѣжденія присоединяютъ властныя распоряженія. Но оказалось, что взявши вопросъ о прекращеніи торговли въ праздники въ свои руки, они не только въ теченіе многихъ лѣтъ не рѣшили его, но ставятъ препятствія и самой церковной проповѣди, узаконяя свой порядокъ разрѣшеніемъ для торговли тѣхъ или другихъ часовъ праздничныхъ дней, а иногда и цѣлыхъ дней. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса только осложнилось и оразнообразилось по разнымъ мѣстностямъ, и стало невозможнымъ безъ рѣшительнаго повелѣнія Верховной Власти.

Отъ чего это происходитъ? Мы почитаемъ своею обязанностію указать причины бесплодности всѣхъ общественныхъ разсужденій по указанному вопросу, которая простирается до такой степени, что и добрый примѣръ одной изъ столичныхъ Думъ, и даже одобряющее ея распоряженіе слово Благочестивѣйшаго Государя нашего ни въ одномъ городѣ не подвинуло дѣла впередъ. Въ чемъ же эти причины?

Пользуясь современнымъ выраженіемъ, скажемъ, что главнымъ образомъ *въ невѣрной постановкѣ вопроса.*

Прекращеніе торговли по праздникамъ, какъ и всякаго будничнаго дѣла, рѣшено, точно опредѣлено, и безусловно заповѣдано волею Божіею. Перерѣшать бо-

жественное установленіе, видоизмѣнять его, ограничивать и перетолковывать по человѣческимъ соображеніямъ могутъ только не христіане, т. е. люди не признающіе ни божественнаго откровенія, ни церкви, ни нравственнаго христіанскаго закона, или же христіане все это перезабывшіе, ко всему охладѣвшіе и все перепутавшіе съ человѣческими мнѣніями, обычаями и притязаніями. Напомнимъ Божественный законъ о субботнемъ покоѣ, или благоговѣйномъ провозденіи праздниковъ Господнихъ.

Во второй главѣ книги Бытія читаемъ о сотвореніи міра: «и совершилъ Богъ къ седьмому дню всѣ дѣла свои и благословилъ Богъ седьмой день и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, которыя Богъ творилъ и созидалъ» (Быт. 2, 3). Итакъ, тотчасъ по шестидневномъ сотвореніи міра седьмой день Богъ «освятилъ», т. е. отдѣлилъ отъ прочихъ дней недѣли, предоставилъ себѣ въ этотъ день нарочитое приближеніе къ людямъ и открылъ имъ болѣе полное и близкое общеніе съ Собою. Въ Синайскомъ Законодательствѣ заповѣдь о субботѣ изречена Богомъ съ особымъ знаменательнымъ удареніемъ: *помни день субботный еже святити его*. Въ пятокнижии Моисеевомъ и книгахъ пророческихъ подробно изложены строгія правила о празднованіи субботы запрещающія въ этотъ день всякія житейскія работы, всякій тѣлесный трудъ даже до приготовленія дневной пищи. Намъ, чадамъ Новаго Завета, теперь понятно, что плотскому Израилю этимъ *отрицательнымъ* повелѣніемъ *положительно* открывалась и указывалась, сколько они, люди чувственные, могли понять, полная свобода служить Богу въ этотъ день молитвами, жертвоприношеніями, поученіемъ въ Законѣ Божіемъ. Это и указалъ намъ Господь, пришедшій не разорить законъ Моисеевъ, но исполнить и изъяснить съ

внутренней, духовной его стороны (Мат. 5, 17). Онъ не далъ разрѣшенія на будничныя работы въ субботу, но, обличивъ грубое, слишкомъ буквальное пониманіе фарисеями тѣлеснаго субботняго покоя, къ обязанности соблюдать въ субботу, *первую и большую заповѣдь*, т. е. служеніе Богу,—присоединилъ обязанность въ то же время соблюдать и *вторую заповѣдь, подобную первой*, т. е. творить дѣла любви и милосердія столь свойственныя свободному Божію дню (Мар. 3, 4). Такъ, выведши своихъ послѣдователей изъ подъ буквы ветхаго завѣта въ свободу чадъ Божіихъ (Гал. 5, 1), Онъ просвѣтилъ ихъ умы высшимъ разумѣніемъ воли Божіей, и открылъ имъ высшіе пути и способы ея исполненія. Такъ поняла и истолковала это ученіе Спасителя и Его св. Церковь, предписавъ въ праздники Господни неуклонное посѣщеніе богослуженій, поученіе въ словѣ Божіемъ, совершеніе дѣлъ любви и милосердія, и разрѣшивъ мирное отдохновеніе въ кругу близкихъ людей безъ оскорбленія святости дня развлеченіями, неодобряемыми христіанскою совѣстію.

Итакъ, никакое мірское собраніе, имѣющее извѣстныя общественныя права, если оно желаетъ быть христіанскимъ, не должно вмѣшиваться въ божественное законодательство, т. е. ослаблять, видоизмѣнять, и тѣмъ болѣе отмѣнять Господни заповѣди. Отношенія пастырей церкви и мірянъ къ наблюденію за порядкомъ христіанской жизни ясно опредѣлены Апостоломъ Павломъ. Обязывая пастырей церкви подъ страхомъ вѣчнаго осужденія поучать народъ, онъ проситъ и мірянъ оказывать пастырямъ послушаніе и содѣйствовать имъ въ дѣлѣ спасенія людей взаимнымъ наблюденіемъ другъ за другомъ и поощреніемъ другъ друга къ соблюденію заповѣдей Божіихъ. «Молимъ васъ, пишетъ Апостоль Оессалоникійцамъ, вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ» (Сол. 5, 14). Вотъ

чего въ правѣ ожидать церковь отъ христіанъ, власть имѣющихъ, и отъ общественныхъ дѣятелей, занимающихся распорядками городской и сельской жизни. Когда Апостоль просить мірянъ помогать другъ другу въ исполненіи христіанскихъ заповѣдей, онъ не говоритъ имъ: напишите для безчиныхъ, слабыхъ и малодушныхъ постановленія, правила и условія, а только требуетъ, чтобы такіе люди были направляемы къ исполненію Законовъ и правилъ непреложныхъ, Богомъ поставленныхъ; чтобы нарушающіе ихъ по дерзости были вразумляемы и ограничиваемы, неисполняющіе по малодушію и безсилію въ борьбѣ съ препятствіями были поддерживаемы и утѣшаемы. Это собственно (а не законодательство въ дѣлѣ церковномъ) и составляетъ христіанскую обязанность общественныхъ собраній, получившихъ власть наблюдать за народнымъ образованіемъ, народнымъ здравіемъ и общественнымъ благочиніемъ. Вмѣшательствомъ въ церковное законодательство они только запутываютъ христіанскую совѣсть народа, который относительно праздниковъ поставляется въ недоумѣніи: кого слушаться,—Бога, или людей, такъ какъ и общественной власти христіане обязаны послушаніемъ? Поэтому, примѣняясь къ апостольскому наставленію, мы можемъ сказать собраніямъ, пишущимъ законы о торговлѣ въ праздники: развяжите совѣсть христіанъ обязанныхъ повиноваться Богу паче, нежели людямъ (Дѣян. 5, 29); дайте имъ чрезъ совершенное прекращеніе торговли въ праздники полную свободу исполнять волю Божію, и возьмите въ свои руки то, что предоставлено вамъ Верховною Властію—Божественною и государственною,—вразумлять безчинныхъ нарушителей закона, и указывать слабымъ и малодушнымъ пути и способы къ ихъ неуклонному исполненію.

Есть еще причина безуспѣшности въ рѣшеніи вопро-

са о прекращеніи торговли въ праздники, тщательно скрываема, но тѣмъ не менѣе имѣющая весьма сильное вліяніе на умы думскихъ и земскихъ дѣятелей, — это опасеніе лишиться тѣхъ выгодъ, которыя даетъ (и многимъ изъ нихъ самихъ) по нѣкоторымъ отраслямъ именно праздничная торговля. Указывать, отъ чего особенно получаютъ эти выгоды, намъ нѣтъ нужды; это всѣмъ извѣстно. Но здѣсь наиболѣе умы разсуждающихъ впадаютъ въ ту безвыходную запутанность понятій, отъ которой остерегаетъ всѣхъ насъ Господь Іисусъ Христосъ. Они надѣются разрѣшить неразрѣшимое: совмѣстить свои житейскія выгоды съ соблюденіемъ заповѣди Божіей вопреки слову Спасителя: «никто не можетъ служить двумъ господамъ; ибо или одного онъ будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и богатству» (Мат. 6, 24). Вотъ именно это «усердствованіе» богатству, это опасеніе потерь отъ прекращенія торговли по праздникамъ, при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, и беретъ перевѣсъ надъ усердіемъ къ Богу, и заставляеть собирать всѣ причины дѣйствительныя и мнимыя, всѣ предлоги для того, чтобы предоставить больше часовъ, и лучшіе часы для торговли, а не для дѣлъ требуемыхъ заповѣдію Божіею. Это доходитъ до того, что мы получали предложенія перемѣнить установленныя церковною часы для богослуженія, потому что они не сходятся съ удобствами для торговли. Но зная удобопреклонность сердець человѣческихъ къ земнымъ благамъ и удовольствіямъ во вредъ дѣлу благочестія и спасенія; зная, что мы, грѣшныя, всегда склонны возлюбить больше «господина» питающаго наши страсти, нежели Господа Бога, пекущагося о нашемъ спасеніи, Онъ, Господь Богъ нашъ и далъ тѣстрогія повелѣнія о соблюденіи дней Ему посвященныхъ, которыя

спасаютъ насъ отъ всѣхъ искушеній предпочесть выгоды житейскія дѣламъ благочестія. Оставь въ праздники всѣ житейскія дѣла и заботы; тебѣ даны для этого шесть будничныхъ дней; иначе, допустивши и малыя обыденныя занятія и торговыя сдѣлки въ святыя дни, увлечешься къ большимъ, и утратишь священную ревность и сосредоточенность требуемая служеніемъ Богу. Возвратиться къ строгому соблюденію праздниковъ, перестать глумиться надъ божественною заповѣдію, подвергая ее перетолкованіямъ, исключеніямъ и ограниченіямъ, — вотъ единственно возможное правильное рѣшеніе вопроса о торговлѣ въ праздники.

Здѣсь, конечно, мы встрѣтимся со многими возраженіями и съ обвиненіемъ насъ въ *ригоризмъ*, т. е. въ стремленіи подчинить общественную жизнь слишкомъ строгимъ требованіямъ религіи. Но никакія обвиненія и возраженія для насъ не страшны.

Прежде всего мы услышимъ, разумѣется, что „не то нынѣ время“, что нельзя остановить движенія современной жизни, и нашими обрядовыми правилами препятствовать развитію промышленности и цивилизаціи, и что наконецъ нельзя намъ выдѣляться изъ порядка жизни другихъ образованныхъ народовъ, предъявляющихъ къ намъ свои требованія и пр. Но, вѣроятно, людямъ называющимъ себя христіанами извѣстно, что христіанство назначено не на одинъ какой-нибудь вѣкъ, а на всѣ времена, и именно для того, чтобы освѣщать уклоненія человѣчества отъ пути истины и правды и руководить его къ духовному и вѣчному усовершенствованію, а не ко внѣшнимъ только успѣхамъ просвѣщенія и гражданственности. Въ этомъ смыслѣ Ап. Павелъ и увѣщеваетъ христіанъ не ставить себѣ образцомъ и идеаломъ жизнь людей того, или другого вѣка, въ которомъ они живутъ, а постоянно *обновляться умомъ* и

освѣщать себѣ путь жизни познаніемъ воли Божіей (Рим. 12, 2). Ужъ если вы хотите быть рѣшительными послѣдователями нашего матеріалистическаго вѣка, то не разсуждайте о примиреніи требованій промышленности съ уставами церкви, а идите на тѣ конгрессы европейскихъ ученыхъ, гдѣ разсуждаютъ о воскресномъ днѣ только какъ о тѣлесномъ отдыхѣ рабочаго человѣка, тщательно взвѣсивая, сколько силъ онъ израсходуетъ въ извѣстное количество дней, и сколько времени ему нужно для ихъ возстановленія; точь въ точь, какъ заботливый хозяинъ разсчитываетъ, сколько отдыха нужно дать послѣ труда рабочимъ воламъ, или лошадямъ. Не этого только отдыха требуетъ для человѣка христіанская религія, а отдыха ума и сердца отъ житейскихъ думъ и заботъ, освѣженія духа въ его внутренней жизни подъ вліяніемъ божественнаго ученія и благодатныхъ впечатлѣній вѣры и церкви, и наконецъ укрѣпленія его для борьбы съ грѣхомъ и соблазнами съ цѣлю достиженія жизни вѣчной. Что же касается до требованій цивилизаціи движимой жадною плотію, то она никогда не окончитъ своего давленія на духъ человѣческій, доколѣ не поработитъ его себѣ совершенно до забвенія Бога и жизни вѣчной. А этѣ безконечныя уступки изъ своихъ нравственныхъ правилъ и добрыхъ обычаевъ требованіямъ и примѣрамъ другихъ народовъ, этотъ ложный стыдъ своей національности, эта робость предъ чужимъ мнѣніемъ, это малодушіе предъ нестоющими вниманія порицаніями,— все это извѣстныя нравственныя немощи великаго русскаго народа. Если у насъ принято говорить, что „пора“ намъ дѣлать, или предпринять то, или другое, то прежде всего пора освободиться отъ этой слабости—стараться не быть самими собою, т. е. русскими православными христіанами. Мы знаемъ христіанскую націю от-

личающуюся высшимъ развитіемъ современной цивилизаціи и ведущую всемірныя торговые обороты, которая умѣетъ соблюсти свой нравственный покой въ воскресный день и заставить другихъ уважать свои правила и порядокъ жизни; мы знаемъ, что магометане никому не дѣлаютъ уступокъ изъ своихъ праздниковъ; мы видимъ наконецъ къ стыду своему, что и евреи умѣютъ подчинить насъ себѣ, когда празднуютъ свою субботу; и только мы не жалѣемъ жертвовать кому угодно нашими божественными и прекрасными церковными праздниками.

Давно съ голоса иновѣрцевъ мы привыкли толковать, что у насъ слишкомъ много праздниковъ, что народъ отвлекается ими отъ работъ и тѣмъ вредитъ своимъ успѣхамъ въ земледѣліи и промышленности. Это предвзятое мнѣніе слышится и въ разсужденіяхъ о прекращеніи торговли по праздникамъ. Очевидно, здѣсь говоритъ только одинъ матеріальный расчетъ и близорукая опасливость потерпѣть ущербъ въ земныхъ выгодахъ отъ тщательнаго исполненія воли Божіей. Здѣсь вспоминается слово Спасителя сказанное Апостоламъ боявшимся утонуть во время бури, когда Онъ Самъ былъ съ ними въ лодкѣ: *гдѣ есть въра ваша?* (Лук. 8, 25). Давши заповѣдь о субботнемъ покоѣ на всѣ времена, развѣ Богъ не предвидѣлъ, что люди по слабости своей могутъ бояться ущерба въ своихъ дѣлахъ, оставляя на цѣлые дни свои житейскія работы? Онъ не только словесомъ внушаетъ намъ, но и дѣломъ, опытами даетъ понять, что за усердное служеніе Ему мы всегда получимъ благословеніе Его на всѣ человѣчскія дѣла свои. Что же касается заповѣди о субботѣ, то при самомъ объявленіи о ней Израильтянамъ сказано было, что не будетъ манны въ субботу, а чтобы собирали ее наканунѣ, такъ какъ въ этотъ шестой день

ея будетъ дано вдвое противъ обыкновеннаго количества, какое нужно народу на сутки, и она не портилась на субботу, что было обыкновенно въ будничные дни у тѣхъ, кто старался собрать ее и на завтра (Исх. 16, 5, 20). Въ законѣ о субботнемъ, или седьмомъ годѣ, которымъ повелѣвалось въ этомъ году не пахать земли, не сѣять и не воздѣлывать виноградниковъ, сказано было, что въ шестой годъ, т. е. предъ годомъ субботнимъ, во всѣхъ произрастеніяхъ земли будетъ тройной урожай, котораго достанетъ не только на седьмой годъ, но и на осьмой, когда будетъ воздѣлываться земля, и даже на девятый, когда будетъ собираться жатва осьмаго года (Лев. 25, 21, 22). И это обѣтованіе о тройномъ урожаѣ предъ субботнимъ годомъ было Господомъ Богомъ исполняемо во все многовѣковое пребываніе Евреевъ въ Палестинѣ. И силы этого обѣтованія не отнялъ Спаситель у заповѣди о субботѣ, но сказалъ, что ни одна іота, или черта изъ закона Моисеева не останется безъ исполненія (Мат. 5. 18). Все это забывается нами въ жадномъ преслѣдованіи земныхъ выгодъ и при разчетахъ убытковъ отъ точнаго исполненія четвертой заповѣди Божіей. Между тѣмъ мы нерѣдко со скорбію смотримъ, какъ гибнуть труды земледѣльца, когда и обильная жатва гніетъ въ полѣ отъ неблагоприятнаго ненастья, и какъ сохнетъ въ полѣ посѣвъ во время засухи. При обильномъ весеннемъ дождѣ мы говоримъ, что этотъ дождь приноситъ намъ милліоны, и однакожь забываемъ, что всякій успѣхъ въ дѣлахъ нашихъ зависитъ отъ Того, Кто солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя. У насъ безпрестанно слышатся жалобы: «урожай плохой, торговля тиха, у народа денегъ нѣтъ»: отчего все это? Не отъ того-ли, что Господу неугодно давать изобиліе людямъ надѣющимся только на свой муравь-

иный трудъ и забывающимъ помолиться въ праздники Отцу Небесному, Котораго щедродательная десница мгновенно восполняетъ наши недостатки и убытки? *Гдѣ есть вѣра ваша?— Не имате зане не просите.* (Іак. 4, 2).

Многимъ изъ разсуждающихъ о прекращеніи торговли въ праздники повидимому представляется неразрѣшимымъ вопросъ: чѣмъ дозволить торговать, и что запретить? Какъ бы не поставить въ затруднительное положеніе народъ относительно покушки и продажи предметовъ ежедневнаго потребленія? Какъ бы не стѣснить людей пріѣзжающихъ въ праздничные дни въ города? Что дѣлать при неожиданномъ посѣщеніи гостя, когда съ вечера не куплено необходимаго для угощенія и т. под.?— Скажемъ на это, что если будете стараться все перечислить, поименовать и обозначить въ обязательныхъ постановленіяхъ: то конечно поставите народъ въ такое положеніе, въ какомъ были Евреи подъ буквализмомъ фарисейскихъ взглядовъ и требованій, простиравшихся до того, что даже больному запрещалось помогать въ субботу (Лук. 13, 14). Цѣль христіанскаго ученія о праздникахъ и всѣхъ церковныхъ постановленій состоитъ не въ томъ, чтобы связать свободныя души христіанъ подробными предписаніями, а чтобы посредствомъ ихъ и чрезъ упражненія въ дѣлахъ благочестія подъ ихъ руководствомъ вселить въ умы свѣтъ духовнаго разумѣнія, а въ сердца страхъ Божій, при которыхъ воспитывается въ людяхъ христіанская мудрость и благоразуміе, а за тѣмъ и способность строго различать добро отъ зла, дозволенное отъ недозволеннаго (Евр. 5, 14). Эта духовная христіанская мудрость составляетъ достояніе какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ, воспитанныхъ церковію и утвердившихся въ сознаніи благотворности строгаго соблюденія заповѣдей и опасности уклоненія отъ нихъ

и послабленій. Здѣсь остается свобода и для христіанской ревности возвышающейся до подвига. Такъ за полвѣка тому назадъ мы знали одного трактирщика, который при первомъ ударѣ церковнаго колокола, призывающаго ко всенощной, приглашалъ гостей выходить изъ заведенія, и затѣмъ запиралъ его и отправлялся съ своимъ семействомъ въ церковь. Вотъ христіанскій взглядъ, которымъ должно руководствоваться въ разсужденіяхъ о торговлѣ въ праздники. Объявите, что вы съ благоговѣніемъ относитесь къ заповѣди Господней, признаете торговлю и житейскія работы въ праздники недозволенными, и затѣмъ предоставьте народъ руководству церкви въ увѣренности, что руководимая ею христіанская совѣсть и народный разумъ сами опредѣляютъ, гдѣ и какія по крайней нуждѣ могутъ быть дѣлаемы исключенія. На эти исключенія по необходимости, даже изъ буквальной строгости ветхозавѣтнаго закона о субботнемъ покоѣ указалъ Самъ Господь фарисеямъ, говоря: «не отвязываетъ ли каждый изъ васъ вола своего или осла отъ яслей въ субботу, и не ведетъ ли поить?» (Лук. 13, 15). Но въ смыслѣ высшаго разумѣнія и свободнаго отношенія къ обрядовымъ предписаніямъ закона Господь представилъ поучительный примѣръ въ лицѣ Давида, который во время гоненія на него отъ Саула, томясь голодомъ, вошелъ въ Скинію свидѣнія и взявъ хлѣбы предложенія, которыя могли вкушать только священники, самъ ѣлъ ихъ и далъ бывшимъ съ нимъ (Мат. 12, 4). «Суббота, говорилъ Господь, для человѣка, а не человѣкъ для субботы» (Мар. 2, 27). Подобныя исключенія безъ уменія силы общаго закона мугутъ быть допускаемы и въ дѣлахъ торговли и въ другихъ работахъ въ праздники, подъ руководствомъ христіанской совѣсти. Но такъ какъ это высшее разумѣніе нравственнаго обря-

доваго закона не всѣмъ доступно, такъ какъ больше людей съ темнымъ пониманіемъ закона и съ смутною совѣстію, то остается въ силѣ наставленіе Апостола, относящееся ко всѣмъ лучшимъ и власть имѣющимъ христіанамъ: „вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ“. Какъ скоро такимъ образомъ разрѣшится вопросъ въ думскихъ и земскихъ собраніяхъ, они и отъ насъ служителей церкви въ правѣ будутъ требовать исполненія нашего долга учить народъ велѣнно, проповѣдывать въ храмахъ, занимать его внѣбогослужебными собесѣдованіями и пр. Теперь же намъ трудно, когда желательно, собирать вокругъ себя распуганныхъ и распущенныхъ овецъ Христовыхъ.

Есть еще вопросъ, предлагаемый людьми повидимому и образованными, но безъ христіанскихъ убѣжденій, которые однакоже признаютъ себя способными руководить другихъ: „что будетъ дѣлать въ праздники народъ (разумѣется простой), если ему запретятъ въ эти дни торговлю и всѣ работы?“ Мы скажемъ имъ на это: народъ будетъ дѣлать въ праздники то, что будете дѣлать вы, становящіеся во главѣ его. Если вы будете въ навѣчеріе праздниковъ съ благоговѣніемъ посѣщать всеношныя бдѣнія, и въ самые праздники присутствовать на литургіяхъ, и при томъ, приходя къ началу ихъ, не выходя изъ храмовъ прежде времени и не разговаривая во время богослуженій: народъ обрадуется этому и утвердится въ обычаѣ ходить въ праздники къ церковной службѣ. Если же вы будете, какъ многіе изъ васъ дѣлаютъ теперь, вечера и цѣлыя ночи подъ праздники проводить въ играхъ и пиршествахъ, а на утро отъ многоястія и многопитія просыпать даже и позднія литургіи: то неудивительно, если такую свободою соблазнится и народъ, какъ уже и видимъ не только въ молодыхъ людяхъ средняго со-

словія, но и въ крестьянахъ, особенно начитавшихся книжекъ, разбрасываемыхъ въ народъ непризванными писателями и лжеучителями въ родъ Пашковыхъ и Толстыхъ. Наконецъ, если вы въ праздники дадите народу пріятныя и поучительныя занятія въ родъ чтеній, облагороженныхъ пѣвческихъ собраній, гимнастическихъ упражненій и т. под.: народъ охотно послѣдуетъ за вами, но такъ-же, къ несчастію, онъ можетъ быть увлеченъ и на ваши зрѣлища, которыя становятся годъ отъ году менѣе художественными и болѣе развращающими. и даже въ тѣ грубыя и сладострастныя вечернія сборища, о которыхъ и говорить трудно. Посмотрите въ исторію: кто начиналъ и ускорялъ разложене и падене великихъ народовъ, славившихся могуществомъ и образованіемъ? Не передовыя-ли сословія, оторвавшіяся отъ старыхъ утвержденныхъ преданіями добрыхъ народныхъ нравовъ и обычаевъ, увлеченныя ложными ученіями и разслабѣвшія духомъ въ роскоши и порокахъ? Въ себѣ и своей жизни читайте будущую исторію и судьбу нашего народа.

Мы сказали, что колебанія и произволъ нашихъ городскихъ и земскихъ собраній въ рѣшеніи вопроса о прекращеніи торговли по праздникамъ запутываетъ совѣсть нашего народа. Это вѣрно. Мы, служители церкви, слышимъ отъ благочестивыхъ торговцевъ жалобы на то, какъ тяготятъ ихъ это разнообразіе и перемѣны въ назначеніи часовъ для торговли въ праздники; какъ трудно имъ выслушивать жалобы отъ людей, служащихъ у нихъ, на то, что имъ нѣтъ надлежащей свободы ни для посѣщенія богослуженія, ни для отдохновенія въ своихъ семействахъ. Мы видимъ, наконецъ, какъ нѣкоторые торговцы робко и понемногу сами начинаютъ прекращать торговлю въ праздники. Это было особенно замѣтно въ годовщину чудеснаго спасенія Государя

Императора 17 октября, когда каждый хотѣлъ по-христіански отпраздновать этотъ великій день явленія милости Божіей нашему отечеству. Мы не можемъ безъ жалости смотрѣть на это неестественное положеніе православныхъ людей, имѣющихъ всѣ права на свободное распоряженіе своимъ временемъ и выраженіе своихъ христіанскихъ чувствованій и расположеній. Намъ хочется сказать имъ: чего вы ждете? Кого вы боитесь? Господня заповѣдь, освобождающая ваши души въ святые дни отъ всѣхъ житейскихъ заботъ и трудовъ, вамъ извѣстна. Благословеніе Божіе благочестно проводящимъ эти дни обѣщано непреложнымъ словомъ Божіимъ, Благочестивѣйшій Государь благоволительно ожидаетъ вашего свободнаго движенія въ этомъ великомъ дѣлѣ возстановленія благочинія, трезвости, мира и порядка въ святые дни Господни,—въ дѣлѣ, обѣщающемъ неисчислимыя благотворныя послѣдствія для нашего народа. Правда, когда большинствомъ общества овладѣлъ дурной обычай, тогда трудно бороться противъ него. Но зло, о которомъ мы разсуждаемъ, уже понято, начинающіе есть, желающихъ въ глубинѣ души его прекращенія множество. Кто больше имѣетъ вѣры и страха Божія въ душѣ своей, тотъ наиболѣе обязанъ съ твердостію начинать и вести эту борьбу. Закрывайте въ праздники ваши лавки и промышленныя заведенія въ городахъ, за вами послѣдуютъ торговцы въ селеніяхъ, вразумятся и крестьяне и переменятся дни для базаровъ; духъ благочестивой ревности по Богу и церкви пройдетъ по землѣ нашей, и мы своими глазами увидимъ на себѣ и отечествѣ нашемъ исполненіе Божіихъ обѣтованій дарованныхъ ревностнымъ блюстителямъ священнаго покоя посвященныхъ Богу дней. Аминь.

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

ГЛАВА I.

Перечисленіе сыновъ Израиля, вошедшихъ въ Египеть (ст. 1—5).

Ст. 1. *Вотъ имена сыновъ Израиля, вошедшихъ въ Египетъ, съ Иаковомъ отцемъ своимъ каждый и домъ его вошли: (2) Рувимъ, Симеонъ, Левій и Иуда, (3) Иссахаръ, Завулонъ и Веняминъ, (4) Данъ и Нефθαлимъ, Гадъ и Асиръ. (5) Тогда всѣхъ душъ, вышедшихъ изъ чреслъ Иакова было семьдесятъ душъ; а Иосифъ былъ въ Египтѣ:*

Ст. 1. *Вотъ.* Основываясь на переводѣ LXX, отступаемъ отъ еврейскаго текста, слѣдуя которому нужно было перевести: *и вотъ.* Если бы союзъ: *и (вавъ)* былъ въ еврейскомъ текстѣ LXX, то они поставили бы: *каі таѣта* (а не просто: *таѣта*), подобно тому, какъ союзомъ *каі* они начинаютъ Лев. I, I. Числь I, I. Ис. Нав. I, I и проч. Пользуясь этимъ указаніемъ перевода LXX, читаемъ въ еврейскомъ текстѣ не: *веэлле* а *элле.* Эта поправка устраняетъ нужду говорить о тѣснѣйшей связи начала книги Исхода съ концемъ книги Бытія.

Отцемъ своимъ. Въ еврейскомъ текстѣ нѣтъ слова соотвѣтствующаго у LXX: *тѡ патрѣ аѡтѡν* (т. е. нѣтъ слова *авимъ*). Но едва ли это выраженіе внесено въ греческій текстъ про-

изволью, для поясненія. Во впесеніи подобнаго поясненія не было нужды.

Каждый и домъ его, то есть, каждый изъ сыновъ Іакова съ своимъ семействомъ и прислугой. Члены каждой семьи поименно перечислены Быт. 46, 8—27.

Ст. 2—4. Сыновья Іакова поименованы здѣсь не въ порядкѣ времени рожденія, а по матерямъ своимъ: сначала идутъ дѣти Лія и Рахили, затѣмъ дѣти рабынь—Валлы и Зелфы. Этотъ порядокъ соблюденъ и въ Быт. 35, 23--26. Іосифъ опущенъ, потому что не съ Іаковомъ, а прежде его пришелъ въ Египеть, что и замѣчено въ 5-мъ стихѣ.

Ст. 5. *Вышедшихъ изъ чреслъ Іакова*, то есть родившихся и отъ самого Іакова, и отъ дѣтей и внуковъ его, до переселенія въ Египеть.

Семьдесятъ душъ. И здѣсь, и Быт. 46, 27 и Втор. 10, 22 по еврейскому тексту читается: *семьдесятъ*; а по греческому переводу во всѣхъ этихъ мѣстахъ читаемъ: *семьдесятъ пять*. Различіе произошло отъ того, что греческіе переводчики прибавили въ своемъ переводѣ Быт. 46, 20 еще троихъ внуковъ и двоихъ правнуковъ Іосифа. Прибавка эта сдѣлана догадочно на основаніи Быт. 50, 23 и Числь 26, 29—39. Первомученикъ Стефанъ въ рѣчи къ іудеямъ-еллинистамъ (Дѣян. 6, 9) приводитъ число душъ, переселившихся съ Іаковомъ (7, 14) по греческому тексту, къ которому привыкли его слушатели.

Въ числѣ семидесяти душъ считаются и самъ Іаковъ съ Іосифомъ и двоими сыновьями послѣдняго (Быт. 46, 26. 27).

А Іосифъ былъ въ Египтѣ, то есть, хотя Іосифъ и считается въ общемъ числѣ семидесяти переселенцевъ: но онъ переселился прежде прочихъ. Съ цѣлію объяснить это LXX и поставили въ своемъ переводѣ послѣднія слова 5-го стиха въ самомъ началѣ его.

Размноженіе евреевъ въ Египтѣ и мѣры прищатыя противъ нихъ новымъ царемъ (ст. 6—22).

Ст. 6. *И умеръ Іосифъ и все братья его и весь родъ тотъ; (7) а сыны Израиля плодятся, и множатся и возрастали, и*

усилились весьма, весьма, и наполнилась ими земля та. (8) И возсталъ надъ Египтомъ новый царь, который не зналъ Иосифа. (9) И сказалъ народу своему: вотъ народъ сыновъ Израилевыхъ больше и сильнѣе насъ. (10) Давайте, ухитримся противъ него, чтобы не размножался онъ; случится война, и онъ присоединится къ врагамъ нашимъ, будетъ воевать противъ насъ и выйдетъ изъ земли. (11) И поставили надъ нимъ урочныхъ начальниковъ, чтобы давить его тяжкими работами, и построилъ онъ Фараону города для запасовъ: Пивомъ и Раамсесъ. (12) Но сколько давили его: столько же онъ возрасталъ и столько же распространялся; и стало имъ страшно отъ сыновъ Израиля. (13) И египтяне съ жестокостію принуждали сыновъ Израиля работать, (14) и дѣлали жизнь ихъ горькою отъ тяжелой работы надъ глиною и кирпичами и отъ всей работы на поле, отъ всякой работы, которую работали на нихъ съ жестокостію. (15) И сказалъ царь египетскій повивальнымъ бабкамъ еврейскимъ, изъ которыхъ одной имя Шифра, а другой имя Пуа, (16) сказалъ: когда повиваете у евреекъ, смотрите на утробу рождающую; если это сынъ, умерщвляйте его; а если это дочь, пусть будетъ жива. (17) Но повивальныя бабки боялись Бога, и не дѣлали такъ, какъ говорилъ имъ царь египетскій, и оставляли дѣтей въ живыхъ. (18) И призвалъ царь египетскій повивальныхъ бабокъ и сказалъ имъ: зачѣмъ дѣлаете такое дѣло,—оставляете дѣтей въ живыхъ? (19) И сказали повивальныя бабки Фараону: еврейскія женщины не то, что египетскія; онѣ здоровы; родятъ прежде чѣмъ придетъ къ нимъ бабка. (20) И дѣлалъ Богъ добро повивальнымъ бабкамъ; а народъ возрасталъ и весьма усиливался. (21) За то, что бабки боялись Бога, Онъ устроилъ имъ дома. (22) И повелѣлъ Фараонъ всему народу своему, говоря: всякаго сына новорожденного въ рѣку бросайте; а всякую дочь оставляйте въ живыхъ.

Ст. 6. Родъ тотъ, то есть, все современное Иосифу поколѣніе переселенцевъ; ср. Быт. 7, 1.

Ст. 7. Множились, буквально: стали кншть, кучами копшиться. Это слово преимущественно употребляется, когда рѣчь идетъ о мелкихъ пресмыкающихся животныхъ, размножающихся съ особенною быстротою (Быт. 1, 20 и проч.).

Каждому изъ выраженій этого стиха, свидѣтельствующихъ о размноженіи евреевъ, іудейскіе толкователи придаютъ частное значеніе. По ихъ мнѣнію, ничѣмъ впрочемъ неподтвержденному, слово *плодились* означаетъ, что каждая, безъ исключенія, чета рождала дѣтей; *множились*—рождали не по одному, а по нѣскольку дѣтей; *возрастали*—въ дѣтствѣ не умирали; *усилились*—были крѣпки тѣломъ и духомъ (см. Philippsohn Israel. Bibel 1, 295).

Наполнилась ими земля та. О быстромъ расплоденіи и людей и животныхъ въ Египтѣ говорятъ многіе. Еще Аристотель приводитъ примѣръ женщины, родившей въ четыре раза двадцать младенцевъ. Свидѣтельства новыхъ писателей см. у Розенмиллера (Das alte und neue Morgenland 1, 253). Дѣйствіе Египетской природы въ этомъ отношеніи усиливалось, конечно, дѣйствіемъ благодати обѣтованія, даннаго родоначальникамъ еврейскаго народа (Быт. 17, 6; 26, 4).

Славянскій переводъ: *умножи се ихъ земля* произошелъ отъ неправильности значенія даннаго глаголу $\pi\lambda\eta\theta\acute{\upsilon}\nu\omega$; вмѣсто средняго, ему дано значеніе дѣйствительнаго глагола.

Земля та, конечно, область Гесемъ или Раамеевъ (Быт. 45, 10; 47, 11), гдѣ поселены были евреи (Исх. 9, 26). Она простиралась, вѣроятно, отъ восточнаго рукава Нила до пустыни Аравійской. Теперь она называется Шуркія (Robinson, Palästina 1, 59, 65, 84). Робинзонъ хвалитъ ея плодородіе, зависящее отъ орошенія каналами, и говоритъ объ изобиліи здѣсь и крупнаго и мелкаго скота. Страна и теперь, по его словамъ, можетъ прокормить болѣе милліона людей, хотя обрабатывается она и неудовлетворительно (стр. 87). Повелѣніе Фараона бросать новорожденныхъ еврейскихъ мальчиковъ въ рѣку (1, 22) не можетъ доказывать того, что евреи жили во всемъ Египтѣ. Не доказываетъ этого и порученіе, данное сестрѣ Моисея наблюдать за нимъ, когда онъ лежалъ въ корзинѣ у берега рѣки (2, 3. 4). Изъ обоихъ указанныхъ мѣстъ видно только, что область Гесемская доходила до Нильскаго рукава, и что отъ него проведены были по странѣ каналы. Собиранье соломы по всей землѣ Египетской (5, 12) указываетъ такъ же на то, что не во всей землѣ жили евреи. А

собираніе у сосѣдей золотыхъ и серебряныхъ вещей и одеждъ (3. 22) свидѣтельствуеъ только о томъ, что евреи жили въ Гесемѣ не одни, а смѣшанно съ египтянами.

Ст. 8. *Возсталъ надъ Египтомъ новый царь, который не зналъ Иосифа.* Изъ употребленныхъ здѣсь выраженій нельзя не видѣть, что священный писатель говоритъ не о смѣнѣ одного царя другимъ по праву престолонаслѣдія, но о появленіи новой династіи проложившей себѣ путь къ престолу собственною силою и не имѣвшей никакой связи съ родомъ прежнихъ царей. Къ такой мысли ведетъ и слово: *возсталъ* (*вайѣкомъ*), неупотребительное при означеніи смѣны царя его наслѣдникомъ, и слово: *новый*, и замѣчаніе, что этотъ новый царь не имѣлъ понятія объ Иосифѣ и его заслугахъ для Египта. Но о какой именно изъ египетскихъ династій идетъ здѣсь рѣчь, на это, при нынѣшнемъ состояніи изученія древней египетской исторіи, едва ли можно дать точный отвѣтъ. Одни изъ послѣдователей египетской исторіи указываютъ на основателя XVIII династіи—Амосиса или Аамеса, иначе Тетмосиса или Тутмосиса, другіе указываютъ на основателя XIX династіи—Рамзеса, или же на третьяго царя этой династіи—Рамзеса втораго; иные же думаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о Гиксахъ, овладѣвшихъ нижнимъ Египтомъ за-долго до появленія XVIII династіи. А нѣкоторые изъ египтологовъ отвергаютъ самое существованіе Гиксовъ, а вмѣстѣ и большую часть сказаній Манехона объ Египетскихъ династіяхъ. Мы не въ состояніи внести что нибудь отъ себя въ разрѣшеніе этихъ споровъ и потому ограничимся замѣчаніемъ, что въ послѣднее время чаще стали приурочивать событія, изложенныя въ первой главѣ книги Исхода, къ воцаренію Амосиса, основателя XVIII династіи. О времени воцаренія Амосиса изслѣдователи гадаютъ различно. Одни относятъ къ 1706 году до Рождества Христова, другіе къ 1625, третьи къ 1525 году. Очевидно, что при такомъ состояніи египетской хронологіи рано съ увѣренностію рѣшать вопросъ, какую династію нужно разумѣть въ томъ случаѣ, когда книга Исхода говоритъ, что *возсталъ новый царь*.

Ст. 9. Дѣла Иосифа были неизвѣстны новому царю. Ему

оставалось смотрѣть на народъ еврейскій съ точки зрѣнія теперешнихъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ выгодъ своего государства. Ему показалась опасною многочисленность евреевъ, — племена, не слившася съ египтянами. *Вотъ народъ сыновъ израилевыхъ*. Потомки израиля и по религіи и по обычаямъ отличались отъ остальныхъ жителей Египта; это въ глазахъ царя былъ особый народъ. Этотъ народъ былъ *больше и сильнѣе* не всего египетскаго народа; египтяне были слабѣе его въ сѣверовосточной части Египта, на той границѣ, которая была единственною опасною границею государства; тутъ вторгались въ страну азіатскія племена.

Ст. 10. *Ухитримся*. И самыя мѣры принятыя противъ евреевъ (ст. 11. 15), и замѣна въ псал. 104, 25 слова употребленнаго здѣсь (*хасамъ*) другимъ, означающимъ коварное, лукавое дѣйствованіе (*нахамъ*) указываютъ на то, что переводимое слово должно заключать въ себѣ не понятіе мудрости, а понятіе хитрости или лукавства.

Чтобы не размножался онъ... Народъ еврейскій уже размножился; съ теченіемъ времени онъ будетъ еще сильнѣе. Нужно принять мѣры противъ этого дальнѣйшаго размноженія, которое грозитъ опасностію преимущественно въ случаѣ войны. Евреи соединятся съ врагами; война будетъ труднѣе. Положимъ, она кончится благополучно; насъ не одолѣютъ; но тогда легко будетъ евреямъ совсѣмъ уйти изъ Египта. Мы лишимся полезнаго населенія, лишимся многихъ подданныхъ.

Опасеніе выселенія евреевъ выражено словами: *выйдетъ изъ земли*. Напрасно было бы отыскивать въ словѣ *выйдетъ* указаніе на то, что царю Египетскому извѣстно было, откуда пришли евреи въ Египетъ и куда они должны будутъ уйти. Правда, что слово *ала́* (восходилъ) употребляется и для означенія путешествія изъ Египта въ Ханаанъ; но это же слово должно быть употреблено писателемъ и вообще въ рѣчи объ уходѣ евреевъ за границу. Евреи могли уйти только за восточную границу государства. Куда бы они ни пошли по переходѣ этой границы, имъ пришлось бы по еврейскому слововыраженію *восходить* изъ низменнаго Египта въ страны лежація выше его.

Опасеніе соединенія евреевъ съ врагами египтянъ вызывалось, конечно, не тою мыслию, что евреи не опустятъ случая измѣнить худшее житіе на лучшее. Ни откуда не видно, чтобы еврей, до воцаренія этаго новаго царя, терпѣли какія нибудь притѣсненія. И размноженіе евреевъ, и позднѣйшія воспоминанія ихъ о нѣкоторыхъ удобствахъ египетской жизни, -- воспоминанія, появлявшіяся даже послѣ прожитаго періода гоненій (Числь II, 4. 5), -- скорѣе могутъ служить свидѣтельствомъ того, что жизнь евреевъ въ Египтѣ не была тяжка. Не могла, слѣдовательно, и царю придти на умъ мысль о тяжести для евреевъ египетской жизни. Не могъ онъ водиться и мыслию, что евреи должны возвратиться въ Ханаанъ и воспользоваться для этого возвращенія первымъ случаемъ. Царь не зналъ прежней исторіи евреевъ (ср. ст. 8). Вѣроятно же, что и языкъ и весь бытъ евреевъ наводили царя на мысль о сродствѣ евреевъ съ тѣми азіатскими племенами, которыя и прежде вторгались въ Египетъ, и со стороны которыхъ могъ ждать онъ новыхъ нападений. Отъ племенъ родственныхъ или близкихъ естественно было ждать вступленія въ союзъ.

Ст. 11. Первая мѣра, принятая противъ евреевъ послѣ совѣщанія царя съ народомъ, состояла въ назначеніи надъ ними урочныхъ начальниковъ. Евреевъ не просто стали высылать на работы; это не привело бы къ желанной цѣли. Ихъ пожелали изнурить большимъ количествомъ задаваемыхъ урочныхъ работъ, а для распредѣленія этихъ уроковъ и для наблюденія за выполненіемъ ихъ назначили особыхъ чиновниковъ. Мысль задавить народъ работой, изнурить его физическія силы, чтобы онъ не такъ плодился, и подавить въ немъ духовные интересы и стремленіе къ свободѣ, конечно, есть мысль, не однимъ Фараонамъ приходившая на умъ, и въ пользу подобныхъ соображеній нѣтъ нужды ссылаться на Аристотеля (Кюбель, Кейль), который постройку пирамидъ изъясняетъ такими же цѣлями.

Построилъ онъ. Вѣроятно священный писатель указываетъ только болѣе значительную работу евреевъ, опуская другія менѣе крупныя работы (ср. ст. 14). Слово: *построилъ* не даетъ права думать, что прежде ни чего не было на мѣстѣ возве-

денныхъ евреями построекъ; оно (банá) можетъ означать и перестройку, возобновленіе и расширеніе построекъ (ср. Ам. 9, 14; ис. 121, 3 и проч.). На основаніи греческаго перевода Быт. 46, 28 можно предполагать, что одинъ, но крайней мѣрѣ, изъ построенныхъ евреями городовъ, именно Раамсесъ, существовалъ и во время прибытія Іакова въ Египетъ.

Фариону. Это не есть имя царя египетскаго, а есть прозваніе или титулъ, по всей вѣроятности означающій: *домъ* (бога) *Ра*, иначе: *изъ семьи бога, божій потомокъ*.

Города для запасовъ, то есть, для склада продуктовъ, составившихъ предметъ и торговли и продовольствованія войскъ (ср. 2 Пар. 32. 28). Такіе склады нужны были на сѣверовосточной границѣ государства, гдѣ лежалъ и торговый и военный путь въ Азію. Вѣроятно, для обезпеченія складовъ, города были укрѣплены, на что можетъ указывать выраженіе LXX: *πόλεισ οχυραί*.

Пиѳомъ и Раамсесъ. Оба города выстроены были на каналѣ, который проведенъ былъ изъ Нила въ Аравійскій заливъ еще во времена владычества XII династіи. *Пиѳомъ*, у Геродота, *Πατομοσ*, означаетъ по объясненію однихъ: *крѣпость* (Iablonsky и Brugsch, см. Schenkel, Bibel-Lexicon, IV, 57), по объясненію другихъ: *домъ или храмъ Тума*, бога солнца (Cook, the New Bible I. 251). Развалины города ищутъ близъ нынѣшняго Клаббасіэ (Iomava у Schenkel Bib. Lex. I. с.), или при Телль-ел-Кеборъ (Hitzig, Geschichte des Volkes Israel, стр. 60). Нѣкоторые считаютъ Пиѳомъ за одно съ Героополемъ, основываясь при этомъ на Коптскомъ переводѣ разбираемаго стиха (см. Winer, Realwörterbuch II, 264). Другой городъ, *Раамсесъ*, еще со временъ Іосифа Флавія многіе считаютъ за одно съ Иліополемъ, съ чѣмъ однако же трудно согласиться и потому, что для Иліополя есть въ Ветхомъ завѣтѣ свое особое имя: *Онъ* (Быт. 41, 50; 46, 20), и потому, что въ разбираемомъ стихѣ LXX отличаютъ Иліополь отъ Раамсеса. Другіе считаютъ Раамсесъ за одно съ Героополемъ (*Кейль*), опираясь преимущественно на Быт. 46, 28. 29 по переводу LXX. Но здѣсь страна Раамсесъ не отождествляется съ Героополемъ, а только указывается болѣе опредѣленно мѣсто

страны. въ которомъ Іосифъ встрѣтилъ Іакова. По другимъ, хотя и не вполне яснымъ показаніямъ, Героополь нужно искать довольно далеко отъ восточной границы Египта, ближе къ Нилу; а между тѣмъ Раамсесъ правильнѣе будетъ искать ближе къ границѣ. По указанію Числѣ 33, 3. 5 Раамсесъ былъ сборнымъ пунктомъ для евреевъ при выходѣ изъ Египта. Потому его нужно искать недалеко отъ восточной границы, ближе Пнеома. Лепсіусъ, Еберсъ и Мерксъ (Bibel-lexicon V, 38) думаютъ, что за Раамсесъ можно считать нынѣшній Абу-Кейшейбъ въ долинѣ Тумилать, недалеко отъ границы. Это мнѣніе можно признать за болѣе вѣроятное; его раздѣляетъ и Кейль, хотя онъ и настаиваетъ при этомъ на мысли, что тутъ же былъ и Героополь.

Названіе города нѣтъ необходимости ставить въ связь съ именемъ Рамзеса перваго или втораго принадлежавшихъ къ XIX династіи. Ихъ имена, такъ же и названіе страны и города Раамсесъ, происходятъ отъ имени египетскаго божества *Ра*.

Въ греческомъ переводѣ къ числу построенныхъ евреями городовъ прибавленъ *Онъ*, иначе *Иліополь* (Ὀν ἢ ἐστὶν Ἠλιούπολις). Есть ли это дополненіе исторически несомнѣнное, или же мы имѣемъ тутъ дѣло съ дополненіемъ, въ болѣе позднее время появившимся въ видѣ глоссы или замѣчанія на боку рукописи, и потомъ вошедшимъ въ текстъ LXX, — рѣшить едва ли возможно. *Елли*, впрочемъ отстаиваетъ истинность этого дополненія *Hilgenfeld Zeitschrift* 1870 г.).

Ст. 12. Первая мѣра противъ евреевъ не привела къ ожидаемымъ слѣдствіямъ. Размноженіе евреевъ не сократилось, а шло такъ же какъ и прежде. *Сколько... столько же* это не значитъ: *чѣмъ больше, тѣмъ больше*; но означаетъ: не смотря на силу угнетенія, сила размноженія не переставала дѣйствовать.

Стало имъ страшно. Этотъ переводъ основывается на Числѣ 22, 3; Ис. 7, 16. Египтянамъ *не опротивѣли* евреи, какъ переводятъ одни; *не наскучили*, какъ переводятъ другіе. Превнія опасенія египтянъ (ст. 9. 10) стали переходить въ страхъ, произведенный и продолжающимся размноженіемъ евреевъ и безуспѣшностію хорошо, повидному, задуманной мѣры. Чтобы замѣтить эту безуспѣшность, нужно было употребить, ко-

нечно, много времени на производство опыта угнетенія урочными работами.

Греческій переводъ 12-го стиха вставляетъ слово: *Египтяне*. Для ясности ли рѣчи сдѣлана эта вставка, или же въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ образовался пропускъ, на что можетъ указывать употребленіе этого подлежащаго въ слѣдующемъ стихѣ,—рѣшить нельзя.

Ст. 13. Здѣсь и въ слѣдующемъ стихѣ не указывается какая либо новая мѣра принятая противъ евреевъ, не заключается и простаго поясненія того, что сказано въ стихѣ 11-мъ; тѣмъ болѣе нѣтъ здѣсь вставки, произведенной рукою позднѣйшаго дополнителя пятокнижія. Здѣсь указывается только усиленіе жестокости въ отношеніи къ евреямъ, вызванное замѣченною безуспѣшностію прежнихъ дѣйствій.

Съ жестокостію. Слово *pérex* не можетъ быть переведено: каменоломня, какъ въ обоихъ стихахъ 13 и 14 переводить его Манделъштамъ. Значеніе слова ясно опредѣляется употребленіемъ его Лев. 25, 43 и Іез. 34, 41 и придумывать для него новое значеніе на основаніи предполагаемаго корня слова (халд. *paráx*) нѣтъ никакой нужды.

Ст. 14. *Надъ глиною и кирпичами*, то есть, надъ приготовленіемъ глины для кирпичей, изготовленіемъ самыхъ кирпичей и производствомъ кирпичныхъ построекъ. Постройки изъ кирпича употребительны были въ Египтѣ съ весьма древнихъ временъ. На одномъ Фивскомъ храмѣ, построенномъ Тутмосомъ III, пятымъ царемъ XVIII-й династіи, изображена и самая работа изготовленія кирпичей. Работаютъ плѣшпики, взятые этимъ царемъ во время его походовъ въ Азію. Подъ руководствомъ главнаго надзирателя особые приставники (ср. ст. 11), съ палками, понуждаютъ плѣшниковъ къ работѣ (*Cook, The holy Bible I, 252: ср. Keil Comm. I, 316*). Въ Белбеисѣ, нынѣшнемъ главномъ городѣ области Шуркіа (прежняго Гесема), и въ другихъ мѣстахъ этой области, находятъ огромное количество кирпича. Объ участіи евреевъ въ постройкѣ пирамидъ, о которомъ говоритъ Іосифъ Флавій, нужно замѣтить, что постройку пирамидъ, за немногими исключеніями, относятъ къ болѣе древнему періоду египетской исторіи.

Отъ всей работы на поль. Подъ этой работой, кромѣ обработки земли подъ растенія, можно разумѣть и проведеніе каналовъ и канавъ, и трудную работу орошенія полей (Втор. II, 10; ср. Ios. Flavii Antiquit. III, 5, стр. 34, изд. 1691 г.). Въ Египтѣ почти совсѣмъ не бываетъ дождей и потому нужно искусственное орошеніе каналами и канавами, наполняющимися водою во время разлива рѣки Нила. Изъ нихъ и машинами накачивали и руками разносили воду для поливки полей.

Работали на нихъ, т. е. на евреяхъ. Этотъ оборотъ рѣчи совершенно точно соотвѣтствуетъ еврейскому выраженію. Египтяне работали на евреяхъ, какъ работаютъ на волахъ или лошадахъ, и еще *съ жестокостію.*

Ст. 15 и 16. Новыя отягченія евреямъ не имѣли ожидаемыхъ послѣдствій. Придумывается другое, болѣе жестокое средство противъ размноженія еврейскаго народа. Бабкамъ дается приказъ умерщвлять новорожденныхъ еврейскихъ мальчиковъ.

Бабкамъ евреимъ. Еврейскими они названы и потому что повивали у евреевъ, и, вѣроятно, потому, что сами принадлежали къ еврейскому народу. Послѣднее предположеніе можетъ находить себѣ подтвержденіе въ словахъ стиха 17-го: *бабки боялись Бога.* Здѣсь слово: *Бога* поставлено съ членомъ указательнымъ (гаелогимъ, а не просто елогимъ), съ которымъ оно всегда означаетъ Бога истиннаго (Втор. 4, 35; 3 Ц. 18, 21 и проч.). Предположеніе, что едва ли бы царь египетскій обратился съ подобнымъ приказомъ къ бабкамъ еврейскаго же происхожденія, не можетъ ослабить силу приведеннаго доказательства. Узы единоплеменности, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, могутъ оказываться не очень крѣпкими. Во всякомъ случаѣ естественноѣе предполагать, что бабки у евреевъ были изъ евреевъ же. Точно такъ же изъ словъ ст. 19: *еврейскія женщины не то, что египетскія* нельзя вывести заключеніе, что эти же бабки повивали и у египтянъ, а потому будто естественно думать, что онѣ и сами были египтянки. Сравненіе могло быть сдѣлано и не на основаніи собственнаго опыта повиванія. Самое значеніе сравненія см. въ объясненіи

19-го стиха. Имена бабокъ: *Шифра́* и *Пуа́* могутъ при изъясненіи ихъ съ еврейскаго языка, означать: *красота, блескъ* (Иов. 26, 13); но второе изъ этихъ именъ съ трудомъ подходитъ подъ такое значеніе, и вообще безъ насилія слову не можетъ быть объяснено изъ еврейскаго языка. Можетъ быть за обѣими еврейскими бабками остались въ книгѣ Исхода тѣ имена, подъ которыми онѣ извѣстны были египтянамъ, или которыя даны были имъ египтянами, какъ и Моисею, и потому изъяснить ихъ удобнѣе было бы съ языка египетскаго. Бунзенъ переводитъ съ египетскаго: *Шифра́—дочь солнца; Пуа—дающая родить, повитуха* (Bibelwerk, I, 107). Другіе переводятъ: *Шифра—плодоносная; Пуа—раждающая дитя*. Вѣрны эти переводы или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ замѣчательно, что имена этихъ двухъ бабокъ оставались до времени написанія книги Исхода, въ теченіе лѣтъ ста, въ благодарной памяти народа, между тѣмъ какъ имена Фараоновъ египетскихъ исчезли изъ нея.

Приказъ умерщвлять мальчиковъ отданъ былъ двумъ бабкамъ. Двухъ бабокъ на всѣхъ еврейскихъ женщинъ, естественно, было недостаточно. Потому думаютъ (Кейль), что поименованы Моисеемъ только представительницы или начальницы повивальныхъ бабокъ; онѣ уже отъ себя должны были передать приказъ царя своимъ сотрудницамъ по занятіямъ. Іудейскіе толкователи пополняютъ это объясненіе такими предположеніями: въ Египтѣ всѣ сословія и цехи имѣли своихъ начальниковъ или князей. Таковыми были въ настоящемъ случаѣ два упомянутыя лица, Шифра и Пуа. А по Абарбанелу эти имена не суть собственные имена двухъ бабокъ, а только суть обозначеніе двухъ разрядовъ повитухъ: одни оказывали помощь при родахъ, другія успокоивали родильницу и молились съ ней, отъ чего и взяты самыя слова Шифра и Пуа (ср. Ис. 42, 14). Лицами, которыя скрыты въ настоящемъ случаѣ подъ этими именами, іудейское преданіе почитаетъ Іохаведу и Маріамъ (*Philippsohn*, 1, 297. 298).—Но и раздѣленіе бабокъ на два разряда и предположеніе о существованіи начальницъ въ сословіи бабокъ не заключаютъ въ себѣ ничего вѣроятнаго, равно какъ и предположеніе Бунзена (Bibel-

werk 1, 107), что эти двѣ бабки были полицейскія повитухи изъ врачебнаго цеха. Вѣроятноже, что только двѣ упомянутыя бабки и занимались исключительно ремесломъ повиванія, въ большинствѣ же случаевъ еврейки обходились своими средствами, т. е. ограничивались помощію родственницъ и знакомыхъ. И теперь, по замѣчанію многихъ путешественниковъ, простой народъ въ Египтѣ никогда не обращается къ помощи бабокъ; даже болѣе зажиточные классы обращаются къ нимъ въ случаяхъ только особой важности (Cook, 1. 252). Потому можно думать, что и двухъ бабокъ было достаточно для всего еврейскаго населенія. Можно прибавить, что едва ли и въ первоначальные виды египетскаго царя могло входить поголовное истребленіе всѣхъ новорожденныхъ еврейскихъ мальчиковъ; достаточно было уменьшить мужское населеніе, особенно же въ семействахъ не простонародія, а въ болѣе достаточныхъ, которыя находили нужнымъ обращаться за помощію къ бабкамъ по ремеслу. Иное дѣло то, что произошло послѣ (ст. 22), подъ вліяніемъ раздраженія.

Утробу рождающую. Переводы слова *овнаимъ* очень разнообразны. Его переводятъ: *родильныя кресла* (Мандельштамъ и др.), *ванна или корыто* для мытья новорожденнаго ребенка (Гезеній, Бузенъ и др.), *полъ* новорожденнаго ребенка (Мейеръ) *постынно, тотчасъ* (Евальдъ). Видно изъ перевода LXX, что и въ ихъ время точное значеніе слова *овнаимъ* было утрачено; вмѣсто соотвѣтствующаго ему слова они поставили общее по смыслу выраженіе: *ка! ѡси прѡс тѡ тіхтеи будутъ къ рожденію* т. е. готовы будутъ родить. Таковъ же и переводъ: *при родахъ*. Иные находятъ нужнымъ признать ошибку въ еврейскомъ текстѣ и предлагаютъ читать: *банимъ*—сыновей, вмѣсто *овнаимъ*. Вмѣсто догадокъ гораздо правильнѣе, по нашему мнѣнію, воспользоваться тѣмъ, что разбираемое слово дважды употребленное въ Библии, въ другомъ мѣстѣ, именно Іер. 18, 3. употребляется несомнѣнно въ приложеніи къ тому станку или колесу, на которомъ горшечникъ работаетъ свои издѣлія. Отъ этого двусоставнаго станка, состоявшаго изъ двухъ вертѣвшихся каменныхъ круговъ, (*свенъ*—камень; *овнаимъ*—два камня) взято переносное значеніе, приложенное къ ра-

ждающей утробѣ. Основаніями для употребленія слова въ такомъ переносномъ значеніи могли послужить и двусоставность гончарнаго станка, и быстрое вращеніе его, (муки родильницы часто обозначаются въ Библии словомъ: *хилъ*, которое собственно значить *вертѣлся, кружился, колесомъ ходилъ* Ис. 13, 8; 23, 4; 26, 18; Мих. 1, 12; 4, 10; ср. Ис. 54, 1; Іов. 15, 7; Притч. 8, 24, гдѣ это слово прямо означаетъ *раздалъ*), и привычное уподобленіе происхожденія человѣка или народа произведенію глиняныхъ сосудовъ горшечниками (Іов. 10, 9; Исх. 29, 16; 45, 9; 64, 8; Іер. 18, 6). Сообразно съ такимъ изъясненіемъ слова *овнаилъ* приказъ царя бабкамъ будетъ имѣть такой смыслъ: «въ то время, когда ребенокъ выходитъ изъ утробы матери, смотрите тщательно; какъ только замѣтите, что ребенокъ мужскаго пола, тотчасъ умерщвляйте его». Вѣроятно при этомъ имѣлось въ виду такъ поспѣшать дѣломъ задушенія ребенка, чтобы оставалась возможность думать, что ребенокъ и родился мертвымъ.

Ст. 17. 18. *Боялись Бога*, истиннаго, какъ видно изъ употребленія члена указательнаго (ср. прим. къ ст. 15). Страхъ передъ царемъ уступилъ страху передъ Богомъ.

Оставляли дѣтей въ живыхъ. Такой переводъ слова *хайя* основывается на Быт. 6, 19. 20; 19, 19; 47, 25. Гиршъ (Рептатевш, II, 10) неправильно даетъ этому мѣсту смыслъ: «бабки дѣлали всевозможное для сохраненія дѣтей,—пользовались всѣмъ своимъ искусствомъ для того, чтобы не было младенцевъ ни мертворожденныхъ, ни поврежденныхъ при родахъ». Смыслъ выраженія болѣе простъ: «царь велѣлъ умерщвлять новорожденныхъ младенцевъ; бабки этого не дѣлали». (Ср. ст. 22). Значеніе греческаго: ἐζωογονοῦν и славянскаго: *живляху* опредѣляется употребленіемъ ихъ въ Суд. 8, 19; 3 Цар. 20, 31.

Ст. 19. Отвѣтъ бабокъ Фараону, конечно, былъ только отговоркой (ср. ст. 17 и 20). Эта отговорка, какъ видно, изъ того, что она принята была безъ возраженій и не повлекла за собою наказанія бабкамъ, имѣла видъ правдоподобія въ глазахъ Фараона. Ему могло быть извѣстно то, что замѣчено и путешественниками недавняго времени, именно, что роды

женщинъ Востока часто совершаются съ легкостію и быстрою. Такъ Буркгардтъ говоритъ, что бедуинка часто родить на открытомъ воздухѣ, обтираетъ дитя землею или пескомъ и завернутого несетъ въ домъ. Во время пути она слѣзаетъ съ верблюда, разрѣшается подъ нимъ и снова садится на него. Морье и Тишендорфъ говорятъ, что на Востокѣ иногда и спятныя женщины разрѣшаются прежде чѣмъ придетъ бабка, а женщины низшихъ классовъ часто обходятся безъ посторонней помощи (*Knobel, Exodus* стр. 9).

Онъ здоровъ. Еврейское *хайотъ* собственно значить: живучи, полны жизненной силы, по вовсе не значить здѣсь: *животныя*,—какъ переводитъ Мандельштамъ. Если принять переводъ Мандельштама, то придется и отступить отъ принятаго чтенія (то есть нужно будетъ вставить дагэшъ), и допустить неправильность въ употребленіи этого слова (должно бы стоять *кехайотъ*), и забыть первоначальное значеніе слова: *хайя*—живое, живущее.

Разность греческаго перевода этого стиха отъ еврейскаго текста, повидному, изъясняется предположеніемъ переводчиковъ, что слово *хайотъ* неудобно перевести и прилагательнымъ: *живыя* и существительнымъ: *животныя*. Поэтому они предпочли обойтись повтореніемъ слова.

Ст. 21. *Онъ устроилъ имъ дома.* Бабки своимъ образомъ дѣйствій охраняли семейное благо народа еврейскаго и тѣмъ содѣйствовали умноженію народа: за это Богъ устраивалъ и собственное ихъ семейное благо, то есть, потомство бабокъ умножалось и возрастало (ср. 2 Цар. 7, 11. 27; Быт. 7, 1; 12, 17; Втор. 7, 14); илѣ, какъ говоритъ блаж. Теодоритъ: Богъ, вознаграждая ихъ, даровалъ имъ обиліе благъ (I, стр. 103). Мендельсонъ и Гиршъ неправильно относятъ мѣстоименіе: *имъ* къ народу еврейскому. Такое разумѣніе совершенно противно грамматическому строенію всего разбираемаго стиха. Правда, что слово: *имъ* (лагемъ) поставлено въ мужескомъ родѣ, вмѣсто женскаго (лагенъ); но примѣры этого встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ Быт. 31, 9; 41, 23 и проч. Еще неправильнѣе переводъ Мандельштама: *Фараонъ съѣдалъ для нихъ родильни.* Ни подъ мѣстоименіемъ *онъ* невозможно

по строенію рѣчи разумѣть Фараона, а не Бога; ни подъ домами нельзя разумѣть дома родильные. И примѣровъ такого слова употребленія нѣтъ, и самая мысль объ устроеніи родильныхъ домовъ ни въ чемъ не можетъ найти себѣ подтвержденіе. Такъ же произвольны и толкованіе Абарбанела, что подъ устроеніемъ домовъ бабокъ пужно разумѣть умноженіе богатства и чести, и толкованіе Талмуда, что здѣсь нужно разумѣть происхожденіе царей и священниковъ отъ упоминаемыхъ бабокъ (Philippsohn 1, 299).

Блаженный Августинъ замѣчаетъ (Qvest. in Exod. lib. II, p. 422, ed. Paris, 1689), что бабки получили награду отъ Бога не за употребленную ими отговорку, а за человѣколюбіе.

Ст. 22. Раздраженный неудачею прежнихъ своихъ мѣръ противъ евреевъ, царь египетскій рѣшился открыто губить новорожденныхъ еврейскихъ мальчиковъ руками всего египетскаго народа.

Повелѣлъ всему народу. Фараонъ могъ разсчитывать на то, что многіе изъ Египтянъ съ сочувствіемъ примутъ всякую жестокою мѣру противъ евреевъ и явятся добровольными исполнителями царскаго приказа, не смотря на его безчеловѣчность. Не одному Фараону, а вообще Египтянамъ *стало страшно* отъ сыновъ Израилевыхъ (ст. 12). И прежній приказъ царя объ изпуреніи евреевъ работами (ст. 10, 11) нашелъ исполнителей, дѣйствовавшихъ *съ жестокостію* (ст. 13, 14). Припомнимъ еще, что и въ то время, когда въ отношеніяхъ египтянъ къ евреямъ не могло быть ничего враждебнаго, именно во времена Іосифа, въ глазахъ египтянъ было мерзостію пообѣдать вмѣстѣ съ евреями (Быт. 43, 32); а теперь, подъ вліяніемъ и страха и раздраженія, легко было многимъ изъ египтянъ дойти до совершеннаго презрѣнія ко всякимъ человѣческимъ правамъ евреевъ. Потому въ добровольныхъ исполнителяхъ царскаго приказа хотя бы и безчеловѣчнаго, недостатка быть не могло.

Всякаго новорожденного сына. Греческій переводъ вставляетъ: τοῖς Ἰβραίοις *у евреевъ*; эта вставка сдѣлана только для болѣе ясной рѣчи, и безъ того ясной. Понятно и безъ нея, что рѣчь идетъ о сыновьяхъ не египтянъ, а евреевъ. Суще-

ствование такой же вставки въ парафразѣ Онкелоса не можетъ доказывать, что въ еврейскомъ текстѣ произошло опущеніе; въ парафразѣ появленіе этой вставки понятно. Впрочемъ Талмудъ пользуется отсутствіемъ въ текстѣ поясненія, о чьихъ сыновьяхъ идетъ здѣсь рѣчь, и говоритъ, что приказъ царя относился одинаково и къ египетскимъ и къ еврейскимъ мальчикамъ. Въ объясненіе же этого, въ Талмудѣ рассказывается, что астрологи предсказали Фараону о рожденіи въ это время избавителя народа еврейскаго; только они не могли узнать, египтянинъ ли, или еврей будетъ этотъ избавитель. Потому будто и данъ былъ приказъ истреблять всѣхъ новорожденныхъ и египетскихъ и еврейскихъ мальчиковъ (Philippson, I, 299). Нѣтъ нужды прибавлять, что все это придумано единственно вслѣдствіе мнимой неопредѣленности рѣчи въ разбираемомъ стихѣ.

Бросайте въ рѣку. Въ рѣку, то есть, въ Ниль (ср. Быт. 41, 1), разумѣя тутъ и каналы Нильскіе, прорытые и въ области Гесемъ, заселенной евреями (ср. примѣч. къ 1, 7).

Безчеловѣчная жестокость этого приказа не составляетъ явленія безпримѣрнаго въ древней исторіи. Такъ напримѣръ въ Спартѣ, по рассказамъ Плутарха, время отъ времени высылались противъ рабовъ (илотовъ) юноши съ кинжалами; всѣхъ встрѣчныхъ плотовъ они убивали. Это считалось удобнѣйшимъ средствомъ убавлять численность населенія, которое, размножившись, могло стать опаснымъ. Фукидидъ рассказываетъ, что въ той же Спартѣ избили 2000 илотовъ, явившихся по призыву государства, на войну. Ихъ избили съ цѣлю убавить опасное населеніе. Въ Египтѣ съ самыхъ давнихъ временъ къ иноземцамъ относились враждебно. По словамъ Діодора иноземцы, до временъ Псамметика случайно попадавшіе въ Египетъ, были обращаемы въ рабство или предаваемы смерти. По другому свидѣтельству (Соох, 1, 253) вдовы и дѣти чужеземцевъ составляли собственность царей египетскихъ.

Еще менѣе могутъ ослаблять историческую достовѣрность царскаго приказа, изложеннаго въ 22 стихѣ, тѣ мнимыя несообразности, на которыя указываетъ Кнобель (Еход. стр. 10). Ему кажется невѣроятнымъ, чтобы то же самое правительство,

которое впоследствии такъ упорно отказывалось выпустить евреевъ изъ Египта, могло издать приказъ, слѣдствіемъ котораго было бы уничтоженіе еврейскаго народа. Указывая это противорѣчіе, Кнобель забываетъ, что нерѣдко даже одно и то же лице, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, принимаетъ рѣшенія, противорѣчащія одно другому. Въ одно время египетскому царю хочется сгубить евреевъ; въ другое время жалко выпустить эту рабочую силу изъ Египта. Такія противорѣчивыя чувства легко могли умѣститься и въ одномъ лицѣ. А изъ 23 стиха второй главы Исхода видно, что не одно лице и хотѣло сгубить евреевъ и удержать въ Египтѣ; прежній царь умеръ еще до возвращенія Моисея изъ Мадіама въ Египетъ. Кромѣ того, нѣтъ ни малѣйшей нужды давать приказу царя такое значеніе, какого онъ не имѣетъ. Ничѣмъ нельзя доказать, что этотъ приказъ долженъ былъ имѣть силу на очень долгое время. Онъ могъ быть мѣрою временною, направленною противъ чрезмѣрнаго размноженія евреевъ; желательно было убавить ихъ число, но не истребить ихъ. Понимаемый въ такомъ смыслѣ, приказъ не будетъ имѣть ничего общаго съ мыслию о совершенномъ истребленіи евреевъ. Этой цѣли, если бы она имѣлась въ виду, проще было достигнуть приказомъ о поголовномъ истребленіи всѣхъ евреевъ. Слѣдовательно и противорѣчія, указываемаго Кнобелемъ, совсѣмъ нѣтъ.

Кнобелю кажется, что будь данъ приказъ объ истребленіи младенцевъ, евреи возмущались бы противъ египтянъ и не могли бы впоследствии высказывать мысль о возвращеніи въ Египетъ (Числь 14, 4).— Несомнѣнно, что приказъ царя способенъ былъ возбудить возстаніе; но исторія знаетъ много случаевъ, когда тому или другому населенію естественно было бы произвести возстаніе и однако же оно не производило его, по дѣйствию весьма разнообразныхъ причинъ, сводящихся къ мысли или о физической или о нравственной слабости. Тѣмъ же евреямъ много пришлось извѣдать, напримѣръ въ средніе вѣка, самыхъ жестокихъ преслѣдованій; и однако-же возмущеній они не производили, конечно, по своей сравнительной слабости относительно преслѣдователей. А мысль возвратиться

изъ пустыни въ Египетъ возникла подъ вліяніемъ страха, что всѣмъ евреямъ придется пасть въ пустынѣ отъ меча, а женамъ и дѣтямъ ихъ придется стать добычею враговъ. Въ виду такого положенія, ясно указаннаго въ Числь 14, 3, (хотя и несоотвѣтствовавшаго дѣйствительности), естественно было явиться мысли: не лучше ли возвратиться въ Египетъ? Самая форма этого вопроса показываетъ, что возвращеніе въ Египетъ представлялось лучшимъ только по сравненію съ будто бы предстоявшимъ народу совершеннымъ истребленіемъ. Въ Египтѣ хотя и худо было, но не предстояло же поголовное истребленіе отъ меча.

Многочисленность евреевъ при выходѣ изъ Египта (Исх. 12, 37) такъ же не должна бы давать Кнобелю основанія отвергать истинность сказанія, заключающагося въ разбираемомъ стихѣ. Никому неизвѣстно, сколько времени и съ какою точностію выполнялся царскій приказъ. И Кнобель не можетъ сказать, много или мало потоплено было еврейскихъ младенцевъ.

П. Горскій-Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ
СВЯЩЕННИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
Д-ра о. Владиміра Гетте

БЫВШАГО СВЯЩЕННИКОМЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Я не имѣю притязанія принадлежать къ числу тѣхъ необыкновенныхъ людей, слава которыхъ возрастаетъ съ вѣками.

Между тѣмъ обо мнѣ говорили,—много говорятъ и теперь. Поэтому, я увѣренъ, что обо мнѣ не будутъ молчать и послѣ моей смерти. Нѣкоторые изъ моихъ трудовъ переживутъ меня.

Просвѣщенные люди будутъ говорить о нихъ хорошо; другіе же—дурно; авторъ раздѣлитъ ихъ участь.

Если, еще при жизни, мои враги старались злословить меня, то чего только не осмѣлятся они сказать, когда я уже не въ состояніи буду имъ отвѣчать?

Не принадлежать ли они къ партіи тѣхъ людей, которые не умѣютъ уважать ничего?

Поэтому-то я и издаю эти «Воспоминанія».

Я ихъ издаю для торжественнаго воспоминанія пятидесятилѣтней годовщины моего посвященія въ священники. Я посвящаю эту книгу моимъ друзьямъ, желая передать имъ въ

руки тѣ документы, на основаніи которыхъ они могли бы защитить мою память.

Въ той скромной средѣ, въ которой я жилъ, чуждый честолюбія и гордости, я много видѣлъ и много наблюдалъ; я былъ въ сношеніяхъ съ тѣми людьми, которыхъ обыкновенно называютъ великими лицами. Я буду говорить о нихъ только то, что видѣлъ самъ, или что знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ. Я не измѣню истинѣ, для того, чтобы понравиться ихъ друзьямъ.

Въ отношеніи къ нимъ мнѣ нечего быть осторожнымъ. Но я не желаю соблазна. Къ чему онъ? Я скажу достаточно для того, чтобы истина была обнаружена.

Я обращаю тщательное вниманіе лишь на то, что касается лично меня и буду рассказывать безпристрастно.

Эти «Воспоминанія» будутъ полезны тѣмъ, которые желаютъ приобрѣсть правильныя понятія, не только обо мнѣ лично, но и о тѣхъ лицахъ, съ которыми я имѣлъ сношенія, и о тѣхъ событіяхъ, которыя относятся къ исторіи Церкви во Франціи въ XIX столѣтіи.

Онѣ будутъ также полезны моимъ православнымъ братьямъ, которые найдутъ въ нихъ вѣрное изображеніе внутренней жизни Римской Церкви, надменные притязанія которой столь мало могутъ быть оправдываемы. Они увидятъ изъ моей книги, какъ я, поражая ложныя ученія этой Церкви, приведенъ былъ въ Церковь Православную, единую истинную Церковь Иисуса Христа *).

Д-ръ В. Гетте.

*) См. «Souvenirs d'un prêtre romain devenu prêtre orthodoxe». D-r Wladimir Guetteè. 1889. Paris.

I.

Мое духовное воспитаніе. — У аббата Леона Гарапена (Léon Gararin). — Въ малой семинаріи. — Главный гасильникъ (étegnoir). — Аббатъ Мёнье (Meunier). — Профессора. — Моя чтенія. — Въ большой семинаріи. — Философія при аббатѣ Вено (Venot). — Теологія при аббатахъ Лоранѣ и Ришодо (Laurent et Richaudeau). — Маленькое письмо отъ Ришодо и отвѣтъ. — Аббатъ Бело (de Belot) и аббатъ Дюкъ (Duc), настоятели семинаріи. — Іезуитская Конгрегація аббата Дюка. — Возмущеніе. — *Черты* и *блѣвы*. — Вышательство епископа Созена (Sauzin). — Возстановленіе мира. — Дурныя чувства аббата Дюва противъ меня. — Мои сношенія съ отцемъ Фантенемъ (Fantin), іезуитомъ. — Я съ радостію покидаю семинарію.

Я родился въ Блоа 1 декабря 1816 года. Мои родители не были ни благородны, ни богаты; отецъ мой былъ честный человекъ, мать моя была женщина благочестивая и разумная.

Въ болѣе высокомъ положеніи мать моя пользовалась бы рѣдкимъ уваженіемъ. Характеръ у нея былъ серіозный, а чувства чисто христіанскія, она презирала ханжество и ханжей. Она не имѣла понятія о янсенизмѣ, но современныя святоши называли бы ее янсенисткой, потому что она ненавидѣла предразсудки и суевѣрія.

Подобно моей матери, я всегда былъ искренно религіозенъ, но также какъ и она ненавидѣлъ ханжей и ихъ лицемѣріе.

Подобно ей, я съ дѣтства былъ янсенистомъ, не подозревая этого. Прошу вѣрить, что въ этомъ янсенизмѣ, не было однакоже ничего изъ пяти (янсенистскихъ) положеній (cinq propositions), ни (обязательнаго) *почтительнаго молчанія* (silence respectueux), ни (повиновенія) буллѣ *Unigenitus*. Въ немъ можно было найти только христіанское направленіе, и естественное противорѣчіе всему тому, что теперь называется іезуитизмомъ.

Благодаря труду и сбереженіямъ, родители мои достигли скромнаго благосостоянія; въ 1832 году я имѣлъ несчастіе потерять мою превосходную мать. Она умерла на нашей дачѣ (Renardières), близъ Блоа.

Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда меня отдали для духовнаго воспитанія къ о. Леону Гарапену.

О. Леонъ Гарапенъ былъ хорошій священникъ, котораго мать моя почти боготворила. Онъ былъ благочестивъ, любвеобиленъ, прилеженъ, занимался только дѣломъ своего служе-

нія, и никогда не вмѣшивался, подъ видомъ усердія, въ дѣла, которыя его не касались. Я всегда съ уваженіемъ вспоминалъ объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ, подававшемъ мнѣ только одни добрые примѣры. Жизнь его была безукоризненная. Не смотря на очень слабое здоровье, онъ всегда сохранялъ ровный характеръ, что обнаруживало въ немъ высокую степень добродѣтели. Умъ его былъ замѣчательнъ, а образованіе разностороннее. Я жилъ у него въ теченіе двухъ лѣтъ въ Neung-sur-Vecuon. Онъ помогъ мнѣ сдѣлать замѣчательныя успѣхи безъ напряженія силъ. Онъ пользовался даже нашими ежедневными прогулками, для того чтобы передавать мнѣ массу знаній, которыя были мнѣ очень полезны въ послѣдствіи. Я былъ любознательнъ; спрашивалъ его обо всемъ, что встрѣчалось намъ, во время прогулокъ, начиная отъ звѣздъ и кончая цвѣтами и насѣкомыми, которыя замѣчалъ у своихъ ногъ. Такимъ образомъ онъ находилъ возможность сообщать мнѣ познанія изъ естественной исторіи. При прогулкахъ онъ часто носилъ съ собою книгу, озаглавленную «Флора», съ помощью которой я могъ анализировать цвѣты и запоминать ихъ названія и особенности. Нѣсколько небольшихъ сочиненій по энтомологіи дали мнѣ понятіе о красивыхъ насѣкомыхъ—обычныхъ спутникахъ полевыхъ прогулокъ.

Такимъ образомъ, прогулки эти послужили мнѣ средствомъ къ пріобрѣтенію знаній, на столько же полезныхъ, на сколько и пріятныхъ.

Потомъ я встрѣтился съ Леономъ Гарапеномъ въ Montdoubleau, гдѣ онъ былъ священникомъ; затѣмъ въ Блоа, куда назначенъ былъ Каноникомъ и почетнымъ епархіальнымъ викаріемъ (*vicaire général*). Я всегда находилъ въ немъ того же самаго человѣка; онъ былъ по прежнему благочестивъ, трудолюбивъ, уменъ и скромнъ.

Въ этихъ «Воспоминаніяхъ» я приведу нѣсколько писемъ, которыя онъ писалъ мнѣ по поводу моихъ работъ. Эти письма будутъ служить доказательствомъ, что я ничего не преувеличилъ восхваляя этого прекраснаго священника.

Изъ дома Леона Гарапена я перешелъ въ малую семинарію Блоа, которою управлялъ аббатъ Доре.

Это былъ честный священникъ, но мало образованный и недружелюбно относившійся къ образованію. Онъ высказывалъ враждебность ко всякому ребенку, который обнаруживалъ стремленіе сойти съ торной дорожки. Съ его точки зрѣнія, священникъ долженъ былъ ограничиваться правильнымъ служеніемъ обѣдни и исполненіемъ требъ. Онъ не имѣлъ понятія о той великой соціальной и научной миссіи, которую долженъ выполнять священникъ.

Въ его комнатѣ находилась библіотека, назначенная для учениковъ. Эта библіотека состояла изъ маленькихъ благочестивыхъ романовъ и нѣсколькихъ исторій въ родѣ сочиненій Роллена (Rollin) и отца Даніэля.

Я былъ неутомимымъ читателемъ. Классныя занятія и уроки отнимали у меня мало времени. Остальную, большую часть времени, я употреблялъ на чтеніе. Я читалъ серьезно и дѣлалъ не только разборъ прочитаннаго мною, но и синоптическія таблицы событій и чиселъ, которыя почерпалъ изъ книгъ. Я имѣлъ терпѣніе исполнить подобную работу, даже, и относительно исторіи Роллена и отца Даніэля.

Я не читалъ маленькихъ *благочестивыхъ* романовъ, къ которымъ чувствовалъ невыразимое отвращеніе.

Отецъ настоятель находилъ, что я слишкомъ часто спрашивалъ у него книгъ. Я и теперь представляю его себѣ, дѣлающимъ мнѣ выговоръ по этому поводу. Онъ былъ длиненъ какъ шесть; на концѣ этого шеста находилась очень маленькая голова, украшенная огромнымъ носомъ. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе ризничнаго шеста для гашенія свѣчей. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ истиннымъ гасильникомъ. Чтобы возбудить во мнѣ отвращеніе къ чтенію, ему пришла въ голову идея, которую онъ нашелъ превосходной. Онъ давалъ мнѣ такія книги, чтеніе которыхъ, съ его точки зрѣнія, было весьма скучнымъ. Прежде всего мнѣ дана была *Истинная исторія о сказочныхъ временахъ* Герена-дю-Рошера. Въ самомъ дѣлѣ, это сочиненіе не было занимательное; оно украшено многочисленными примѣчаніями на еврейскомъ языкѣ, а въ началѣ перваго тома, можно было найти и азбуку этого языка.

Съ этого я и началъ. Я выучился читать по-еврейски, съ по-

мощью примѣчаній сочиненія, а потомъ я прочелъ и самое сочиненіе. Въ концѣ недѣли я принесъ первый томъ о. настоятелю, который сказалъ мнѣ смѣясь: «Вы вѣроятно не попросите второго тома?—Извините, о. настоятель, я у васъ его попрошу.—Но вы не читали перваго?—Я его читалъ.—Весь?—Весь. — Даже примѣчанія?—Даже—примѣчанія.—Значитъ вы умѣете читать по еврейски?—Я выучился читать по-еврейски съ помощью этой книги.—Посмотримъ, прочтите мнѣ это примѣчаніе.—Я его прочелъ и о. настоятель долженъ былъ сознаться, что самъ онъ не могъ бы прочесть его такъ же бѣгло.

Разумный человѣкъ, увидя дитя выказывающее такое большое расположеніе къ изученію столь сухихъ предметовъ, долженъ былъ бы поддержать это его расположеніе.

О. Доре не могъ постигнуть подобной идеи. Онъ убѣждалъ меня употреблять больше времени на уроки и классныя занятія, и по меньше читать. Однако же онъ согласился дать мнѣ слѣдующіе томы *Истинной исторіи о сказочныхъ временахъ*; а потомъ далъ мнѣ и другія книги, выбирая такія, какія, по его мнѣнію, должны были быть для меня наименѣе привлекательны; такъ, напримѣръ, *Видъ природы* сочиненіе аббата Плюша, *Уроки природы* сочиненіе Кузена Деспрео, *Исторія Англій* сочиненіе отца Дорлеана и проч.

Я читалъ все, все анализировалъ и вышелъ изъ семинаріи съ такимъ запасомъ свѣдѣній научныхъ и литературныхъ, котораго не имѣли мои соученики, и съ такимъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ, которое и они могли бы тамъ пріобрѣсть.

Дурное намѣреніе о. настоятеля обратилось въ мою пользу. Книги, которыя онъ давалъ мнѣ съ цѣлью отвратить отъ чтенія, пріучили меня съ дѣтства къ серіознымъ занятіямъ. Я даже благодаренъ о. Доре за его старыя негодныя книги, столь сильно повліявшія на развитіе во мнѣ этого расположенія.

Единственнымъ разумнымъ и способнымъ человѣкомъ среди воспитателей малой семинаріи былъ аббатъ Мёнье. При его трудолюбіи, учености, необычайной способности выражаться блестяще и удобопонятно, онъ долженъ бы читать курсъ ре-

торики или даже курсъ священнаго краснорѣчія, если бы кто нибудь подумалъ о введеніи послѣдняго предмета. Онъ занималъ должность эконома, и ему поручили надзоръ за кухней. Изъ этого ясно, что епископальный дворъ отличался замѣчательной способностью распознаванія людей. Аббать Мёнье оставилъ семинарскую кухню, и занялъ приходъ Реморантевъ. Оттуда-то онъ написалъ мнѣ письмо, (которое я приведу впоследствии), свидѣтельствующее объ его ко мнѣ уваженіи и привязанности.

Профессоромъ реторики былъ аббать Александръ Гарапенъ, братъ того, у котораго я приобрѣлъ первыя семинарскія познанія. Онъ очень любилъ столярную работу, находилъ наслажденіе въ чтеніи *Виргилія передѣланнаго Скаррономъ*, и никогда не опускалъ случая прочесть въ классѣ мѣста изъ этихъ передѣлокъ, которыя онъ давалъ намъ для перевода. Это можетъ служить образчикомъ его остальнаго преподаванія, посредствомъ котораго онъ знакомилъ насъ съ тонкостями латинскаго поэта. Александръ Гарапенъ, окончивъ столярное производство въ деревенскомъ приходѣ, сдѣлался іезуитомъ. Я не понимаю на какое дѣло понадобился святому Обществу подобный столяръ.

Другіе профессора семинаріи стояли на одномъ уровнѣ съ профессоромъ реторики. Подъ ихъ высокимъ руководствомъ изучали *кухонную* латынь, немножко *кухоннаго* греческаго языка; учили наизусть курсъ исторіи отца Лорика, и нѣкоторыя отрывки писателей такого же достоинства. Вотъ и все семинарское образованіе. Послѣ этого станете ли вы удивляться невѣжеству духовенства!

Я пробылъ четыре года въ этой образцовой малой семинаріи. Ахъ, какія тяжелыя воспоминанія я сохранилъ о ней! По счастью я мало поддавался даваемому мнѣ направленію. Я много, много читалъ. Книги, которыя мнѣ позволено было читать, содержали всегда въ себѣ что нибудь хорошее. Я воспользовался ими; но за все это нисколько не обязанъ благодарностью тѣмъ лицамъ, которыя подобнымъ способомъ старались препятствовать развитію моихъ расположеній, вмѣсто того, чтобы заботиться о противуположномъ.

По выходѣ изъ малой семинаріи я поступилъ въ большую семинарію, для изученія философіи и богословія.

Курсъ философіи продолжался одинъ годъ, а курсъ теологіи трѣ года.

Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, когда я изучалъ философію. Мнѣ дали въ руки бессмысленное сочиненіе, написанное на дурномъ латинскомъ языкѣ, и моимъ преподавателемъ былъ аббатъ Вено, мой соученикъ, слушавшій второй годъ теологію. Я имѣлъ мало довѣрія къ его способностямъ. И въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ поручить ему *каедру* философіи, его не подвергали экзамену для того, чтобы узнать имѣлъ ли онъ какія-либо свѣдѣнія по этой наукѣ. Въ немъ видѣли милаго молодого человѣка не глупѣе другихъ, очень благочестиваго, очень покорнаго начальникамъ, и считали, что всего этого достаточно для того, чтобы сдѣлать его профессоромъ философіи. И дѣйствительно, онъ могъ наравнѣ съ другими преподавать философію, въ такомъ видѣ, въ какомъ ее понимали среди духовенства. Считалось достаточнымъ узнать извѣстный тезисъ; потомъ его выучить наизусть; на возраженія дать отвѣты, которые благосклонно были указаны въ книгѣ; и вмѣстѣ съ этимъ получалось право быть отличнымъ ученикомъ философіи.

Смѣю сказать, что это меня нисколько не удовлетворяло. Я прочитывалъ два или три раза тезисъ, и чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы дать вѣрный отвѣтъ въ случаѣ, если бы меня спросили въ классѣ. Что же мнѣ оставалось дѣлать въ остальное время?

Я возобновилъ свои чтенія, какъ и въ малой семинаріи. Изъ библіотеки мнѣ были выданы соч. Декарта, Маллебранта, отца Бюффье, Бональда; нѣсколько томовъ Ламене и другія соч. схоластической философіи.

Я прочелъ все это.

Система Ламене была тогда въ ходу. Картезианцы и Ламенианцы подѣлились на партіи и препирались съ юношескимъ увлеченіемъ. Я не вмѣшивался въ эти споры. Я былъ *электикомъ* и выбиралъ все подходящее для меня изъ разныхъ философскихъ системъ.

Тогда же я совершилъ большое преступленіе. Если бы я признался въ немъ на духу, то мнѣ не дали бы разрѣшенія отъ грѣховъ. Я сумѣлъ добыть себѣ нѣсколько соч. Гердера, Канта, Кузена и Дамирона. И даже прочелъ нѣкоторыя соч. Вольтера, Дидеро и Жанъ-Жака-Руссо. Укажу при этомъ на обстоятельство и смягчающее мою вину; я читалъ въ то же самое время соч. Жене (Guenée), Бержье, Баррюэля и другихъ въ томъ же родѣ, пробовалъ даже начать полемику съ противниками христіанства. Уже въ зрѣломъ возрастѣ я нашелъ между своими бумагами нѣсколько изъ моихъ небольшихъ сочиненій того времени, когда я былъ ученикомъ философіи. Онѣ мнѣ показались не особенно дурными и доказали, что въ 19 лѣтъ я имѣлъ здравый смыслъ, не дурпой слогъ и не большую долю насмѣшливости.

Не мнѣ судить о томъ, сохранилъ ли я свои прежнія способности.

Итакъ, я занимался философіей, не обращая вниманія на классное руководство и на моего молодого профессора. Мнѣ не извѣстно количество знаній, прибрѣтенныхъ моими соучениками изъ книги и отъ профессора. Я никогда не замѣчалъ ихъ свѣдѣній по философіи.

Въ концѣ перваго года, изъ большой семинаріи я поступилъ въ святилище теологіи.

Слѣдуетъ сказать прежде всего одно слово о начальникѣ (настоятелѣ) большой семинаріи. Это былъ аббатъ Бело, почтенный человѣкъ, который прибрѣлъ въ своемъ уважаемомъ семействѣ прекрасныя манеры. Я останавливаюсь на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что всѣ остальные воспитатели и профессора обѣихъ семинарій, исключая аббата Менье, были чистые мужики въ рясахъ. О. де-Бело былъ очень благочестивъ; его всѣ любили. Я не знаю почему онъ оставилъ семинарію. Его назначили священникомъ собора, и дальше я буду имѣть случай говорить о тѣхъ сношеніяхъ, которыя позже были у меня съ нимъ.

Его замѣнилъ нѣкто аббатъ Дюкъ, не принадлежавшій къ епархіи. Этому аббату дали прозвище Филина-Пугача (Grand-duc) потому что онъ имѣлъ фигуру плоскую какъ сова, *угра-*

шенная натуралистами этимъ названіемъ (Grand-Duc означаетъ также—великій герцогъ) и еще потому, что столько же какъ и эта птица, онъ не любилъ свѣта.

Въ то время въ семинаріи Блоа было два профессора богословія. Одинъ изъ нихъ, аббатъ Лоранъ, преподавалъ нравственное богословіе, а другой, аббатъ Ришодо, догматическое.

Лоранъ, болѣзненный и нервный, съ страшной быстротой диктовалъ въ каждомъ классѣ дополненія къ «Курсу Богословія» Балъи, считавшемуся класснымъ руководствомъ. Эти дополненія были болѣе обширны нежели самое руководство. Онѣ были составлены изъ выписокъ, почерпнутыхъ у разныхъ теологовъ. Такъ какъ класснаго времени было не достаточно для списыванія и объясненія, то въ результатѣ получался несвязный и неудобопонимаемый курсъ; большинство учениковъ тѣмъ менѣе понимали его, что слишкомъ быстрая диктовка давала имъ возможность записывать лишь искаженные отрывки этихъ дополненій.

Аббатъ Ришодо диктовалъ свои лекціи, ссылаясь отъ времени до времени на Балъи, какъ на классическаго автора и въ отношеніи къ догматамъ, и въ отношеніи къ нравственности. Оба профессора были совершенными типами образованныхъ священниковъ, какихъ создаютъ ихъ въ семинаріяхъ. Но увы! Какое это было образованіе!

И долженъ сказать, что я начиналъ изучать богословіе съ высокою идеею объ этой наукѣ. Я самъ составилъ себѣ эту идею, такъ какъ до того времени никто и не подумалъ внушить мнѣ ее. Обученіе, которое воображали мнѣ дать, было отвратительно, и конечно не могло подготовить меня къ богословію, составляющему высочайшую цѣль духовной науки. Мои частныя занятія принесли мнѣ больше пользы; но когда я началъ изучать богословіе, тогда то и обнаружилось все мое заблужденіе!

Я начиналъ дѣлаться настоящимъ молодымъ человѣкомъ, и мои размышленія росли вмѣстѣ съ бородою. Для меня тотчасъ же стало понятнымъ, что курсы въ обѣихъ семинаріяхъ стояли другъ друга, и чѣмъ больше они видоизмѣнялись, тѣмъ больше оставались тѣми же самыми.

Курсъ Лорана былъ настолько безпорядоченъ, что изъ него къ концу чтеній нельзя было вынести даже идеи нравственности. Трактаты Ришодо были маленькіе, сухіе, сокращенные какъ и самъ профессоръ. Онъ диктовалъ въ продолженіи полу-часа. Въ остальные полу-часа два или три ученика отвѣчали наизусть нѣсколько строкъ изъ урока. По истеченіи часа раздавался звонокъ, и урокъ оканчивался.

Въ обоихъ курсахъ придерживались метода строго схоластическаго, и говорили на такомъ латинскомъ языкѣ, который потѣшилъ бы Цицерона, въ случаѣ если бы онъ могъ что-нибудь изъ него понять.

Баль и излагалъ въ своемъ руководствѣ ученіе о четырехъ основныхъ положеніяхъ французскаго духовенства. Онъ спокойно обучалъ имъ приблизительно полустолѣтіе, пока не попалъ въ индексъ почти въ ту же эпоху, какъ и его смиренный ученикъ, который пишетъ эти «Воспоминанія». Мы скажемъ объ этомъ позже. Ришодо преподавалъ четыре упомянутыя положенія также какъ и *авторъ руководства*, и придерживался ученія галликанской церкви.

Впослѣдствіи онъ сдѣлался фанатикомъ ультрамонтаномъ и написалъ нѣсколько томовъ или статей, совершенно неудобныхъ для чтенія. Я имѣлъ случай дать ему маленькій урокъ по поводу этого измѣненія его убѣжденій. Спѣшу прибавить, что я былъ уже тогда православнымъ. Я немного забѣгаю впередъ, и соглашаюсь съ тѣмъ, что меня могутъ упрекнуть въ непослѣдовательности относительно хронологическаго порядка.

Ришодо, сдѣлавшись штатнымъ священникомъ въ монастырѣ Св. Урсулы въ Блоа, когда іезуиты взяли на себя попеченіе о семинаріи, спокойно и безобидно предавался ультрамонтанству, какъ вдругъ одна изъ моихъ брошюръ попалась ему въ руки. Онъ тотчасъ же взялъ свою лучшую почтовую бумагу и лучшее перо и написалъ мнѣ слѣдующее маленькое посланіе.

✠ *Intonas super me iudicia tua, Domine, et*

Изъ монастыря Св. Урсулы въ Блоа. *timore ac tremore concutis omnia ossa mea*

(Imit. 3, 14).

Прочь! Сердце Иису-
са и Маріи тамъ.

«Humiliamini igitur sub potenti manu Dei, ut vos exaltet in tempore visitationis (1, Petr. 5. 6).
«Repsece stellam, invoca Mariam (S. Bernard).

Искренно преданный вамъ «Ришодо».

Маленькій папа Ришодо сначала угрожаетъ мнѣ гнѣвомъ Божіимъ.

«Господи, судъ твой раздаётся надо мною, подобно грому, и всѣ кости мои потрясены отъ страха и ужаса».

Затѣмъ онъ указываетъ средство избавиться отъ этого ужаснаго положенія.

«Смиритесь передъ Богомъ, чтобы Онъ возвысилъ васъ, когда посѣтитъ васъ».

Наконецъ онъ указываетъ, кто долженъ быть моимъ спасителемъ.

«Подумай о своей участи, умолай Марію».

Я увѣренъ, что маленький папа Ришодо много трудился надъ сочиненіемъ и отдѣлкой своего посланія, украшеннаго двумя красивыми штемпелями. Только еретики могъ на него не сдать. Я отвѣтилъ тоже по-латыни на всѣ три пункта его письма.

Прежде всего я долженъ былъ выразить изумленіе маленькому папѣ по поводу его перемѣщенія изъ лагеря галликановъ въ лагерь ультрамонтанъ. Я писалъ ему слѣдующее:

«Fratres, state et tenete traditiones, quos didicistis. (2 ad. Thessalon, 2. 14) ¹⁾).

«Miror quod sic tam cito transferimini ab eo qui vos vocavit in gratiam Christi, in aliud evangelium... sed licet nos aut angelus de coelo evangelizet vobis praeterquam quod evangelizavimus vobis, anathema sit (Ad. Galat. 1, 6, 8) ²⁾).

Потомъ я сообщилъ маленькому папѣ, что Пресвятая Дѣва, къ Которой онъ посылалъ меня, не была Искупительницей человечества.

1) «Братія! стойте и держитесь преданій, которымъ вы научены».

2) «Дивлюсь я, что вы отъ призвавшаго васъ къ благодати Христовой такъ скоро переходите къ иному благовѣствованію.... хотя бы мы, или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать намъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ ана-
тема (Гал. 1, 6, 8)».

«Hic (Jesus-Christus) est lapis qui reprobatus est a vobis aedificatibus, et non est in alio aliquo salus. Nec enim aliud nomen est sub coelo datum hominibus in quo aporteat nos salvos fieri (Aet. IV, 11, 12) ¹⁾.

Наконецъ, такъ какъ маленькій папа думалъ испугать меня угрозой суда Божія, то я напомнилъ ему слѣдующія мѣста изъ Св. Писанія:

«Domine, in viâ testimoniorum tuorum delectatus sum. (Ps. 118. 141).

«Viam veritatis elégi; judicia tua non sum oblitus (ibid., 20).

«Et loquebar in testimonis tuis in conspectu regum, et non confundebar (ibid. 46).

«Superbi iniquè agebant usquequâque; a lege autem tuâ non declinavi. Memor fui judiciorum tuorum a saeculo, Domine, et consolatus sum» (ibid. 51, 52) ²⁾.

Я имѣю причины думать, что Ришодо понялъ меня. Этотъ галликанецъ, сдѣлавшійся ультрамонтаниномъ и приверженцемъ новыхъ доктринъ, вѣроятно получилъ непріятный урокъ изъ моихъ текстовъ, которые я ему привелъ. Онъ долженъ былъ понять, что для избѣжанія Суда Божія гораздо было бы лучше слѣдовать древнимъ христіанскимъ традиціямъ, нежели изображать изъ себя флюгеръ и извращать догматы по направленію вѣтра.

Онъ напелъ лишнимъ возражать мнѣ.

Когда я вспоминаю о томъ, что такое были курсы Лорана, Ришодо и Вено, то нисколько не удивляюсь грубому невѣжеству большинства членовъ духовенства. Посредствомъ моихъ сношеній съ священниками разныхъ епархій, я удо-

¹⁾ «Иисусъ Христосъ есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла, и нѣтъ ни въ комъ иномъ спасеніи. Ибо нѣтъ другого имени подъ небомъ даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись (Дѣян. 4, 11, 12).»

²⁾ «На пути откровеній Твоихъ Господи я радуюсь (Ps. 118, 14).»

«Я избралъ путь истины, судовъ Твоихъ я не забылъ.»

«Буду говорить объ откровеніяхъ Твоихъ предъ царями и не постыжусь. (Ps. 118, 46). Гордые крайне ругались надомною; но я не уклонился отъ закона Твоего. Вспоминалъ суды Твои, Господи, отъ вѣка и утѣшался. (Ps. 118,— 51, 52).»

стовѣрился, что преподаватели Блоа не были хуже другихъ. Если среди духовенства и существуютъ нѣкоторыя исключенія, то онѣ относятся только къ тѣмъ, которые умѣли восполнять недостатки того нелѣпаго преподаванія, которое было имъ сообщаемо.

Смѣю сказать, что я принадлежалъ къ числу послѣднихъ.

Для меня было достаточно четверти часа для приготовленія урока въ классѣ. Остальную часть времени я употреблялъ на чтеніе соч. замѣчательныхъ богослововъ, преимущественно Боссюэта, Фенелона, Арно, изъ коихъ сочиненіе послѣдняго: *«Perpétuité de la foi»*, было терпимо въ семинаріи. Но въ особенности я занимался изученіемъ исторіи Церкви; прочелъ два раза тридцать шесть томовъ Флери и его продолжителя; я проанализировалъ все это и составлялъ синоптическія таблицы, чтобы лучше запомнить главныя событія.

Я имѣлъ уже довольно глубокія познанія изъ исторіи Церкви, когда Ришодо пришла прекрасная мысль прочесть ея курсъ. Но, великій Боже! Что это былъ за курсъ! Профессоръ давалъ только одинъ небольшой урокъ въ недѣлю, и этотъ урокъ ограничивался маленькою главкою, которую онъ заставлялъ повторять нѣсколькихъ воспитанниковъ. Эта главка давалась одному ученику, который долженъ былъ ее переписать и дать другому, такъ чтобы къ концу недѣли всѣ ученики переписали бы знаменитую главку. Ришодо имѣлъ высокое мнѣніе о своихъ маленькихъ главкахъ. Для меня же, имѣвшаго полный анализъ Флери, онѣ были недостаточны и противны. Я не могъ заставить себя переписывать небольшую тетрадь; и какъ только получалъ ее, то тотчасъ же передавалъ другому, не переписавъ изъ нея ни одного слова.

Однажды профессоръ спросилъ у меня урокъ предшествовавшей недѣли. Я рассказалъ все, что зналъ по этому предмету: профессоръ могъ сдѣлать мнѣ только слѣдующее замѣчаніе: «Вы прекрасно знаете свою исторію Церкви; но, сказалъ онъ, вы входите въ слишкомъ большія подробности, и я хорошо вижу, что вы не читали и не переписывали мою тетрадь. Я требую, чтобы вы переписали ее всю и чтобы ваши отвѣты были не обширнѣе тѣхъ, которые тамъ находятся».

Онъ сказалъ, чтобы мнѣ передали упомянутую тетрадь.

Я молчалъ, не зная еще какъ поступить. По приходѣ въ мою келію, я прочелъ тетрадь и нашелъ въ ней много орфографическихъ ошибокъ. Вскорѣ ко мнѣ возвратилось мое мужество. Я поправлялъ всѣ ошибки прописными буквами. Ученый профессоръ писалъ слово *тамъ* вставляя въ него букву *e*, какъ будто рѣчь шла о городѣ *Меамъ*; я ставилъ надъ буквой *e* великолѣпный и очень замѣтный ассент circonflexe (т. е. обличенное удареніе).

И такимъ же образомъ поправилъ всѣ остальные ошибки и отдалъ тетрадь тому ученику, который долженъ былъ ее получить отъ меня.

Когда авторъ получилъ обратно свою тетрадь, то не былъ конечно польщенъ моими поправками. Онъ не сказалъ мнѣ ничего о тетради, но какое дурное мнѣніе составилъ обо мнѣ! Возможно ли не ужасаться подобному неповиновенію!!! Благодаря нѣсколькимъ подобнымъ насмѣшкамъ, я заслужилъ дурную репутацію среди нашего генеральнаго штаба; но я относился весьма равнодушно ко всему этому; и такъ какъ я былъ однимъ изъ немногихъ учениковъ платившихъ за содержаніе, то и былъ увѣренъ, что меня не выгонять изъ заведенія.

Аббатъ Дюкъ, настоятель семинаріи, читалъ одинъ разъ въ недѣлю то, что называютъ курсомъ Священнаго Писанія. Этотъ курсъ состоялъ изъ мистическихъ объясненій нѣкоторыхъ стиховъ изъ Священнаго Писанія. Лекція продолжалась часъ. Невозможно быть болѣе ничтожнымъ и бездарнымъ, какъ какимъ былъ этотъ жалкій начальникъ-профессоръ.

Аббатъ Дюкъ былъ неоспоримо, человѣкомъ наименѣе способнымъ управлять семинаріей и образовывать молодыхъ людей для духовнаго званія. Пропитанный іезуитскимъ ученіемъ о пассивной покорности, онъ проповѣдывалъ только это послѣднее. Съ его точки зрѣнія самымъ лучшимъ ученикомъ былъ тотъ, который наиболѣе слѣпо повиновался.

Хотя я не былъ покорнымъ, но я презиралъ пассивное повиновеніе; поэтому Аббатъ Дюкъ ненавидѣлъ меня отъ всего сердца; я ему воздавалъ съ лихвой, и для меня было великимъ счастьемъ насмѣхаться надъ нимъ, подражая его смѣш-

нымъ манерамъ и южному нарѣчію, которое онъ хотѣлъ навязать намъ. Однажды, во время такъ называемой рекреациі, Дюкъ рассказывалъ, что онъ только что прочелъ очень интересную вещь. Въ Китаѣ, началъ онъ, открыли недавно очень древнюю церковь; это доказываетъ, что Евангеліе было проповѣдуемо тамъ въ первые вѣка христіанства. — Неужели, сказалъ я ему, это только теперь открыли? — Ну да, конечно, отвѣтилъ онъ. — Какимъ же образомъ могло случиться, что это же самое я читалъ въ соч. *Lettres edificantes*, написанномъ іезуитами, въ одномъ изъ писемъ, которое относится къ семнадцатому столѣтію, и которое принадлежитъ кажется отцу Пареннену? Аббатъ Дюкъ покраснѣлъ и пробормоталъ нѣсколько словъ не имѣвшихъ значенія. Это маленькое обстоятельство способствовало къ увеличенію раздраженія его противъ меня. Не я одинъ потѣшался на счетъ о. настоятеля. Онъ хотѣлъ отомстить мнѣ; однажды, во время публичнаго экзамена, указавъ съ улыбкою на воображаемую ошибку, которую я сдѣлалъ, отвѣчая на вопросъ изъ исторіи Церкви, онъ вѣроятно хотѣлъ отомстить мнѣ за мой поступокъ съ тетрадью Ришодо. Къ несчастью для него онъ ошибся, и я такъ хорошо воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ, что онъ никогда не могъ мнѣ этого простить.

Я вызвалъ его негодованіе еще тѣмъ, что открылъ организованное имъ общество шпионовъ, на подобіе тѣхъ, которыя организовываютъ добрые отцы іезуиты въ своихъ заведеніяхъ. Онъ раздѣлилъ семинарію на двѣ группы: на учениковъ пріятныхъ ему и тѣхъ, которые не повиновались слѣпо. Первые должны были слѣдить за вторыми, давать имъ хорошіе совѣты, и вести ихъ по доброму пути. Тайный надзиратель, которому поручено было шпионить за мною, не отличался тонкостью. Онъ былъ старшимъ такихъ же школьныхъ надзирателей (*moniteur*), и съ того времени сдѣлалъ себѣ карьеру. При первомъ же сдѣланномъ имъ увѣщаніи, я уже заподозрилъ существованіе Конгрегаціи. Я былъ на столько хорошимъ дипломатомъ, что пріобрѣлъ такое довѣріе своего надзирателя, что онъ въ своемъ простодушіи изложилъ мнѣ весь планъ Конгрегаціи. Я рассказалъ все это моимъ друзьямъ,

которые сами были сильно смущены увѣщаніями полученными ими.

Тогда совершенно громко заговорили о Конгрегаціи и стали довольно сильно допрашивать самыхъ ревностныхъ изъ надзирателей, обращавшихся съ своими увѣщаніями къ нѣкоторымъ. Затѣмъ послѣдовала борьба, во время которой одинъ изъ ревностныхъ надзирателей, Овернья (Auvergnat), ударилъ того, кто его допрашивалъ. Началась настоящая битва. Настоятель и профессора скрылись и собрались у эконома для совѣщанія о средствахъ, которыя нужно было предпринять, чтобы усмирить возмущеніе.

Это было въ пятницу. Было рѣшено, чтобы на слѣдующій день духовники не давали разрѣшенія грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые не согласятся на публичное покаяніе. Обыкновенно тѣ, которые получали разрѣшеніе грѣховъ въ субботу, выходили въ воскресенье утромъ на молитву и на первую обѣдню для приобщенія; они должны были быть въ бѣлыхъ стихаряхъ, остальные же были просто въ рясахъ.

Въ субботу вечеромъ всѣ возмущившіеся увидѣли себя лишенными разрѣшенія отъ грѣховъ, и потому въ воскресенье утромъ вышли на молитву *in nigris*; т. е. безъ стихарей. *Бѣлые* были не многочисленны, и казалось стыдились той роли, которую заставляли ихъ разыгрывать. Какъ только собрались на молитву, *черные* разразились такимъ взрывомъ смѣха, что это смутило *бѣлыхъ* и воспитателей. Смѣялись также во время обѣдни, и настоятель долженъ былъ понять, что сдѣлалъ ошибку.

Онъ отправился къ епископу для увѣдомленія о случившемся. Епископъ, преосвященный Созень (Mgr de Sauzin), былъ добрый старикъ, ветеранъ стараго галликанскаго духовенства. Онъ игралъ важную роль въ послѣднихъ собраніяхъ французскаго духовенства до 1789 года. Это былъ по истинѣ святой человѣкъ, который раздавалъ свои большіе доходы и свое жалованье бѣднымъ. Онъ пріѣхалъ въ семинарію, обратился къ намъ съ отеческимъ увѣщаніемъ, даровалъ полную амнистію, посовѣтовалъ помириться и заявилъ намъ объ уничтоженіи Конгрегаціи.

Такимъ образомъ былъ заключенъ миръ; но настоятель никогда не забывалъ, что я былъ во главѣ оппозиціи: онъ питалъ ко мнѣ глубокую ненависть.

Въ большой семинаріи, также какъ и въ малой меня упрекали за то, что я употреблялъ мало времени на изученіе принятыхъ руководствъ.

Въ сущности же, въ большой семинаріи никто не зналъ, сколько времени я употреблялъ на это, потому что во время занятій я оставался одинъ въ своей келии, а въ классѣ отвѣчалъ всегда хорошо, когда меня спрашивали. Но это былъ легкій способъ упрекать меня въ чемъ-нибудь. А этого только они и желали.

Однажды на прогулкѣ Ришодо засталъ меня одного, лежаваго подъ деревомъ, съ книгой въ рукахъ. Случай былъ благопріятный для того, чтобы узнать, что я читаю.

Онъ приблизился ко мнѣ и спросилъ, почему я никогда не принимаю участія въ игрѣ съ другими. «Мнѣ это не нравится, я больше люблю читать.—Но что же вы читаете?—Воотъ, сударь, книга, которую я читаю». Онъ взялъ ее и увидѣлъ, что это была математика, изданная аббатомъ Пино, профессоромъ семинаріи De Saint-Sulpice. «Для чего вы учите математику?—Потому что это мнѣ нравится: я свободенъ во время прогулокъ и предпочитаю ученье игрѣ.—Вы бы могли учить что-нибудь другое.—Математическія науки учатъ въ семинаріи Saint Sulpice, потому что аббатъ Пино преподаетъ ихъ и составилъ книгу для того, чтобы руководить своихъ учениковъ при изученіи этихъ наукъ.—Почему же въ семинаріи Блоа нельзя дѣлать того, что дѣлаютъ въ семинаріи Saint Sulpice?—Вы чужакъ.—Благодарю, сударь», отвѣчалъ я; и улыбаясь, я снова взялся за свою книгу.

Меня видѣли однажды, во время прогулки, занимавшимся математической наукой. Отсюда заключили, что я каждый день занимаюсь математикой, вмѣсто того, чтобы изучать богословіе. Но эти логичные люди ошибались; я училъ математическія науки только въ тѣ дни, которые были назначены для прогулки. Мнѣ хотѣлось имѣть понятіе объ этой наукѣ, но я совсѣмъ не чувствовалъ въ себѣ призванія сдѣлаться математикомъ.

Во время моего пребыванія въ большой семинаріи, я чуть было не сдѣлался іезуитомъ. Каждый годъ, при открытіи классовъ, устраивалось такъ называемое уединеніе (*une retraite*). Трудно было выдумать что-либо болѣе одуряющее этого. Каждый долженъ былъ провести цѣлыхъ восемь дней въ молитвѣ, въ испытаніи своей совѣсти, и въ размышленіяхъ. Изъ этого уединенія выходили только для такъ *называемыхъ* духовныхъ бесѣдъ и торжественныхъ проповѣдей. Проповѣдникомъ при этихъ уединеніяхъ былъ почти всегда іезуитъ. Обыкновенные же духовники убѣждали своихъ кліентовъ обращаться къ доброму отцу, исповѣдываться у него во всѣхъ грѣхахъ и просить у него совѣтовъ.

Когда я сталъ діакономъ, т. е. когда мнѣ исполнился 21 годъ, проповѣдникомъ при уединеніи (*retraite*) былъ отецъ Фантенъ (*Fantin*), настоятель іезуитскаго дома въ Буржѣ. Я отправился на исповѣдь къ доброму отцу, который принялъ меня съ чрезвычайной нѣжностью, обнималъ меня съ истинно отцевскимъ восторгомъ, вынудилъ у меня обѣщаніе посѣщать его ежедневно, въ назначенный имъ для этого часъ. Я исправно являлся каждый день. Добрый отецъ встрѣчалъ меня всегда съ одинаковой отеческой любовью, прижималъ меня къ сердцу, и говорилъ мнѣ, что почелъ бы за счастье пріобрѣсть меня для *маленькаго избраннаго стада*, т. е. для *Общества Іисуса*. Мнѣ было извѣстно это Общество только на основаніи тѣхъ похвалъ, которыя я часто слышалъ о немъ отъ начальниковъ семинаріи. Я видѣлъ, что іезуиты всегда были принимаемы начальниками съ глубокимъ почтеніемъ. Часто говорили, что въ Обществѣ іезуитовъ каждый изъ членовъ всегда получалъ назначеніе, наиболѣе подходившее къ его вкусамъ. Моя страсть къ наукѣ предрасполагала меня скорѣе къ поприщу профессора, нежели священника. Я предполагалъ, что мои расположенія могли бы быть удовлетворены, если бы я поступилъ къ іезуитамъ. Отецъ Фантенъ понялъ меня, что было въ сущности не трудно, потому что я всегда отличался чистосердечіемъ и дѣтскою откровенностью. Онъ мнѣ говорилъ о всѣхъ средствахъ, которыми меня снабдитъ святое Общество для того, чтобы удовлетворить мою страсть къ нау-

кѣ. Я сдѣлся скоро. Добрый отецъ замѣтилъ это, и не стѣснялся болѣе со мною. «Мое милое дитя, сказалъ онъ, я васъ люблю какъ сына. Но къ несчастью мы не можемъ еще рѣшить этого послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами вмѣстѣ: но на будущій годъ, *изъ-за васъ, только изъ-за васъ* я снова явлюсь сюда проповѣдывать во время уединенія, не смотря на приглашенія, полученные мною въ другихъ мѣстахъ. Тогда то мы придемъ къ окончательному рѣшенію». Онъ крѣпко прижалъ меня къ сердцу, и я съ грустью возвратился въ свою келію.

Въ концѣ уединенія, о. настоятель заявилъ намъ съ волненіемъ, что преподобный отецъ Фантенъ остался такъ доволенъ благочестіемъ учениковъ, что на слѣдующій годъ онъ явится опять къ намъ.

Я лучше зналъ, чему нужно было вѣрить.

Отецъ Фантенъ сдержалъ свое слово. Я увидѣлъ его тотчасъ по пріѣздѣ его въ семинарію, и наши интимныя отношенія возобновились. Онъ говорилъ со мной совершенно чистосердечно, настолько онъ довѣрялъ мнѣ. Однажды онъ сказалъ мнѣ: «Чтобы изъ васъ вышло, милое дитя мое, если бы вы избрали себѣ обычную карьеру? т. е. сдѣлались бы викариемъ священникомъ въ городѣ, или приходскимъ священникомъ въ селѣ; увы! развѣ вы не замѣчаете, что представляетъ изъ себя все это духовенство?» И онъ нарисовалъ мнѣ въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ городского викарія и деревенскаго священника. Перейдя къ каноникамъ, окружнымъ (*généralux*) викаріямъ и епископамъ, онъ изобразилъ ихъ въ такомъ видѣ, которымъ они не могли бы гордиться. Выводъ изъ его разговора былъ слѣдующій: въ Обществѣ Іисуса не существовало ни нравственности, ни благочестія, ни знаній, ни разума.

Я былъ пораженъ и позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

«Если я поступаю въ Общество, сказалъ я, то не потому что презираю бѣлое духовенство, но потому что имѣю надежду удовлетворить моей любви къ наукѣ. Конечно, среди духовенства есть люди невѣжественные и съ дурными нра-

вами, но я знаю также священниковъ образованныхъ и благочестивыхъ». Добрый отецъ понялъ изъ моего отвѣта, что онъ зашелъ слишкомъ далеко; а потому постарался смягчить сказанное; но ударъ уже былъ нанесенъ. Тѣмъ не менѣе мы условились, что въ концѣ учебнаго года я отправлюсь въ Saint-Acheul, куда долженъ прибыть 31 іюля, къ дню Св. Игнатія Лойолы.

Я попросилъ у своего отца немного денегъ на дорогу. Отецъ отказалъ мнѣ, потому что не желалъ, чтобы я вступалъ въ Общество іезуитовъ. По совѣту добраго отца Фантена, я сказалъ своему отцу, что такъ какъ мать моя умерла, то я имѣлъ право на наслѣдство. «Это правда, отвѣтилъ мой отецъ, но ты его не получишь. Ты можешь судиться со мною, и взять его силою». Я написалъ отцу Фантену, что не могу рѣшиться призывать отца своего въ судъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ я долженъ идти пѣшкомъ, и по дорогѣ просить милостыню, какъ это дѣлали многіе святые. Я никогда не выходилъ изъ своей родины. Путешествіе отъ Блоа до Saint-Acheul казалось мнѣ огромнымъ. Къ тому же я не обладалъ рыцарскимъ характеромъ тѣхъ святыхъ, о которыхъ мнѣ упоминалъ отецъ Фантенъ, и не имѣлъ склонности къ приключеніямъ. Поэтому я не предпринялъ путешествія, а по окончаніи каникулъ поступилъ опять въ семинарію.

Въ сущности я уже начиналъ чувствовать разочарованіе въ іезуитахъ; отецъ Фантенъ своими откровенными разсказами о нихъ, противъ воли своей, показалъ мнѣ ихъ очень ясно. Я понялъ, что они слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, и слушая отца Фантена, невольно вспомнилъ притчу о Фарисеѣ, имѣвшемъ столь высокое мнѣніе о себѣ самомъ, и презиравшемъ другихъ.

Я продолжалъ въ семинаріи мое ученіе и прибрѣлъ довольно значительное количество разнообразныхъ знаній. Я прочелъ лучшія сочиненія по философіи, богословію и исторіи. Мнѣ трудно было доставать чтонибудь другое, кромѣ того, что получалъ изъ бібліотеки, но за послѣднія каникулы я сталъ болѣе независимъ, проводилъ большую часть времени

въ городской библіотекѣ, которая принадлежала преосвященному Темену (M. de Themines), прежнему епископу Блоа, и была очень обширна. Я изучалъ тамъ еврейскій языкъ, читалъ сочиненія по геологіи наиболѣе замѣчательныя въ то время, прочелъ даже сочиненія Дюпни, Вольнея, Лапласа; я не пренебрегалъ ни одной отрасли человѣческихъ знаній, будучи увѣреннымъ, что все это можетъ мнѣ пригодиться впоследствии.

Я былъ посвященъ въ священники 21 декабря 1839 года, мнѣ тогда было 23 года и 20 дней.

Безъ сожалѣнія покинулъ я *святой* домъ, вынесши отсюда сравнительно значительныя познанія. Этими познаніями я не обязанъ былъ моимъ профессорамъ, которые даже старались помѣшать мнѣ въ приобрѣтеніи ихъ. Поведеніе мое въ семинаріи было всегда добропорядочное, но я не умѣлъ унижаться до вдіотскаго и пассивнаго повиновенія. Я уѣхалъ съ убѣжденіемъ, что мое начальство не любило меня, не смотря на лестныя выраженія, которыя были обращены ко мнѣ во время отъѣзда.

Если по истинѣ сказать, то я кажется любилъ ихъ еще менѣе, чѣмъ они меня, и я чувствовалъ себя счастливымъ когда ихъ покинулъ.

К.

(Продолженіе будетъ).

КРИТИКА НАЧАЛЪ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Абсолютное есть-ли идея, или же дѣйствительное существо?

Критическій духъ—отличительное свойство философіи. Необходимость и значеніе философской критики. Установленіе единого, безусловнаго начала—главная цѣль и предметъ философской критики (основные типы философ. ученій). Значеніе идеи абсолютнаго по Канту. Къ чему привело Кантово изъясненіе идеи абсолютнаго? Не есть ли идея абсолютнаго понятія отрицательное и что выражаетъ она, при такомъ ея пониманіи? Абсолютное какъ первал причина.

Много нужно смѣлости и грубаго непониманія, чтобы болѣе чѣмъ двухтысячелѣтнюю работу философской мысли признать потраченною даромъ. Такъ, повидимому, думаютъ и смотрятъ на философію всего протекшаго времени тѣ, которые принимаются создавать философскую науку или научную философію, какъ будто вся бывшая доселѣ философія никакого научнаго значенія не имѣетъ. Мысль о возникновеніи только теперь научной философіи не можетъ быть оправдана тѣмъ, что изъ бывшихъ доселѣ философскихъ ученій каждое имѣло болѣе или менѣе важное значеніе только для своего времени, теперь же настала пора создать такую философію, которая имѣла бы научное достоинство, т. е. была бы истинною безотносительно ко времени. Изъ чего видно, что именно настоящее время призвано исполнить такую задачу, т. е. создать научную философію, которой доселѣ будто бы не было? Въ наше время, говорятъ, научныя знанія достигли столь блестящаго состоянія, что какъ самая идея научной философіи, такъ и осуществленіе этой идеи только теперь сдѣлались возможными. Спеціальныя науки настолько теперь обогатились знаніями, и методы своихъ изслѣдованій довели до такого со-

вершенства, что обладают уже достаточными средствами для точнаго и твердо обоснованнаго, т. е. вполне научнаго, рѣшенія тѣхъ самыхъ общихъ задачъ, которыя философія доселѣ, за неизмѣнимъ достаточнаго количества данныхъ, рѣшала гипотетически. Замѣтимъ прежде всего, что это стремленіе замѣнить гипотетическія рѣшенія философскихъ вопросовъ рѣшеніемъ достовѣрнымъ является теперь не впервые. Еще Аристотель противопоставлялъ методъ своей философіи подъ именемъ *анодиктической* методу прежней философіи (главнымъ образомъ Платона), который онъ называетъ *диалектическимъ*, при чемъ различіе между ними указывалъ въ томъ, что диалектическій методъ приводитъ лишь къ болѣе или менѣе вѣроятному рѣшенію вопроса, тогда какъ методъ анодиктической даетъ рѣшеніе достовѣрное, ибо этотъ методъ исходитъ всегда изъ основаній бесспорныхъ, неподлежащихъ сомнѣнію. При этомъ особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что у Аристотеля, такъ же какъ и въ наше время, означенное стремленіе замѣнить гипотетическое рѣшеніе философскихъ вопросовъ достовѣрнымъ находится въ связи съ раздѣленіемъ знаній на спеціальныя области, каковое раздѣленіе Аристотель первый дѣлаетъ, между тѣмъ какъ прежде вовсе его не было. Кажется аналогія между современнымъ стремленіемъ къ созданію научной философіи и таковымъ же стремленіемъ Аристотеля—полная. Не слѣдуетъ ли потому полагать, что каковъ былъ успѣхъ означеннаго стремленія у Аристотеля, таковъ же успѣхъ того же стремленія долженъ быть и въ наше время? Не смотря на свое остроуміе и обширную ученость, Аристотель не далъ и не могъ дать такого рѣшенія философскихъ вопросовъ, которое бы на всѣ времена осталось неизмѣннымъ. Съ другой стороны, трудно указать какое либо изъ положеній философіи Аристотелевой, которое всецѣло было бы собственностію Аристотеля и элементовъ котораго не находилось бы въ прежней философіи. Не то же ли самое представляетъ и современная, такъ называемая, научная философія въ отношеніи ея къ прежней философіи? Допустимъ, что научная философія еще далека отъ своего завершенія, и значить полнаго сужденія объ ея отличительномъ ха-

рактѣрѣ и научномъ значеніи нельзя имѣть; однако что-нибудь должно же быть сдѣлано; должны быть, хотя нѣкоторыя, основныя положенія, по которымъ было бы возможно судить, чѣмъ и какова должна быть научная философія, — иначе зачѣмъ и говорить о научной философіи; самая возможность таковой философіи была бы сомнительною, если признать что она пока еще не существуетъ, но есть дѣло будущаго. Дѣйствительно есть такія положенія, которымъ присвоится наименованіе научной философіи. Это та самая философія, которая давно уже извѣстна подъ названіемъ сенсуалистической, или эмпирической. А это значить, что положенія научной философіи не могутъ быть признаны пріобрѣтеніемъ современной науки. Притомъ же и безспорными никакъ нельзя признать положенія, такъ называемой, научной философіи; есть послѣдователи иного философскаго направленія, отвергающіе научную философію, но о которыхъ нельзя сказать, что они отвергаютъ науку, а потому и притязаніе научной философіи на какое-то особое и исключительное научное достоинство оказывается не имѣющимъ никакого основанія.

Но отрицая научную философію. — не впадаемъ ли мы въ другую крайность, при томъ худшую, состоящую въ отрицаніи философіи вообще? Ужь если и при современномъ, столь блестящемъ своемъ состояніи, наука оказывается безсильною разрѣшить философскіе вопросы, разрѣшить категорически, а не проблематически, если и такъ называемая научная философія есть на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ повтореніе старыхъ философскихъ заблужденій, которыя неоднократно и прежде отвергались и теперь не признаются послѣдователями иныхъ философскихъ школъ, то не явно ли это показываетъ, что философскіе вопросы не разрѣшимы и что всякія усилія къ ихъ разрѣшенію по необходимости должны оказаться безплодными? Въ другихъ наукахъ мы видимъ послѣдовательное и непрерывное приращеніе знаній, при чемъ то, что разъ прочно установлено въ наукѣ, остается на всегда непоколебимымъ. Иначе въ философіи: здѣсь одна система смѣняетъ другую, и тѣ воззрѣнія, которыя повидимому вовсе были устранены и побѣждены, съ теченіемъ времени снова возникаютъ. Что фи-

лософскія воззрѣнія далеко не такъ устойчивы и прочны какъ положенія въ собственномъ смыслѣ научныя—это съ перваго взгляда очевидно. Но свидѣтельствуемъ ли эта неустойчивость и кажущаяся неблагонадежность философскихъ положеній о томъ, что вопросы философіи неразрѣшимы и что слѣдовательно эти вопросы должны быть просто исключены изъ области научныхъ изысканій? Если бы это было такъ, тогда всѣ философскія ученія были бы одинаковы по своей такъ сказать научной негодности; одно ученіе было бы столь же несостоятельно, и такъ же заслуживало бы отрицанія, какъ и всякое другое. Между тѣмъ, не очевидно ли, на примѣръ, что философія Платона или Аристотеля безконечно совершеннѣе философіи Бюхнера, Фейербаха, или хотя бы Вольтера, Гельвеція и многихъ другихъ позднѣйшихъ философовъ? И это вовсе не значитъ лишь то, что Платонъ и Аристотель сдѣлали для философіи больше сравнительно съ другими философами, подобно тому какъ Коперникъ, Кеплеръ, Ньютонъ для астрономіи сдѣлали больше, чѣмъ послѣдующіе астрономы и тѣмъ не менѣе астрономія послѣдующаго времени совершеннѣе астрономіи названныхъ представителей этой науки. Недостаточно сказать, что Платонъ и Аристотель лишь по своимъ заслугамъ для философіи выше послѣдующихъ философовъ,—самая ихъ философія совершеннѣе философіи многихъ послѣдующихъ философовъ. Такъ, на примѣръ, если сравнить изслѣдованіе Платона о познаніи съ изслѣдованіемъ Локка о томъ же предметѣ, то первое окажется много превосходящимъ послѣднее даже въ отношеніи правильности рѣшенія многихъ вопросовъ. Или, на примѣръ, логика Аристотеля, какъ наука о мысленіи, безъ всякаго сомнѣнія, совершеннѣе многихъ позднѣйшихъ системъ той же науки, такъ что Тренделенбургъ возобновленіе логики Аристотеля признавалъ лучшимъ средствомъ для усовершенія современнаго состоянія этой науки. Чѣмъ можетъ быть объяснена эта особенность, отличающая философію отъ другихъ наукъ? Логику можно и даже должно пожалуй еще и теперь изучать по Аристотелю; но кто станетъ изучать по Аристотелю физику, естественную исторію, астрономію? Можно предположить, что системы фи-

лософіи прежняго времени не изучаются какъ должно, а потому добытое ими не усвоится въ послѣдующія времена. Но почему же этого мы не видимъ въ иныхъ областяхъ знанія? Во всякой иной наукѣ что разъ открыто или приобрѣтено, того уже не приходится снова потомъ открывать и изобрѣтать. Не ясно ли, что результаты философскихъ изысканій иначе усвоятся, чѣмъ познанія, добываемыя науками спеціальными? Добытое другими науками становится болѣе или менѣе общимъ достояніемъ независимо отъ способа, какимъ добыто; положеніе, достигнутое научнымъ изслѣдованіемъ въ наукахъ спеціальныхъ, совершенно отдѣльно можетъ быть представлено и имѣть самостоятельное независимое значеніе. Не то видимъ въ философіи: здѣсь выводъ совершенно неотдѣлимъ отъ самого изслѣдованія, посредствомъ котораго философъ до него дошелъ, ибо отъ самого изслѣдованія зависитъ значеніе и смыслъ вывода. Такъ, напримѣръ, извѣстно положеніе Канта, что для насъ вещь въ себѣ не познаваема, что познаніе ограничено явленіями; но подобное-же положеніе можно находить и въ древней философіи, у Протагора, у скептиковъ; однако значеніе и смыслъ означеннаго положенія тамъ и здѣсь далеко не одинаковы; ибо значеніе его опредѣляется доводами, съ каковыми оно стоитъ въ связи въ разныхъ ученіяхъ; напротивъ, положеніе, что земля вращается около солнца, мы можемъ представить съ совершенною ясностію и точностію независимо отъ того, какимъ путемъ оно найдено впервые. Какъ неразрывна связь философскихъ выводовъ съ самимъ процессомъ изслѣдованія, это видно хотя бы изъ того, что во многихъ классическихъ памятникахъ философской литературы (напр. въ діалогахъ Платона) мы находимъ лишь процессъ изслѣдованія по многимъ вопросамъ философіи, но безъ указанія опредѣленныхъ результатовъ, и тѣмъ не менѣе внимательное разсмотрѣніе изложеннаго процесса изслѣдованія, само собою даетъ видѣть, каковы должны быть эти результаты и въ чемъ они состоятъ. Въ спеціальныхъ наукахъ различныя части научной системы имѣютъ самостоятельное, независимое значеніе, и могутъ быть представлены отдѣльно; ибо и самое возрастаніе этихъ наукъ состоитъ въ постепен-

номъ накопленіи знаній, т. е. въ присоединеніи къ одному званію другого. Напротивъ, въ философскихъ системахъ господствующая черта есть стремленіе къ строгому единству, такъ что всякая отдѣльная часть системы имѣетъ свое значеніе только въ связи съ другими частями: всякая болѣе или менѣе значительная система философія, есть порожденіе и выраженіе духа, единого въ своемъ существѣ, мыслящаго духа, а потому по крайней мѣрѣ въ первоначальномъ своемъ составѣ, въ основныхъ наиболѣе характеристическихъ чертахъ всегда есть дѣло единоличное, между тѣмъ какъ научныя системы слагаются по частямъ усиліями многихъ лицъ. Составленіе философской системы изъ отдѣльныхъ частей, заимствованныхъ изъ разныхъ философскихъ ученій, съ очевиднымъ намѣреніемъ воспользоваться всѣмъ, что есть лучшаго, наиболѣе близкаго къ истинѣ у разныхъ философовъ, такъ называемый *электизмъ*, не только не приводитъ къ желаемой цѣли, къ созданію наиболѣе совершенной философіи, напротивъ есть слѣдствіе упадка философскаго духа и служатъ скорѣе признакомъ отсутствія истинной философіи, чѣмъ усовершенія ея. А что иное—современный позитивизмъ, или такъ называемая научная философія, какъ не тотъ же электизмъ, съ тѣмъ различіемъ отъ электизма прежнихъ временъ, что наиболѣе совершенную систему философіи теперь хотятъ составить посредствомъ сочетанія уже не философскихъ ученій прежняго времени, а научныхъ положеній добытыхъ будто бы изысканіями спеціальныхъ наукъ, хотя на самомъ дѣлѣ подъ именемъ научныхъ положеній разумѣются положенія давно извѣстныя, которыя признавались всегда положеніями философскими; теперь же стараются лишь закрѣпить ихъ авторитетомъ науки и навсегда упрочить за ними признаніе ихъ безспорными истинами. Въ чемъ же именно состоитъ истинный духъ философіи? Духъ критики и изслѣдованія—вотъ что составляетъ существо философіи; безъ критики нѣтъ философіи; духъ философіи есть духъ критическій. Но только критика творческая, имѣющая положительную цѣль—познаніе истины, а не отрицательная, — составляетъ необходимую принадле-

жность философіи ¹⁾ Даже для усвоенія того, что добыто философскою мыслию въ той или иной системѣ философіи, недостаточно одно простое ознакомленіе съ этою системою, а необходимо критическое ея обсужденіе; самое тщательное ознакомленіе съ философскими ученіями само по себѣ есть только ученость по части философіи, а не философія, ученость же даетъ свѣдѣнія о философіи, но не обладаніе самимъ духомъ философіи; такое обладаніе достигается только чрезъ развитіе критическаго духа. Иначе говоря, если критическій духъ есть необходимое свойство философіи, а усвоеніе выводовъ философіи достигается только чрезъ критику, то это значитъ, что только философу въ полной мѣрѣ доступно усвоеніе результатовъ философіи (почему популярное изложеніе философскихъ истинъ безъ перетолкованія и извращенія смысла таковыхъ истинъ невозможно и отъ того популярное изложеніе философскихъ ученій имѣетъ обыкновенно видъ осмѣянія и поруганія философіи); ибо нѣтъ иного пути къ этому, кромѣ самой же философіи, т. е. чрезъ философствованіе только возможно усвоеніе приобрѣтеній философіи. А какъ не всѣ же философы, то и удивляться нечего тому, что философія многимъ представляется занятіемъ бесплоднымъ; это значитъ только, что плоды философіи для таковыхъ не зрѣлы. Теперь понятно, какъ это возможно, что нѣкоторыя прежнія системы философіи совершеннѣе послѣдующихъ: критическій духъ совершеннѣе могъ выразиться въ прежнихъ системахъ, чѣмъ во многихъ послѣдующихъ,—потому ли, что духовныя силы, потребныя для философской работы, въ одно время болѣе, а въ другое менѣе отвлекаются на иныя сферы дѣятельности, потому ли, что самый духъ народа мало имѣетъ въ себѣ склонности къ философскому изысканію, или потому, наконецъ, что

¹⁾ Кантъ наименовалъ свою философію критическою. Но какъ никакая философія не обходится безъ критики, то посему Кантъ долженъ былъ усвоить сказанному названію своей философіи специальное значеніе, разумѣя подъ именемъ критической философіи изслѣдованіе познавательныхъ способностей. Равнымъ образомъ новыя послѣдователи Канта разумѣютъ подъ названіемъ критической философіи извѣстный способъ рѣшенія гносеологическихъ вопросовъ, который скорѣе слѣдуетъ признать скептическимъ, чѣмъ критическимъ.

вообще духовныя силы, послѣ долговременнаго напряженія, приходятъ въ упадокъ, въ состояніе усыпленія и бездѣтельности.

Но не оправдывается ли этимъ опредѣленіемъ, что критическій духъ есть существо философіи, — обычное у многихъ, частію пренебрежительное, частію непріязненное отношеніе къ философіи? Не есть ли въ самомъ дѣлѣ критика, имѣющая своимъ предметомъ вопросы слишкомъ общіе и отвлеченные, и потому недопускающіе вполнѣ точнаго и устойчиваго рѣшенія, — такая критика не есть ли занятіе само по себѣ пустое, а по своимъ послѣдствіямъ небезопасное?

Такъ какъ критическій духъ есть духъ философіи, то отсюда и самое понятіе о критикѣ входитъ въ область философіи и какъ всякое философское понятіе оно даетъ поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ.

Прежде всего критика философская представляется бесплоднымъ и небезопаснымъ занятіемъ потому, что она все дѣлаетъ спорнымъ, ни на чемъ не останавливается и заставляетъ лишь сомнѣваться во всемъ. Кому неизвѣстно, что споры большею частію ни къ чему не приводятъ, и спорящія стороны обыкновенно остаются при своемъ. Но критика и споръ далеко не одно и то же. Въ средніе вѣка диспутамъ придавалось большое значеніе; тогда критика дѣйствительно практиковалась въ формѣ доказыванія и опроверженія, но это потому, что подъ вліяніемъ аристотелевской логики, доказательство (въ формѣ силлогизма) считалось въ то время единственно возможной формою научнаго познанія. Споры потому именно ни къ чему не ведутъ, и вмѣсто разъясненія, только запутываютъ вопросъ, что въ спорѣ обыкновенно изъ цѣлаго, не рѣдко обширнаго и многосторонняго предмета, берется одинъ какой либо моментъ, одна сторона, противъ чего всегда возможно выставить другіе моменты и стороны; — хотя бы при этомъ самое доказываніе или опроверженіе было ведено въ строгомъ порядкѣ, но переходъ отъ одной стороны вопроса къ другой, отъ одного момента даннаго понятія къ другому, можетъ быть случайнымъ и беспорядочнымъ, что и запутываетъ дѣло. Вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу всякаго случайно, иногда необдуманно, выраженнаго мнѣнія, или хотя

бы даже упорно поддерживаемаго непониманіемъ и привычкою, не лучше-ли всегда разсматривать предметъ во всей цѣлости его различныхъ сторонъ и отношеній, и такое разсмотрѣніе вести въ должномъ порядкѣ (методически), причѣмъ различныя неправильныя мнѣнія относительно этого предмета сами собою должны отпасть, когда чрезъ такое разсмотрѣніе сдѣлается ясною его природа, обозначится истинный его характеръ, обычно затемняемый всякаго рода предразсудками. Такое разсмотрѣніе предмета и есть критика. Хотя бы и оказались при этомъ, неизбѣжныя во всякомъ случаѣ, недосмотры, но дальнѣйшее изслѣдованіе того же предмета должно ихъ пополнить и исправить. Конечно, критиковать прежде всего значитъ анализировать, а анализировать значитъ разлагать; разложеніе же есть разрушеніе, ибо разрушеніемъ мы называемъ разложеніе цѣлаго на составныя элементы, такъ что критика есть сила разрушительная. Но какъ о сѣмени сказано, что оно не оживетъ, если не умретъ, т. е. не разложится на составныя части, такъ и вообще разложеніе не рѣдко имѣетъ цѣль созидательную; критика же, ищущая познанія, можетъ имѣть только эту, а не иную цѣль,—и такова именно критика философская. Притомъ же какъ умственное дѣйствіе, анализъ, свойственный философской критикѣ, состоитъ собственно не въ разложеніи, а лишь въ послѣдовательномъ обзорѣніи цѣлаго по всѣмъ его частямъ, но безъ нарушенія его цѣлости. Развѣ въ томъ смыслѣ философскую критику можно признать разрушительною, что рефлексія, выраженіемъ которой служитъ критика, дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на духовныя состоянія самого человѣка. Рефлексія убиваетъ живость и теплоту непосредственнаго чувства, ослабляетъ энергію воли, задерживая и даже вовсе подавляя рѣшимость въ нужную минуту. Но такое дѣйствіе можетъ оказывать только неправильное, т. е. болѣзненное, а потому и бесплодное развитіе рефлексіи.

Дѣятельность всякой духовной способности имѣетъ свои границы, и если только выступаетъ изъ этихъ границъ, то принимаетъ неправильное и нерѣдко пагубное теченіе. Однако, разъясненіе и опредѣленіе таковыхъ границъ, т. е. усло-

вій нормальной дѣятельности для каждой духовной силы все же есть дѣло философской рефлексіи.

Выше сказано, что если не самое единство, то стремленіе къ единству составляет неизмѣнную черту каждаго философскаго ученія, какъ созданія, единого въ своемъ существѣ, духа человѣческаго. Не слѣдуетъ-ли также и всѣ философскія ученія, бывшія когда либо и существующія теперь, разсматривать вмѣстѣ взятыя какъ единое цѣлое, какъ выраженіе единого философскаго духа? Такая точка зрѣнія на философскія ученія для философской критики даже необходима, ибо, какъ сказано, основное требованіе критики разсматривать предметъ въ его цѣлости. Но выполнимо ли это требованіе въ отношеніи къ философскимъ ученіямъ? Возможно ли объединеніе всѣхъ философскихъ ученій въ одномъ какомъ либо общемъ на нихъ взглядѣ? Могутъ ли быть сведены всѣ философскія ученія къ одному какому либо принципу, причемъ такой принципъ необходимо было-бы признать абсолютнымъ, верховнымъ?

Несомнѣнно прежде всего, что всѣ философскія начала могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ: одни философскія ученія признаютъ бытіе *духа*, а другія основнымъ и абсолютнымъ началомъ признаютъ *матерію*. Правда, отъ матеріи мы обыкновенно различаемъ силы и потому кромѣ ученій матеріалистическихъ есть еще ученія динамическія, которыя все сводятъ къ понятію силы; но вѣдь и самыя силы могутъ быть раздѣлены на матеріальныя или духовныя, а потому и тѣ ученія, которыя все изъясняютъ на основаніи понятія о силѣ, также примыкаютъ либо къ матеріалистическимъ, либо къ спиритуалистическимъ ученіямъ. Есть далѣе и такія ученія, которыя не признаютъ никакихъ безусловныхъ началъ, полагая, что хотя таковыя начала и должны быть, но они для насъ *непознаваемы*. Очевидно, что этого рода ученія исходятъ изъ опредѣленныхъ взглядовъ на *познаніе*. Но каковы бы эти взгляды ни были, и въ чемъ бы ни состояли, они необходимо примыкаютъ, по своему характеру, или къ матеріализму (сенсуализмъ, эмпиризмъ, позитивизмъ), или къ спиритуализму (идеализмъ): предположеніемъ, либо послѣдствіемъ всякаго опре-

дѣленнаго взгляда на познаніе неминуемо должно быть признаніе абсолютнымъ началомъ или духа, или матеріи. И это понятно. Вопросъ о познаніи не можетъ быть совершенно раздѣленъ отъ вопроса о бытіи, такъ что рѣшеніемъ вопроса о томъ въ чемъ заключается сущность познанія, рѣшается вопросъ о сущности бытія, и наоборотъ.

Противоположность же матеріализма и спиритуализма, по видимому не допускаетъ никакого соглашенія, такъ что, вмѣсто искомаго единства ученій философскихъ, взятыхъ въ совокупности, мы находимъ въ нихъ непреодолимый *дуализмъ*. Но точно ли дуализмъ этотъ таковъ, что исключаетъ собою единство совершенно. Несомнѣнно, что кто признаетъ основнымъ и единственнымъ принципомъ всѣхъ явленій матерію, тотъ неминуемо отрицаетъ бытіе *духа*. Кто же полагаетъ, что верховное и основное начало, начало безусловное есть духъ, для того нѣтъ необходимости отрицать бытіе матеріи; напротивъ, бытіе матеріи является при этомъ даже необходимымъ, ибо по крайней мѣрѣ нашъ конечный духъ не только существуетъ самъ по себѣ и самъ въ себѣ, но также необходимо имѣетъ отношеніе къ иному, отличному отъ него бытію, проявляетъ себя различнымъ образомъ чрезъ это иное и въ иномъ, такъ что матерія, при существованіи духа, является необходимымъ орудіемъ и средствомъ проявленія разнообразной дѣятельности духа. Поэтому противоположность матеріализма и спиритуализма можетъ быть изъяснена тѣмъ, что хотя духъ имѣетъ бытіе въ себѣ, самостоятельное и свободное, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при настоящихъ по крайней мѣрѣ условіяхъ бытія его, необходимо также для него имѣть отношеніе и къ иному, отличному отъ него, бытію матеріальному; отсюда всѣ признаки, которыми для насъ характеризуется бытіе матеріальное, имѣютъ въ основаніи своемъ это необходимое для духа отношеніе его къ матеріи, иначе сказать, служатъ выраженіемъ того отношенія. Что таковъ дѣйствительный смыслъ и истинное основаніе противоположности матеріализма и спиритуализма, въ этомъ мы можемъ убѣдиться, если только обратимъ вниманіе на характеристическія черты означенныхъ направленій философіи.

Отличительное свойство духа есть единство, простирающееся до того, что какъ ни разнообразны и сложны проявленія духа, но въ каждомъ открывається тотъ же духъ со всѣми необходимыми его свойствами; отсюда основныя формы бытія духа такъ связаны, что въ каждой участвуютъ болѣе или менѣе и остальные: мысль сопровождается желаніемъ и чувствомъ; желаніе не бываетъ безъ чувствованія и мысли, равно чувствованія соединяются съ мыслью и желаніемъ. По причинѣ единства, какъ основнаго свойства духа, и въ познаніи духъ стремится къ отысканію такого начала, которымъ по возможности объединялось бы все разнообразіе явленій. Другое свойство духа состоитъ въ томъ, что онъ есть существо дѣятельное. Отсюда происходитъ затруднительность представить бытіе недѣятельное: такое бытіе для насъ не понятно; всякое бытіе разрѣшается для насъ въ рядъ дѣйствій.

Къ сознанію какъ своего единства, такъ равно и самодѣятельности, свойственной духу, мы приходимъ чрезъ отличеніе себя отъ иного бытія, — именно матеріальнаго, и противоположеніе себя этому бытію. Бытіе матеріальное является для нашего сознанія, по своимъ свойствамъ, противоположностію духа: духъ единъ, а матерія множественна; духъ дѣятеленъ, а матерія пассивна. Но такъ какъ духъ, только чрезъ противоположеніе себя матеріи, приходитъ къ познанію отличительныхъ своихъ свойствъ, то пока духъ существуетъ въ тѣлѣ, онъ, какъ сказано, необходимое отношеніе имѣетъ къ бытію матеріальному; для него это бытіе служитъ почвою и орудіемъ сколько въ дѣлѣ познанія самого себя (безъ возбужденія идущаго отъ матеріальнаго бытія чрезъ внѣшнія чувства невозможно познаніе, хотя познаніе и есть дѣйствіе духа), столько же и въ практической, или иначе, внѣшней дѣятельности духа. Если же духъ имѣетъ необходимое отношеніе къ бытію матеріальному, то возможно ли, чтобы чрезъ это отношеніе отличительныя свойства духа въ нѣкоторой мѣрѣ не отображались и въ природѣ матеріальной? Дѣйствительно, хотя, какъ противоположность духа, бытіе матеріальное и является для сознанія нашего множественнымъ, раздѣленнымъ и дѣльными, но вмѣстѣ съ тѣмъ бытіе это не со-

вершено лишено нѣкотораго участія въ единствѣ, которое представляется здѣсь какъ *цѣлость*, совокупность или *связность* частей. А такъ какъ единство въ первоначальномъ и собственномъ смыслѣ свойственно духу, то поэтому повсюду, гдѣ мы усматриваемъ связность, цѣлостность,—это подобіе или отраженіе единства по необходимости представляется намъ какъ *дѣйствіе* или произведеніе духа. Равнымъ образомъ и въ другомъ отношеніи, именно въ отношеніи самодѣятельности, свойственной духу, бытіе матеріальное, не смотря на свою противоположность духу, будучи пассивнымъ, представляется намъ однако какъ рядъ *дѣйствій*, или перемѣнъ, производимыхъ различными силами.

Такъ какъ только чрезъ свое *отношеніе* къ духу бытіе матеріальное является въ нѣкоторой мѣрѣ единымъ, а также не лишеннымъ нѣкотораго участія въ самодѣятельности, свойственной духу, то поэтому въ означенной области бытія названныя свойства, именно — единство и самодѣятельность—являются лишь *относительными*, имѣютъ характеръ условности и даже въ самомъ духѣ, по причинѣ необходимо принадлежащаго ему отношенія къ бытію матеріальному, тѣ же свойства представляются съ характеромъ относительности, т. е. не вполне совершенными; вотъ почему необходимо для насъ признаніе бытія *духа безусловнаго*, которому должны быть свойственны и единство безусловное и самодѣятельность также безусловная.

Наконецъ важнѣйшее отличительное свойство духа есть *свобода*. Теоретически, что для насъ наиболѣе важно, свобода духа проявляется въ томъ, что духъ одно и то же можетъ полагать, или утверждать и отрицать. А какъ все сводится къ двумъ началамъ, каковы *духъ* и *матерія*, то посему наиболѣе характернымъ, и такъ сказать основоположнымъ, выраженіемъ означенной способности духа полагать и отрицать одно и то же, слѣдуетъ признать возможность сколько признанія, столько же и отрицанія съ одной стороны духа, а съ другой матеріи, въ чемъ и состоятъ существеннымъ образомъ различныя направленія философской мысли.

По причинѣ необходимаго отношенія своего къ бытію ма-

теріальному, духъ, когда отрицаетъ себя, то такое отрицаніе выражаетъ чрезъ признаніе матеріальнаго бытія единственною исключительною дѣйствительностію (матеріализмъ); причемъ, вмѣстѣ съ отрицаніемъ себя, духъ отрицаетъ и всѣ свои отличительныя свойства: такъ матеріализмъ утверждаетъ, что совершеннаго единства нигдѣ нѣтъ, а есть только сложности (агрегаты), комплексы, каковы тѣла, ибо хотя въ основаніи тѣлъ и предполагаются простыя части (каковое предположеніе для духа необходимо), но самыя эти части не признаются существующими раздѣльно, а только въ сочетаніи, въ видѣ сложностей (молекулы). Когда же матеріальное бытіе признается само въ себѣ непознаваемымъ, то признаніе матеріальнаго бытія единственною дѣйствительностію выражается въ томъ, что, смотря на вещи единственно какъ на представленія, данныя въ нашемъ сознаніи, самыя эти представленія также признаются сложностями простыхъ элементовъ, именно ощущеній (позитивизмъ). Вмѣстѣ съ единствомъ матеріализмъ отрицаетъ также самодѣятельность и свободу духа, полагая, что всякое бытіе условливается перемѣнами, которыя всегда производятся внѣшнею какою либо силою, или совокупностію силъ, всегда дѣйствующихъ по законамъ необходимости. Съ матеріализмомъ согласуется въ этомъ случаѣ и позитивизмъ, который, хотя и признаетъ матерію въ существѣ своемъ непознаваемою, но исходитъ очевидно изъ того предположенія, которое свойственно и матеріализму, что бытіе матеріальное есть единственная и всецѣлая дѣйствительность. Съ другой стороны, отрицаніе матеріальнаго бытія, также возможное для духа, выражается въ утвержденіи противоположномъ коренному утвержденію матеріализма. Матеріализмъ признаетъ только матеріальное бытіе дѣйствительнымъ; напротивъ, спиритуализмъ (именуемый иначе идеализмомъ) утверждаетъ, что бытіе духа есть единственная и истинная дѣйствительность; матеріальныя же вещи рассматриваются какъ такія представленія, которыя духъ самодѣятельно изъ собственнаго существа производитъ: посему весь матеріальный міръ рассматривается какъ совокупность дѣйствій или произведеній духа, заключенныхъ въ самомъ же духѣ. Когда же, при такомъ направленіи мысли,

(характеристическою чертою котораго служить отрицаніе матеріальнаго бытія), духъ признается непознаваемымъ въ своемъ существѣ, тогда признается также невозможнымъ изъяснить, какимъ образомъ духъ производитъ представленія, именуемыя вещами, а просто лишь утверждается, что вещи суть представленія существующія въ духѣ (идеализмъ Бэрклея).

Изъ предыдущаго видно, что не слѣдуетъ смѣшивать отрицанія духа или матеріи (въ качествѣ основнаго безусловнаго начала) съ отрицаніемъ познаваемости того или иного начала. Полагая, что матеріальное бытіе есть единственная и полная дѣйствительность, можно при этомъ утверждать, что бытіе это по сущности своей непознаваемо для насъ. И такое же самое отношеніе возможно къ бытію духа. Но спрашивается, чѣмъ же будетъ для насъ безусловное начало (будетъ ли то духъ или матерія) при отрицаніи познаваемости его? Очевидно, что въ такомъ случаѣ безусловное для насъ есть не болѣе какъ *идея* или *представленіе*. Предположимъ, что абсолютное для насъ есть только идея. Что отсюда слѣдуетъ прежде всего? Такое понятіе объ Абсолютномъ ведетъ къ тому, что признаніе его, самая мысль объ немъ выводится изъ субъективныхъ условій духа, иначе говоря, идея объ Абсолютномъ признается какъ бы фикціею, хотя и необходимо порождаемою изъ себя нашимъ духомъ. Такой взглядъ на Абсолютное и его значеніе впервые былъ выраженъ и систематически обоснованъ въ философіи Канта, послѣдствіемъ чего является въ современномъ реализмѣ прямое отрицаніе Абсолютнаго.

Итакъ рассмотримъ, какъ именно обосновывается у Канта означенный взглядъ на Абсолютное, что оно есть идея, и можно ли признать правильнымъ этотъ взглядъ?

Какъ извѣстно, главный вопросъ, который предстояло рѣшить Канту, состоялъ въ томъ, какъ происходитъ у насъ познаніе; рѣшеніе же этого вопроса, найденное Кантомъ, таково: съ перваго взгляда очевидно, что дабы познать вещь какую либо, необходимо прежде всего, чтобы эта вещь оказала извѣстное дѣйствіе на наши чувства; причиною познанія слѣдовательно нужно признать, во первыхъ, самыя вещи познаваемыя. Но когда мы воспринимаемъ впечатлѣнія отъ вещей,

вслѣдствіе воздѣйствія ихъ на наши чувства, то впечатлѣнія эти извѣстнымъ образомъ *формируются* въ нашемъ духѣ, именно: образуются изъ нихъ наши *представленія* и *понятія* о вещахъ—представленія объ отдѣльныхъ вещахъ, а также объ ихъ совокупности,—понятія объ *общихъ* свойствахъ вещей. По обычному воззрѣнію, представленія и понятія не что иное какъ отпечатки, точныя копіи въ нашемъ духѣ самихъ вещей; по толкованію же Канта,— это не отпечатки, а произведенія собственной нашей познавательной дѣятельности, о согласіи которыхъ съ вещами мы уже потому не можемъ судить. что и самыя вещи для насъ познаваемы только чрезъ нихъ же, т. е. чрезъ наши понятія и представленія,—каковы вещи сами по себѣ, отдѣльно отъ нашихъ представлений и понятій, мы этого не можемъ знать. Что не вещи производятъ въ нашемъ духѣ относимыя къ нимъ представленія и понятія, а напротивъ, духъ самъ производитъ тѣ и другія, только лишь по поводу вещей,—въ этомъ, по Канту, можно убѣдиться изъ слѣдующаго: изъ представлений и понятій образуются сужденія или положенія, но выражая сужденіе объ извѣстной вещи, мы нерѣдко относимъ таковое сужденіе не только къ этой вещи, но и ко всѣмъ подобнымъ, которыя намъ вовсе и не встрѣчались, но о которыхъ мы предполагаемъ, что онѣ есть, или могутъ быть, а относя къ цѣлому неопредѣленному множеству вещей извѣстное сужденіе (вслѣдствіе чего, такое сужденіе получаетъ для насъ значеніе *общаго* правила), мы вмѣстѣ съ тѣмъ такъ убѣждены въ его истинности, что отрицаніе его представляется намъ невозможнымъ, не мыслимымъ. Какъ можетъ быть объяснено происхожденіе такого рода сужденій (съ характеромъ всеобщности и необходимости)? Что дѣлаетъ наши сужденія всеобщими и необходимыми, тѣ сужденія, которыя имѣютъ таковой характеръ? Не отъ самихъ вещей зависитъ это, такъ какъ мы относили означенныя сужденія и къ такимъ вещамъ, которыя не существуютъ, а только могутъ существовать; мы говоримъ, напримѣръ, что всѣ тѣла протяженны,—разумѣя въ этомъ случаѣ не только тѣ тѣла, которыя когда либо попадались намъ на глаза, и которыя окружаютъ насъ, но и всѣ тѣ, которыя

когда либо существовали и будутъ существовать. По Канту духу нашему свойственны такіе способы, или пожалуй правила сочетанія представленій и понятій, отъ которыхъ мы отступить не можемъ: они для насъ не нарушимы. Понятно, что сужденіе, образованное по такому необходимому для насъ (необходимому по природѣ духа, а не по природѣ самихъ предметовъ познаваемыхъ), способу или правилу и само становится для насъ необходимымъ, а будучи необходимымъ, оно поэтому самому прилагается нами повсюду, гдѣ только можетъ быть приложено, относимъ его ко всякимъ подходящимъ подъ него вещамъ, т. е. получаетъ для насъ *общее значеніе*. Такъ, напримѣръ, видимъ мы неоднократно, что за однимъ явленіемъ слѣдуетъ другое, или послѣ одной переменны сейчасъ же происходитъ другая; однако мы полагаемъ, что здѣсь не одно чередованіе явленій, но что одно *изъ другого* происходитъ, одна переменна рождаетъ *изъ себя* другую, — хотя мы этого вовсе не видимъ; почему же мы такъ думаемъ? потому что къ наблюдаемымъ явленіямъ, или переменамъ, мы прилагаемъ *понятіе причинности*, понятіе, которое мы ни откуда не могли заимствовать; не будь у насъ этого понятія, мы бы не могли и мыслить, слѣдовательно, понятіе это неотдѣлимо отъ самой способности мышленія, т. е. оно не образуется у насъ изъ какихъ-либо впечатлѣній, но рождается изъ собственной нашей познавательной дѣятельности; дѣятельность эта какъ скоро происходитъ, будучи возбуждена внѣшними впечатлѣніями, то сейчасъ приносить съ собою и самое понятіе причинности, которое вмѣстѣ съ другими, столь же необходимыми понятіями и представленіями, управляетъ ею, формируетъ извѣстнымъ образомъ воспріятыя впечатлѣнія, именно: понятіе причинности устанавливаетъ столь тѣсную связь между представленіями двухъ смежныхъ переменъ или явленій, что одно явленіе мы не просто полагаемъ послѣ другого, но признаемъ одно *истекающимъ* изъ другого. Посредствомъ понятій или правилъ, присущихъ самой познавательной дѣятельности и совершенно неотдѣлимыхъ отъ нея, слѣдовательно имѣющихъ значеніе законовъ или правящихъ ея началъ, — прежде всего формируются, какъ сказано, впе-

члѣнныя воспріятыя отъ вещей, а чрезъ то приводятся въ порядокъ разнообразныя представленія о *вещахъ*, устанавливается между ними связь. Но между понятіями, присущими познавательной нашей дѣятельности, есть и такія, которыя приводятъ въ порядокъ не отдѣльныя представленія о вещахъ, составляющихъ содержаніе нашего познанія, а самое *познаніе*, т. е. дѣятельность познавательную. Есть представленія и понятія, для которыхъ предметомъ служатъ самыя вещи; представленія и понятія такого рода мы относимъ поэтому прямо къ самимъ вещамъ, но есть и такія понятія, для которыхъ предметомъ служитъ *вся познавательная дѣятельность* вообще и относимыя поэтому не къ тѣмъ или онѣмъ вещамъ, но къ цѣлой области явленій данныхъ чрезъ наше познаніе, или даже ко всему существующему. Этого рода понятія Кантъ называетъ *идеями*.

Всѣ идеи (психологическая, космологическая, теологическая) суть частнѣйшія выраженія и примѣненія къ различнымъ направленіямъ или сторонамъ познавательной дѣятельности одной общей *идеи абсолютнаго*. Идея же абсолютнаго заключаетъ въ себѣ мысль о *первой причинѣ*, или иначе, о первомъ условіи, которое, какъ первое, должно быть независимо ни отъ какого иного условія, почему и называется Безусловнымъ. Но понятіе причинности, какъ сказано выше, выражаетъ самую тѣсную, внутреннюю, и потому необходимую, связь въ томъ, къ чему прилагается. Поэтому значеніе идеи абсолютнаго заключается въ томъ, что чрезъ эту идею устанавливается единство и связь во всемъ нашемъ познаніи; слѣдовательно, Безусловное означаетъ также мыслимую нами чрезъ идею безусловнаго цѣлость всего существующаго, или иначе, совокупность всего условнаго.

Итакъ Абсолютное по Канту есть въ сущности выраженіе, свойственнаго нашему разуму, стремленія къ единству въ нашемъ познаніи, т. е. къ объединенію всѣхъ частныхъ представленій и понятій помощію одного наиболѣе общаго и высочайшаго понятія, *высочайшаго* потому, что къ нему разумъ восходитъ чрезъ рядъ умозаключеній отъ одного условнаго къ другому, а *общаго* потому, что связующее значеніе означеннаго понятія простирается на всѣ другія понятія. Ясно, что

идея абсолютнаго по Канту означаетъ ни болѣе ни менѣе какъ субъективную потребность нашего разума, потребность объединенія познавательной дѣятельности, а не есть представленіе чего-либо дѣйствительно существующаго: *частнѣйшимъ* выраженіемъ означенной потребности служитъ понятіе причинности, а наиболѣе *общимъ* идея абсолютнаго; ибо чрезъ понятіе причины мы связываемъ два отдѣльные явленія (причина и дѣйствіе), а посредствомъ идеи абсолютнаго объединяемъ и приводимъ въ систему всѣ наши познанія.

Теперь посмотримъ къ какимъ выводамъ неминуемо должно привести изложенное изъясненіе идеи Абсолютнаго.

Абсолютное, какъ сказано, выражаетъ субъективную потребность духа, именно стремленіе къ объединенію знаній, и то же самое значеніе имѣетъ понятіе причинности; потому-то *идея абсолютнаго* и *первая причина* можно сказать—понятія однозначущія: не сами по себѣ, по своему смыслу, а только по различному употребленію различаются тѣ понятія; одно понятіе употребляется въ меньшемъ объемѣ, а другое въ большемъ. Поэтому, если признать истиннымъ то, что утверждаетъ Кантъ объ идеѣ Абсолютнаго, именно что идея эта не есть представленіе дѣйствительнаго какого-либо предмета, но только выраженіе субъективной потребности, то слѣдуетъ допустить то же самое и относительно понятія причинности. А мы видѣли, что по Канту причиною нашего познанія служатъ прежде всего самыя вещи познаваемыя, такъ что все значеніе для насъ представленія о вещи, какъ о чемъ—то существующемъ отдѣльно отъ насъ, заключается именно въ томъ, что она есть *причина* познанія. Итакъ, если понятіе о причинѣ выражаетъ лишь субъективную потребность, а представленіе вещи есть только особое употребленіе или примѣненіе понятія причинности, то не очевидно ли, что и, такъ называемыя, вещи суть въ такомъ случаѣ не болѣе, какъ наши субъективные представленія, т. е. представленія, которыя на самомъ дѣлѣ производятся не чѣмъ-либо существующимъ внѣ насъ, а лишь субъективнымъ механизмомъ собственной нашей познавательной дѣятельности. Къ этому выводу дѣйствительно пришелъ Фихте, который, какъ извѣстно, считалъ себя прямымъ послѣ-

дователемъ философіи Канта. По философіи Фихте, такъ называемыя вещи не болѣе какъ представленія, которыя наше я само изъ себя производитъ по необходимымъ законамъ познавательной своей дѣятельности. Такимъ образомъ мы видимъ теперь ясно, что послѣдствіемъ того толкованія идеи абсолютнаго, какое далъ Кантъ, оказывается чистый *субъективизмъ Фихте*. Черезъ посредство понятія причины съ представленіемъ вещи въ неразрывной связи состоитъ идея абсолютнаго. Поэтому, если идея абсолютнаго не есть представленіе дѣйствительно существующаго, то и самое представленіе вещи теряетъ свое реальное значеніе. Иными словами, если Абсолютное есть призракъ, хотя и необходимо рождаемый нашимъ разумомъ, то всѣ вещи, представляемыя нами, въ такомъ случаѣ обращаются въ призраки, производимыя субъективною дѣятельностію нашего духа. Но возможно ли согласиться съ этимъ послѣднимъ выводомъ? Въ реальномъ бытіи вещей, въ бытіи, независимомъ отъ ихъ представляемости въ нашемъ духѣ, невозможно усомниться, ибо въ такомъ случаѣ самыя представленія о вещахъ были бы неразрѣшимою для насъ загадкою, которая таковою и остается въ философіи Фихте. И какъ несомнѣнно реальное бытіе вещей, такъ же необходимо для насъ признаніе Абсолютнаго реально существующимъ, т. е. существомъ дѣйствительнымъ, а не просто лишь представляемымъ.

Но точно ли такова связь между идеею абсолютнаго и представленіемъ вещи, что увѣренность въ реальномъ бытіи вещей неминуемо за собою влечетъ признаніе идеи абсолютнаго столь же реальною? Странно признавать Абсолютное такъ же реальнымъ, какъ реальны самыя вещи. уже потому, что представленіе вещи есть положительное, выражаетъ то, что дѣйствительно есть и что познается какъ существующее, идея же абсолютнаго имѣетъ не положительный, а отрицательный характеръ, ибо выражаетъ не то, что познается нами и что поэтому самому есть для насъ дѣйствительное, а то что, не познается и не можетъ быть познаваемо; познаваемое тоже что дѣйствительное, непознаваемое слѣдовательно есть недѣйствительное; таково Абсолютное; оно означаетъ *границу познанія и истинности познаваемой*. Вотъ то понятіе объ Абсолют-

номъ, какое мы находимъ въ философіи Спенсера. И по этому понятію идея абсолютнаго, такъ же какъ по философіи Канта, реальнаго значенія не имѣетъ, но не потому она не имѣетъ значеніе реальнаго, что есть произведеніе нашей мысли (чрезъ умозаключеніе по Канту мы приходимъ къ идеѣ абсолютнаго). — мышленіе участвуетъ въ произведеніи и реальныхъ представленій о вещахъ. а потому что идея абсолютнаго имѣетъ характеръ отрицательный, тогда какъ реальныя представленія о вещахъ суть положительныя, выражающія нѣчто дѣйствительное. Все дѣйствительное имѣетъ характеръ относительный, ибо познается чрезъ отношеніе къ намъ; поэтому. что мыслится какъ безотносительное, а таково Абсолютное, то уже не есть дѣйствительное, но не есть также и совершенно не существующее, ибо просто несуществующее не можетъ быть представлено. Абсолютное, хотя и не выражаетъ ничего дѣйствительнаго, но тѣмъ не менѣе есть представленіе *относящееся къ дѣйствительному*, именно означаетъ границу всего дѣйствительнаго и познаваемаго.

Чтобы видѣть можно ли признать идею абсолютнаго отрицательнымъ понятіемъ. для этого стоитъ лишь обратить вниманіе на то. какой вообще смыслъ имѣетъ *отрицаніе*. Отрицаніе никогда не имѣетъ и не можетъ имѣть самостоятельнаго, независимаго значенія, напротивъ всегда имѣетъ отношеніе къ какому-либо утвержденію, или дѣйствительно выраженному или только возможному. На этотъ условный и зависимый характеръ отрицанія было указано еще въ древности: сообразно словесному обозначенію утвержденія и отрицанія. одво признавалось выраженіемъ *бытія* (есть), а другое — *небытія* (не есть); но какъ нельзя выразить и даже помыслить того, чего вовсе нѣтъ, что не существуетъ никакимъ образомъ, то очевидно не-бытіе, выражаемое въ формѣ отрицанія, должно понимать не въ общемъ, безотносительномъ, а только въ относительномъ смыслѣ, именно въ отношеніи лишь къ тому предмету, о которомъ высказывается, при чемъ отрицаемое объ одномъ предметѣ имѣетъ мѣсто, слѣдовательно существуетъ, въ другомъ. При этомъ само собою очевидно, что не было бы никакой нужды высказывать о данномъ предметѣ, чего въ немъ нѣтъ,

т. е. отрицать въ отношеніи къ нему извѣстныя свойства, если бы невозможно было предполагать въ немъ эти самыя свойства, если бы. т. е. невозможно было ихъ *утверждать*: во всякомъ предметѣ отсутствуетъ безчисленное множество свойствъ, именно свойствъ принадлежащихъ всѣмъ другимъ отличнымъ отъ него предметамъ; однако о каждомъ предметѣ мы выражаемъ отрицаніе не всѣхъ отсутствующихъ въ немъ свойствъ а только *нѣкоторыхъ*, — очевидно тѣхъ, которыя могутъ быть объ немъ утверждаемы, т. е. утвержденіе которыхъ возможно, хотя и несообразно съ тѣмъ -каковъ предметъ въ дѣйствительности.

Итакъ, если понятіе объ Абсолютномъ есть отрицательное, то нужно знать, какое же именно утвержденіе предполагается и устраняется имъ.

Абсолютному противоположно конечное: поэтому, если точно Абсолютное есть понятіе отрицательное, то смыслъ его заключается въ томъ, что имъ выражается нѣчто о конечномъ, т. е. устраняется нѣкоторое предполагаемое имъ утвержденіе относительно конечныхъ вещей. Не трудно видѣть въ чемъ можетъ заключаться это утвержденіе, оно опредѣляется самимъ понятіемъ объ Абсолютномъ. Если Абсолютное, какъ противоположность конечнаго, есть *безконечное*, то слѣдовательно чрезъ это понятіе отрицается *конечность конечнаго*; но конечность конечнаго можетъ быть отрицаема только въ отношеніи къ его совокупности; въ отдѣльности каждая вещь конечна, но въ совокупности всѣ вещи составляютъ безконечное, т. е. рядъ вещей конечныхъ безконеченъ, простирается въ безконечность. Итакъ, вотъ какой смыслъ заключается въ идеѣ абсолютнаго: идея эта выражаетъ собственно ту мысль, что *конечное безпредѣльно*.

Но какъ же мы можемъ знать, что конечное не имѣетъ предѣловъ? Что мы нигдѣ не находимъ предѣловъ конечнаго бытія, — это еще не доказательство, что ихъ и нѣтъ. Должно же быть основаніе для того, что мы не полагаемъ предѣловъ въ отношеніи познаваемаго, хотя самое познаніе наше всегда ограничено. Основаніе это не можетъ заключаться въ субъективной потребности объединенія всѣхъ нашихъ знаній о ко-

нечномъ бытіи. Выше показано, что невозможно принять это Кантово объясненіе идеи абсолютнаго. Въ сущности къ тому же воззрѣнію, какое видимъ у Канта, приходитъ и Спенсеръ. Онъ полагаетъ, что невозможность для насъ представить безконечный рядъ вещей побуждаетъ насъ. взамѣнъ этого, полагать виѣ конечнаго Безконечное, чрезъ что будто бы конечное для нашего представленія получаетъ цѣлость и единство. Но Спенсеръ не разъясняетъ, какая необходимость заставляеть насъ полагать, что конечное безпредѣльно и зачѣмъ намъ нужно представлять конечное во всемъ его объемѣ. Не разъясняетъ также Спенсеръ и того, какимъ образомъ идея абсолютнаго можетъ служить къ объединенію въ нашемъ представленіи всего конечнаго. Онъ говоритъ только, что съ представленіемъ всякой отдѣльной вещи, всякаго явленія, соединяется одна и та же мысль о бытіи, и эта собственно мысль служитъ связующимъ элементомъ для всѣхъ представленій о конечномъ, т. е. побуждаетъ насъ представлять всѣ конечныя вещи связанными между собою и образующими одно непрерывное цѣлое. Въ такомъ случаѣ оказывается невѣрнымъ то мнѣніе Спенсера, что Абсолютное есть понятіе отрицательное, что въ понятіи этомъ ничего положительнаго не содержится. Если Абсолютное есть прежде всего для насъ мысль о бытіи связующемъ все конечное, то этою мыслью не только не отрицается нѣчто въ отношеніи къ конечному, напротивъ утверждается его необходимая связь съ Абсолютнымъ. Ибо какъ съ устраненіемъ мысли о бытіи отъ представленія о конечномъ, представленіе это также дѣлается невозможнымъ, а чрезъ то и само конечное уничтожается для насъ, такъ наоборотъ, только идея абсолютнаго дѣлается для насъ возможнымъ и понятнымъ представленіе конечнаго бытія. Но въ чемъ же состоитъ эта необходимая связь конечнаго съ Безконечнымъ? Связь эта, очевидно, есть *причинная*, т. е. состоитъ въ томъ, что Абсолютное есть необходимая причина всего конечнаго; только въ значеніи причины дѣйствительно Абсолютное служитъ для насъ связующимъ началомъ въ отношеніи ко всему конечному бытію. И самая безконечность Абсолютнаго для насъ вытекаетъ изъ того, что оно есть причина. Конечно, между причиною и дѣйствиемъ необхо-

мо должна быть связь, и эта связь всегда выражается въ томъ, что свойства причины открываются въ дѣйствіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ причина и дѣйствіе противоположны, именно въ томъ, что дѣйствіе зависимо отъ причины, напротивъ причина независима. Противоположность эта не ясно выступаетъ тогда, если причина сама также есть *дѣйствіе* иной причины, но та же противоположность совершенно очевидна, когда дѣло идетъ о *причинѣ всего конечнаго*. Причиною конечнаго можетъ быть только Безконечное, или Абсолютное, ибо если бы и сама причина конечнаго также была конечною, она тогда принадлежала бы къ области конечнаго бытія, слѣдовательно и для нея должна бы быть причина.—ибо спрашивается о причинѣ *всего* конечнаго.

Но необходимъ ли и умѣстенъ ли такой вопросъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо ли Абсолютное понимать именно какъ причину всего конечнаго? Объ этомъ мы находимъ такое разсужденіе у *Вундта*. Стремленіе къ обоснованію вѣры въ сверхчувственное, въ своемъ обыкновенномъ, популярномъ выраженіи, говоритъ онъ, получаетъ слѣдующую форму: все въ мірѣ имѣетъ свою причину, слѣдовательно и самый міръ также долженъ имѣть причину. Выводъ этотъ основывается на недопустимомъ научно употребленіи понятія причины. Лишь тогда имѣется поводъ спрашивать о причинѣ вещи, когда мы предполагаемъ, что эта вещь произошла изъ чего либо предшествовавшего ей. Посему спрашивать о причинѣ міра теоретически никакого повода мы не имѣемъ. Всякое происхожденіе, къ чему только и приложимо понятіе причины, совершается въ мірѣ, и наше дискурсивное мышленіе, соединяя причины и дѣйствія, никогда не можетъ выступить ради этого за его предѣлы. Итакъ, никакого теоретическаго основанія нѣтъ для того, чтобы міръ въ его цѣлости представлять происшедшимъ. (*Logik*, 1-er Bd. 375). Нельзя не подивиться этому разсужденію *Вундта*, если взять во вниманіе, что первый вопросъ, съ котораго началась и самая философія, былъ вопросъ о происхожденіи міра. Какое же иное основаніе, кромѣ теоретическаго, имѣли первые греческіе философы для того, чтобы спрашивать о происхожденіи и первой причинѣ міра? Основаніе это мож-

по легко вывести изъ разсужденія самого Вундта. Онъ говоритъ, что вопросъ о причинѣ умѣстенъ только въ отношеніи къ тому, что измѣняется во времени и что происходитъ; измѣняется же и происходитъ все содержащееся въ мірѣ, а самый міръ не состоитъ ли изъ того, что въ немъ содержится, и возможно ли отдѣлять міръ отъ всего существующаго въ мірѣ; если всѣ составныя части, изъ которыхъ міръ состоитъ, какъ подверженныя перемѣнамъ, должны имѣть причину своего происхожденія, то какъ же самый міръ можетъ быть не происшедшимъ. Вундтъ очевидно понятіе абсолютнаго переноситъ на самый міръ, а какъ понятіе абсолютнаго необходимо противопоставляется конечному, условному, то это противоположеніе могло выразиться у Вундта, вслѣдствіе приложенія идеи абсолютнаго къ самому міру, — лишь въ томъ, что онъ отдѣляетъ міръ въ его цѣлости отъ составныхъ частей міра, отъ всего того, что содержится въ самомъ же мірѣ. Значитъ, не только нельзя признать вмѣстѣ съ Вундтомъ вопросъ о причинѣ міра неумѣстнымъ, напротивъ вопросъ этотъ столь необходимъ, что съ устраненіемъ его въ самомъ понятіи о мірѣ оказывается противорѣчіе совершенно уничтожающее, дѣлающее невозможнымъ это понятіе. Понятіе причины, какъ въ отношеніи ко всему происходящему въ мірѣ, такъ очевидно и относительно міра, совершенно неотдѣлимаго отъ того, что есть въ мірѣ, не только приложимо, умѣстно, но и совершенно необходимо, просто потому, что понятіе это необходимо для нашей мысли, и какъ необходимое, имѣетъ значеніе всеобщее. Даже объ Абсолютномъ Спиноза выразился, какъ извѣстно, что оно есть *causa sui*, желая показать этимъ выраженіемъ, что сколько необходимо для насъ понятіе причины, столько же необходимо признать Абсолютное неимѣющимъ для себя причины, которая была бы отдѣльною отъ него самого, иначе Абсолютное не было бы первою причиною; отвергнуть же бытіе первой причины значитъ допустить безконечный рядъ причинъ конечныхъ, которыя въ такомъ случаѣ, т. е. при отсутствіи первой причины, нельзя было бы признать причинами въ собственномъ смыслѣ, ибо всякая конечная причина, сама будучи дѣйствіемъ, служитъ лишь орудіемъ дѣятельности силъ, для

которыхъ источникомъ сама она не можетъ быть; вотъ почему тѣ, которые рѣшительно хотятъ устранить всякую мысль о бытіи Абсолютнаго, по неразрывной связи идеи абсолютнаго съ понятіемъ причины, устраняютъ также и это понятіе, утверждая, что задача познанія не въ томъ, чтобы опредѣлять причины, а въ томъ, чтобы устанавливать законы явленій. Впрочемъ, и самые законы неминуемо получаютъ значеніе причинъ (законъ повелѣваетъ, требуетъ; по закону, т. е. по дѣйствующей силѣ закона), коль скоро познаніе причинъ и самое понятіе причины хотятъ устранить.

Но это такъ необходимое для насъ понятіе причины, требующее признать бытіе Абсолютнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ ли само служить возраженіемъ противъ необходимости признанія бытіи Безусловнаго. Если понятіе причины имѣетъ всеобщее и безусловно необходимое значеніе, то какъ тогда согласить съ понятіемъ причины отрицаніе причины въ отношеніи къ Абсолютному? Если возможно признать, что Абсолютное не имѣетъ для себя причины, существуетъ безъ причины, то отчего же невозможно того же сказать, напр., о мірѣ? Невозможность эта заключается въ томъ, что нельзя мыслить міръ какъ абсолютное. Ибо что такое Абсолютное? Абсолютное есть существо совершеннѣйшее, а міръ не совершенъ. Совершеннѣйшее должно быть всецѣло свободно и независимо, а что имѣетъ для себя причину, то не можетъ быть всецѣло независимымъ. Притомъ же то общее значеніе, какое имѣетъ понятіе причины, можетъ быть изъяснено единственно лишь на основаніи идеи абсолютнаго. Абсолютное, какъ первая причина, простираетъ свое могущество и силу на все существующее, отсюда и то опредѣленіе, что Абсолютное есть причина, получаетъ для насъ всеобщее значеніе. Съ другой стороны, Вундтъ вѣрно замѣчаетъ, что вопросъ о причинѣ возникаетъ лишь тогда, когда мы замѣчаемъ какую-либо переменную: только измѣняемое подлежитъ причинной связи; слѣдовательно, наоборотъ, неизмѣняемое не можетъ имѣть для себя причины; но не имѣя причины для себя неизмѣняемое вмѣстѣ съ тѣмъ не только само можетъ быть причиною, но именно такова и должна быть истинная, т. е. *первая причина*: истин-

ною причиною можетъ быть только неизмѣняемое, потому что измѣняемое уже вслѣдствіе своей измѣняемости, хотя бы и было причиною, есть вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе, слѣдовательно не чистая причина. А такъ какъ въ мірѣ все измѣняемо, слѣдовательно измѣняемъ и міръ, то никакъ нельзя признать міръ безпричиннымъ, т. е. невозможно признать, что существуютъ только конечныя, условныя причины свойственныя измѣняемому. Безъ причины безусловной, которая поэтому должна быть неизмѣняема, потокъ измѣненій, наполняющихъ собою міръ, не имѣлъ бы для себя никакой опоры, а слѣдовательно и никакого смысла.

Итакъ, признаніе бытія Абсолютнаго столь же для насъ необходимо, какъ необходимо понятіе о первой причинѣ, которая можетъ быть только безусловною. Этотъ выводъ о необходимости опредѣленія идеи абсолютнаго чрезъ понятіе причины дѣлаетъ совершенно понятнымъ другой вышеуказанный выводъ относительно Абсолютнаго, къ которому пришла философія Фихте. Разумѣемъ тотъ выводъ, что если Абсолютное есть только идея, понятіе, а не дѣйствительное существо, то и всѣ вещи при этомъ обращаются въ простыя представленія. Выводъ этотъ становится понятнымъ въ виду того опредѣленія объ Абсолютномъ, что оно есть причина вещей. Между причиною и дѣйствіемъ должна быть необходимая связь. Поэтому если Абсолютное, которое есть первая причина, признается не болѣе какъ только субъективнымъ понятіемъ, которому въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ, то чрезъ это и всѣ вещи, какъ произведенія Абсолютнаго, также лишаются своего реальнаго бытія, такъ сказать улетучиваясь въ субъективныя представленія, превращаясь въ призраки.

II. Личный.

МЕТАФИЗИКА И ФИЛОСОФІЯ.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

Вен. Ал. Снегирева.

Метафизика представляет собою, или по крайней мѣрѣ должна представлять, по мнѣнію даже ея противниковъ, -- высшій моментъ, вершину человѣческаго знанія, выше и далѣе которой оно уже не можетъ подняться. Она открываетъ уму человѣческому область, теряющуюся въ необъятности и недосягаемой глубинѣ безконечнаго и абсолютнаго, — область бытія лежащаго за предѣлами опыта и только отражающагося въ явленіяхъ, данныхъ въ опытѣ, — бытія, созерцаемаго умомъ, строяющимъ его на основаніи и при помощи этого отраженія. Это міръ основъ всего сущаго и являющагося въ опытѣ, міръ истинно сущаго, неизмѣннаго и вѣчнаго среди постоянно текущаго, измѣняющагося, возникающаго и исчезающаго міра феноменальнаго. Этотъ міръ основъ метафизика и имѣетъ своимъ предметомъ, и потому называется первою, т. е. высшею и основною философіею, въ отличіе отъ философій или философій второго порядка, въ которыхъ изслѣдуются общія, эмпирически уже данныя основы и дѣятели - производители въ области обширныхъ группъ явленій міра и жизни человѣческой. Таковы, напримѣръ, философія природы ¹⁾, философія духа, философія морали или нравственнаго порядка въ

¹⁾ Философія природы объясняетъ механизмъ физическаго міра изъ основныхъ силъ, въ немъ дѣйствующихъ. Авт.

мірѣ, философія исторіи, философія права, философія религіи и т. п. Первая философія, или метафизика, обнимающая собою все сущее въ его основахъ, — основы всего сущаго, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ дѣло съ основами самыхъ этихъ основъ частныхъ явленій, — основъ, изслѣдуемыхъ въ философіи второго порядка. Эти послѣднія могутъ быть разсматриваемы какъ пособія и ступени для нея къ дѣйствительно всеобщему и въ собственномъ смыслѣ основному; или же при дедуктивномъ систематическомъ раскрытіи всего ея содержанія, — какъ дальнѣйшее ея развитіе и части, — тѣмъ болѣе, что и при самостоятельномъ основаніи каждой изъ нихъ неизбѣженъ метафизическій элементъ (понятія матеріи и силы и т. п.). При такомъ положеніи и содержаніи своемъ, метафизика является не только «первою философіею», но философіею въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, философіею въ смыслѣ особенной, спеціальной отрасли знанія, особой науки, имѣющей свой предметъ, не изслѣдуемый никакою другою наукою, не затрогиваемый и всею совокупностью наукъ, построенныхъ въ одну общую систему, предметъ, при томъ, выходящій за предѣлы и сферу явленій, изслѣдуемыхъ этими науками. Въ противномъ случаѣ, т. е. если не считать философію особой наукою, самое слово «философія» превращается въ традиціонный терминъ для обозначенія особой формы опытнаго знанія явленій, — знанія синтетическаго, строящаго явленія изъ ихъ факторовъ, открытыхъ путемъ непосредственнаго индуктивнаго изслѣдованія этихъ явленій. Если есть философія, какъ особая наука, стоящая выше и отчасти даже внѣ всѣхъ другихъ наукъ о явленіяхъ, т. е. всѣхъ другихъ наукъ, не исключая и математики, то она должна быть метафизикою, потому что одна метафизика изъ всѣхъ наукъ обладаетъ указанными свойствами и характеромъ. А если такъ, то метафизика — и есть философія. Что касается другихъ наукъ, обыкновенно причисляемыхъ къ философіи, — психологіи и логики, — то сами по себѣ эти науки чисто опытные: онѣ имѣютъ свои спеціальные предметы, особая группы данныхъ въ прямомъ опытѣ и наблюденіи явленій, — первая — явленія душевной жизни, вторая — фактъ достовѣрности и недостовѣрности знанія въ его различныхъ фор-

махъ. Философскаго въ нихъ ровно столько же, сколько въ любой изъ опытныхъ наукъ. Если же онѣ называются философскими и мыслятся доселѣ составными частями философіи, то это потому, что онѣ изъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ о явленіяхъ особенно близки къ философіи, даютъ для нея особенно много матеріала, необходимы для нея въ большей степени, чѣмъ всѣ другія науки, помогая ей подняться, путемъ анализа знанія человѣческаго, до основныхъ понятій или понятій объ основахъ, также разложить міръ феноменовъ на являющееся, преходящее и неизмѣнно, истинно сущее. Такимъ образомъ, метафизика есть наука о послѣднихъ основахъ, началахъ всего сущаго и познаваемого человѣкомъ, и есть одно съ философіею, когда понятіе философіи употребляется не въ общемъ, неопредѣленномъ смыслѣ, а въ смыслѣ понятія объ особой, спеціальной отрасли знанія. Всѣ другія философіи и философскія науки имѣютъ характеръ философскихъ только настолько, насколько онѣ соприкасаются съ философіею-метафизикою, прямо оказываютъ ей помощь или служатъ ея продолженіемъ и развитіемъ въ подробностяхъ.

Представленныя опредѣленія и характеристика метафизики и ея положенія въ сферѣ человѣческаго знанія изображаютъ ее въ чертахъ весьма привлекательныхъ для ума, жаждущаго знанія и стремящагося проникнуть въ самую глубину его. Но при этомъ невольно приходитъ на память то нелестное мнѣніе о метафизикѣ и философіи, отождествляющей себя съ нею, какое господствуетъ въ образованномъ обществѣ, въ средѣ людей точной, эмпирической науки и даже у большинства мыслителей, посвятившихъ себя философіи. Въ самомъ дѣлѣ, слово «метафизика» и производныя отъ него стали чуть не бранными. При этомъ словѣ обыкновенно представляется у большинства—разсужденіе или совокупность разсужденій, облеченныхъ непременно въ мудреную форму,—съ абстракціями, трансценденціями, абсолютами и другими премудростями въ каждой фразѣ,—разсужденій, никому непонятныхъ, даже самому разсуждающему; разсужденій, никого въ здоровомъ умѣ не интересующихъ и немогущихъ интересовать,—о какихъ-то бытіяхъ и вещахъ въ себѣ, о какихъ-то категоріяхъ сущаго,

о субстанціяхъ и акциденціяхъ; разсужденій, ничего необъясняющихъ и ни къ чему не пригодныхъ въ жизни, — пустыхъ и бесплодныхъ. Фигура метафизика рисуется въ комическомъ видѣ. Это человѣкъ, погруженный въ созерцаніе чего-то возвышеннаго и непостижимаго и непонимающій самыхъ простыхъ вещей изъ жизни его окружающей; человѣкъ, превращающій самые простые факты въ нѣчто мудреное... Самую суть этого ходячаго мнѣнія о метафизикѣ и метафизикахъ выразилъ Мефистофель у Гете, назвавши метафизику «животнымъ, которое пасется на пескѣ, не подозрѣвая, что рядомъ, вокругъ него, цвѣтутъ роскошные луга». Люди науки эмпирической относятся къ метафизикѣ еще строже; они ее презираютъ и ненавидятъ, считая препятствіемъ и тормозомъ для развитія дѣйствительнаго знанія, которое получается путемъ изученія фактовъ. На ихъ взглядъ она занимается неразрѣшимыми вопросами и предметами, существующими только въ испорченномъ неестественными навыками мысли и схоластикой воображеніи философовъ по профессіи и есть собственно наука о томъ, чего знать нельзя и чего знать не нужно вовсе. Метафизическія изслѣдованія — пустая трата времени и труда и развращеніе мысли, отвлекаемой отъ дѣйствительности въ область фикцій. Наконецъ, большинство новѣйшихъ философовъ считаютъ метафизику и проникнутую ею философію отжившею формою философствованія, созданною главнымъ образомъ въ самыя темныя времена схоластики. Въ свое время она, по ихъ взгляду, имѣла, конечно, значеніе и смыслъ, но теперь лишилась его и доживаетъ послѣдніе дни своего существованія, встрѣчая поддержку у людей отставшихъ отъ науки, или фанатиковъ, старовѣровъ въ сферѣ знанія, упорно держащихся того, что существовало вѣка и развивалось несомнѣнно великими умами... Воистину убогія, безсодержательныя, какія-то стереотипныя и чуждыя даже по формѣ всѣмъ навыкамъ современной мысли, произведенія съ названіемъ «метафизики», повидимому, блистательно оправдываютъ и подтверждаютъ такое воззрѣніе.... Какъ не задаться, въ виду этого вопросомъ: имѣетъ ли метафизика и метафизическая философія какое-нибудь, дѣйствительно, цѣнное и реальное содержаніе; другими словами: есть

ли въ дѣйствительности, а не на словахъ только, и можетъ ли быть такая наука,—наука объ основахъ сущаго?

На эти вопросы мы отвѣтимъ не отвлеченными разсужденіями, а обзоромъ главныхъ моментовъ историческаго бытія и развитія метафизики філософіи и описаніемъ ея современнаго состоянія и содержанія. При этомъ объяснится самъ собою и источникъ господствующаго низкаго взгляда на метафизику и подробнѣе уяснится понятіе, значеніе и положеніе ея въ системѣ знанія.

I.

Слово філософія означало у Грековъ всю совокупность знанія и образовано изъ *φιλοσοφος*—любитель знанія, стремящійся къ знанію и проистекающему изъ него высшему пониманію жизни—къ такъ называемой мудрости. Утвердилось оно преимущественно въ періодъ софистики, когда явились люди, увлекавшіе изъ знанія выгоды, прибрѣтавшіе знаніе отъ другихъ за плату и сами бравшіе деньги за его сообщеніе и преподаваніе. Люди эти называли себя *σοφιστα*—ученые, т. е. именемъ, которое носили до нихъ всѣ многознающіе люди. Въ противоположность имъ, люди, занимавшіеся учеными изслѣдованіями безкорыстно, изъ интереса и чистой любви къ знанію, стали называть себя філософами, а свои изслѣдованія—філософіею. Къ общему понятію філософіи, какъ совокупности всѣхъ знаній, прибавился, такимъ образомъ, постепенно оттѣнокъ, которымъ это знаніе характеризовалось какъ безкорыстное знаніе, или знаніе, прибрѣтаемое ради него,—знаніе для знанія. При этомъ вовсе не исключалось прямое практическое значеніе его для жизни. Напротивъ,—мысль Сократа, что только то знаніе и имѣетъ цѣну, изъ котораго можно прямо извлекать пользу, при помощи котораго можно улучшать и совершенствовать жизнь человѣческую и увеличивать сумму счастья,—эта мысль сохраняла свою силу во весь классическій періодъ філософіи и вообще науки. Въ области знанія філософіи противопоставляется совокупность знаній практическихъ, прямо и непосредственно прилагаемыхъ къ жизни: математика, діалектика, реторика, музыка. Изъ знанія безкорыстнаго філософія превратилась въ знаніе, не имѣющее прямо-

го практическаго приложенія, не преслѣдующее пользу, а имѣющее въ виду нѣкоторые высшіе, чуждые обыденной жизни, интересы. Отсюда былъ одинъ и естественный вполнѣ шагъ до понятія о философіи, какъ совокупности высшихъ знаній или знаній о самыхъ возвышенныхъ предметахъ въ мірѣ. Какъ превознесенная надъ всѣми другими знаніями, философія стала среди нихъ—владычицею—(χόρις) и вошла въ тѣсное отношеніе съ религіозною мистикою и таинственными преданіями древнихъ религій. А потомъ прямо стала на мѣсто религіи, особенно въ борьбѣ съ христіанствомъ. Совершилось, такимъ образомъ, полное паденіе философіи и возвратъ ея къ первобытному единству съ религіей и вѣрой.

Такой взглядъ на философію установился особенно подъ вліяніемъ неоплатонизма, неопиэагореизма и того движенія, которое получило вполнѣ—въ періодъ уже христіанства—названіе гностицизма и состояло въ смѣшеніи восточныхъ умозрѣній—египетскихъ, парсійскихъ, индійскихъ и іудейскихъ съ греческими понятіями. Аристотелевское раздѣленіе философіи на первую и вторую, — эта первая попытка отдѣлать науку о началахъ отъ знаній міра явленій опытныхъ.—лишилось смысла. Знаніе, основанное на опытѣ исчезло или было поглощено высшимъ созерцаніемъ, стало лишнимъ и едва упоминалось, какъ низшая форма знанія, какъ кажущееся не дѣйствительное знаніе, недостойное философа. Случайно явившееся надписаніе надъ трактатомъ Аристотеля о первой философіи «μετὰ τὰ φυσικά — послѣ физики» — получило особое толкованіе, объяснено было именно, что оно значитъ ученіе о томъ — ἄπερ φύσεως ὑπερῆρτος — или ученіе о сверхъестественномъ, выше естества или природы сущемъ. Идея первой философіи была искажена. Вмѣсто совокупности обобщеній относительно основъ бытія, являющихся послѣ изслѣдованія природы, какъ выводъ изъ него, она превратилась въ существующую и являющуюся прежде всякаго знанія природы и ея явленій, какъ знаніе того, что внѣ и выше ея. Правда, подъ именемъ метафизики—первая философія стала мыслиться какъ единственная философія, какъ наука противоположная обыкновенному опытному знанію и во всякомъ случаѣ отъ него отличная. Она

окончательно выдѣлилась изъ эмпирическаго знанія и съ внѣшней стороны стала тѣмъ, чѣмъ и должна она быть. Но самое содержаніе философіи, при этомъ, лишилось всякаго научнаго характера: оно стало собраніемъ произвольныхъ умозрѣній, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ знаніемъ, -- фантастическихъ построений. Метафизика отождествилась съ этою формою философіи, слилась съ нею надолго и въ этомъ видѣ получена пробудившеюся мыслию новаго времени. Отсюда всѣ ея заключенія, продолжающіяся до настоящаго времени, какъ мы видѣли. Сдѣлавши своимъ предметомъ—не только сверхчувственное и недоступное прямому опыту, а прямо сверхъестественное—философія-метафизика порвала всякую связь съ наукою и самымъ даже мышленіемъ. Она, т. о., вынуждена была искать новыхъ особенныхъ источниковъ и способовъ познанія своего предмета и изобрѣтала такіе источники и методы, самое существованіе которыхъ ей приходилось доказывать—такъ они были фантастичны и произвольны. На первый разъ придумано было непосредственное обращеніе ума человѣческаго къ сверхчувственному и сверхъестественному бытію,—признано было существованіе непосредственнаго умственнаго воспріятія внѣшняго міра, особаго рода видѣніе духовное, духовное зрѣніе—θεωσις, contemplatio, speculatio,—высшая сторона ума превратилась въ око, направленное къ сверхчувственному и сверхъестественному. Такъ, между прочимъ, образовались существующіе доселѣ термины—умозрѣніе, умозрительное знаніе, умозрительный методъ, спекулятивное мышленіе и т. п., хотя смыслъ ихъ и измѣнился нѣсколько впоследствии, а теперь они получаютъ и вовсе другое, новое значеніе, не имѣющее уже ничего общаго съ фантастическимъ окомъ и зрѣніемъ ума. Окончательному превращенію философіи-метафизики въ ученіе о сверхъестественномъ особенно много способствовало христіанство. Подъ его прямымъ вліяніемъ сформировалось, опредѣлилось и приведено въ порядокъ ея содержаніе, полученное новою возродившеюся наукою, какъ главное наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ. Христіанство, какъ не подлежащій сомнѣнію фактъ,—открытый Самимъ Богомъ—бытіе сверхъестественнаго и сверхчувственнаго, опредѣлило его формы и отно-

шеніе къ міру вещественному. То, что было до него гаданіемъ и требовало особыхъ усилій, особыхъ приспособленій въ умѣ, — стало истиною готовою и прямо открытою. Уму человеческому оставалось только усвоить ее и привести въ порядокъ. Но въ виду таинственности откровенія, непонятности многихъ истинъ, имъ сообщаемыхъ, потребовались особыя усилія для приведенія въ порядокъ и разъясненія ихъ. Для этого христіанскіе мыслители усвоили выработанныя формы и приемы изслѣдованія сверхчувственнаго у греческой философіи въ послѣднемъ фазисѣ ея развитія, особенно близкомъ и родственномъ по основнымъ тенденціямъ съ христіанствомъ. Философія-метафизика, т. о., соединилась съ христіанскими истинами, была усвоена христіанскою философіею-богословіемъ какъ способъ систематизаціи и разъясненія христіанскихъ догматовъ. Она сохранила до извѣстной степени свою самостоятельность, только лишилась своихъ царственныхъ атрибутовъ и оказалась въ положеніи какъ-бы плѣнной рабыни, изъ *хоріа* и *domina* стала *ancilla* и именно *ancilla theologiae*. Ея методъ—умозрѣніе, созерцаціе, ея умѣнье анализировать понятія и строить аргументы, облекать все это въ стройную систему—утилизированы были въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и оказали большую услугу христіанскому вѣроученію. Все это было сдѣлано еще въ такъ называемый патристическій періодъ христіанства на востокѣ—у Грековъ; но вновь переработано затѣмъ на латинскомъ Западѣ въ теченіе, такъ называемыхъ, среднихъ вѣковъ,—особенно съ XI до XVI вѣка включительно. Здѣсь философія-метафизика, оставаясь существенно слугою теологіи и заимствуя отъ нея главное свое содержаніе, получала постепенно болѣе самостоятельности, потому что чрезъ Арабовъ стала подъ вліяніе философскихъ произведеній Аристотеля и между прочимъ его «первой философіи» подъ именемъ метафизики, также трактата о категоріяхъ, который скорѣе относится по своему содержанію къ первой философіи, чѣмъ къ Логикѣ. Находясь подъ вліяніемъ преимущественно неоплатонизма, потомъ прямо философіи Платона, греческіе мыслители христіанскіе—отцы, вовсе не употребляютъ слова «метафизика» и, повидимому, не знаютъ ее. На Западѣ, напротивъ, терминъ этотъ

былъ очень распространеннымъ и любимымъ, но употреблялся больше въ формѣ прилагательнаго—метафизическій, какъ качество философіи и ея главнаго и прямого предмета—*philosophia metaphysica*.

До XIII вѣка схоластическая философія совершенно сливалась съ теологіею, давая ей только форму и разсужденія о догматахъ вѣры отъ разума, т. е. то, что существуетъ и теперь въ догматикѣ въ видѣ примиренія догматовъ вѣры съ требованіями разума и науки,—доказательствъ догматовъ не одними текстами Св. Писанія. Они были осуществленіемъ словъ знаменитаго Скота Эригены: «нѣтъ двухъ наукъ—одной, посвященной философіи, другой—религіи: истинная философія есть истинная религія и истинная религія есть истинная философія» («Исторія Философіи» Льюса. Т. II, с. 2). Теперь, въ XIII вѣкѣ, который характеризуется знакомствомъ ученыхъ со всѣми прозведеніями Аристотеля, философія, оставаясь въ сущности тождественною съ теологіею, отдѣляется отъ нея въ особую область, представляя собою объединеніе въ одной системѣ будто-бы всего, что разумъ можетъ открыть безъ помощи откровенія вполне съ нимъ согласнаго. Обособленіе философіи особенно рельефно выразилось въ томъ, что въ 1270 г. въ Парижскомъ университетѣ открывается кафедра философіи рядомъ и одновременно съ богословіемъ. Схемою этой философіи, какъ самостоятельной области знанія, по внѣшности, независимой отъ религіи служить философія Аристотеля, особенно первая философія-метафизика, такъ какъ эта философія признана не противорѣчащею откровенію и въ основномъ съ нимъ согласною и санкціонирована авторитетомъ папской власти. Относительная внѣшняя независимость философіи выражается теперь въ самыхъ названіяхъ философскихъ трактатовъ. Если прежде они носили названія въ родѣ: *Monadologium sive exemplum meditandi de ratione fidei*; *Prologium sive fides quaerens intellectum*; *Cur Deus homo?* (Ансельма); то теперь они именуется такъ, что прямо не видно ихъ отношенія къ догмату: *Opuscula de materiae natura, de ente et essentia, de principiis naturae, — de principio individuationis, de universalibus* (Θ. Аквината). Философія отождествляется сознательно съ ме-

тафизикою, но не представляется прямо наукою о сверхчувственномъ и только данномъ въ особаго рода созерцаніи непосредственномъ, а опредѣляется въ духѣ Аристотеля, какъ наука, имѣющая своимъ предметомъ бытіе, какъ такое—ens quantum ens. Правда она за тѣмъ черезъ entia, essentiae, substantiae, potentiae и actus, приходитъ къ тому же сверхчувственному; выводится даже изъ своего ens quantum ens, черезъ отношеніе между формою и матеріею, бытіе Церкви, какъ царство благодати—съ ея іерархіею и таинствами, ея отношеніемъ къ государству и даже отношеніемъ папы къ императору (изъ понятій матерія и формы. См. Веберъ 173). Методъ изслѣдованія при этомъ состоитъ уже не въ созерцаніи, а въ опредѣленіи понятій, существующихъ у человѣка, и въ дедуктивныхъ выводахъ изъ этихъ опредѣленій. При этомъ само-собою предполагалось, что понятія, коль скоро они существуютъ, открываютъ собою бытіе въ самой сущности, заключаютъ въ своей системѣ знаніе порядка и строя міра,—отражая вѣрно этотъ послѣдній. Остается, значитъ, при помощи указаній логики извлечь это готовое знаніе и развить его въ подробностяхъ. Это было шагомъ впередъ сравнительно съ непосредственнымъ созерцаніемъ и анализомъ даннаго вѣрою содержанія; но далеко не достигало широты воззрѣнія на философскій методъ у Аристотеля, признававшего самыя понятія продуктомъ опыта и наблюденія. Надобно впрочемъ замѣтить, что самъ Аристотель, служившій образцомъ и типомъ для схоластиковъ, какъ выраженіе всего, что можетъ сдѣлать умъ человѣческій, подавалъ поводъ къ такому толкованію источниковъ и пріемовъ изслѣдованія истины. Утверждая на словахъ необходимость обосновыванія всего на опытѣ и наблюденіи, знаніи фактовъ, самъ онъ, не только въ первой философіи, но даже въ физикѣ, зоологіи, слишкомъ много занимался анализомъ готовыхъ понятій, данныхъ въ языкѣ греческомъ, и клалъ этотъ анализъ и основанныя на немъ опредѣленія въ основу своихъ выводовъ и обобщеній. Схоластики только усвоили эту манеру рассуждать а priori своего учителя, и признали ее идеально совершенною и вполне достаточною безъ всякаго опыта и наблюденія, тѣмъ болѣе, что у нихъ былъ го-

товый criterium истинности или ложности опредѣлений и выводовъ изъ нихъ въ откровенной истинѣ и въ ученіи католической церкви, критериумъ получше и выше всякаго опыта и наблюденія.

Въ виду всего этого сущность схоластической философіи-метафизики въ нѣсколькихъ словахъ можно выразить такимъ образомъ: она была систематическимъ построениемъ и подробнымъ развитіемъ той сравнительно ничтожной доли знанія о мірѣ, какая дана въ основныхъ понятіяхъ-словахъ, составляющихъ содержаніе всякаго развитаго языка. Характеръ и качество этого знанія опредѣляется самою природою понятій и словъ, ихъ выражающихъ. Это, можно сказать, — крайній минимумъ знанія человѣческаго, сводящійся къ самому поверхностному усвоенію путемъ опыта и наблюденія безсознательнаго — самыхъ общихъ свойствъ предметовъ и явленій, также ихъ отношеній на столько именно, на сколько это необходимо для самого образованія мыслительныхъ формъ — понятія, сужденія и умозаключенія, для ихъ простаго существованія въ человѣческомъ умѣ. При этомъ знаніе въ нихъ заключающееся можетъ быть не только бѣднымъ и поверхностнымъ, но прямо невѣрнымъ, искажающимъ дѣйствительность, потому что полноты и вѣрности знанія вовсе не требуется для существованія мыслительныхъ формъ. По природѣ своей онѣ — общія схемы, способныя къ безконечному совершенствованію и развитію содержанія. Критериумъ построенной такъ системы, состоящей, т. о., изъ однихъ почти словъ въ согласіи ея съ откровенною истинною, противъ вѣрности котораго по существу нельзя ничего сказать съ самой либеральной точки зрѣнія, — получился насильственно и искусственно. Согласіе здѣсь было чисто фиктивное, потому что самая система была пустою схемою, формою безъ содержанія и допускала согласіе съ чѣмъ угодно, что только можно было втиснуть въ эту пустую форму. Въ данномъ случаѣ вкладывалось содержаніе вѣры откровенной и такимъ образомъ не сама система оказывалась согласною съ нимъ, а просто оказывалось согласною это содержаніе съ самимъ-собою — и только. Изъ этой фикціи съ наивнымъ торжествомъ дѣлали выводъ, что разумъ оказался вполне согла-

снымъ съ ученіемъ Откровенія и Церкви. Торжество это на-
поминаетъ собою удовольствіе дѣтей, когда они, заставляя са-
ми двигаться свои куклы, производя ихъ движеніемъ поклоны,
звуки и т. п., воображаютъ, что эти куклы—живыя и дѣлаютъ
все это по собственному произволу. Въ добавокъ ко всему
этому многія истины вѣры никакъ не могли быть уложены въ
эту схему понятій, — они были слишкомъ новы и слишкомъ
таинственны для превращенія въ понятія, были шире и вы-
ше формъ естественныхъ человѣческой мысли. А отсюда пря-
мой выводъ, имѣющій всегда неотразимую силу и значеніе,—
именно, выводъ, что содержаніе вѣры, въ главномъ состоящее
изъ непостижимаго и выходящаго за предѣлы разума, за пре-
дѣлы естественнаго строя понятій,—никогда не можетъ служить
даже критериумомъ достовѣрности или недостовѣрности знаній
имъ приобретаемыхъ; и, наоборотъ, разумъ и добываемое имъ
знаніе никогда не можетъ быть критериумомъ и судьей истинъ
вѣры. Соглашеніе между ними возможно и мыслимо только на
почвѣ ихъ полной взаимной независимости и самостоятельнаго
развитія. Потому-то моментъ такого фиктивнаго сліянія фи-
лософіи и вѣры, казавшагося полнымъ и окончательнымъ,—
моментъ осуществленный въ знаменитой системѣ Тома Акви-
ната, моментъ величія и блеска схоластической философіи,—
былъ въ то же время и началомъ ея паденія, хотя и не ги-
бели окончательной, потому что она вскорѣ возродилась толь-
ко въ новыхъ, болѣе совершенныхъ формахъ и уже свободною
отъ авторитета Откровенія, хотя и не свободною отъ прямого
и сильнаго его вліянія.

Прежде всего. вѣдншее раздѣленіе философіи и теологіи,
при тожествѣ ихъ въ основѣ и содержаніи, нѣкоторая само-
стоятельность философіи снова выдвинули старый вопросъ объ
отношеніи вѣры и разума, теологіи и философіи и съ тѣмъ
вмѣстѣ обнаружилась невозможность согласія ихъ во многихъ
пунктахъ и ихъ сліянія въ одно цѣлое: послѣднее оказалось
насилъственнымъ и вполнѣ фиктивнымъ. Сознаніе этого со
всею опредѣленностію выразилось у Оккама, утверждавшаго,
что человѣкъ самъ-собою ничего не можетъ знать о Богѣ, о
провидѣніи, о грѣхопадѣніи, объ искупленіи, о воскресеніи и

судѣ и долженъ довольствоваться вѣрою въ эти догматы. Даныя религиозной вѣры, т. о., устранялись изъ области философіи; съ тѣмъ вмѣстѣ философія, хотя и признанная бессильною, получила полную самостоятельность. Но положеніе ея при этомъ оказывалось весьма плачевнымъ: исключая изъ себя ученіе вѣры, она, въ силу указанныхъ свойствъ своихъ,—оказывалась совершенно безъ содержанія,—пустою, отвлеченною схемою,—анализомъ ходячихъ понятій и опредѣленіемъ того, что въ нихъ есть общаго, необходимаго для ихъ существованія у всякаго человѣка. А другого источника, кромѣ содержанія готовыхъ понятій, она не знала и знать не хотѣла. Религіозная вѣра-теологія—была не въ лучшемъ положеніи, лишаясь опоры разума: она оставалась въ концѣ концовъ съ принципомъ *credo, quia absurdum est*. Началась упорная борьба за сохраненіе прежняго согласія между философіею и теологіею, такъ какъ въ этомъ было единственное средство для схоластической философіи—имѣть опредѣленное содержаніе, а для теологіи—сохранить форму научной системы и опираться не на одну слѣпую и опасную для нея потребность вѣры и общенія съ высшимъ міромъ. Борьба эта идетъ въ теченіе всего XIV и XV вѣка, въ формѣ борьбы реализма и концептуализма съ номинализмомъ, развиваясь на почвѣ философскаго умозрѣнія, основаннаго опять-таки на анализѣ готовыхъ понятій. Но философія скоро получаетъ новый ударъ. Подъ вліяніемъ знакомства съ греческою литературою и съ другими философами древности, особенно съ Платономъ, поколебался и самый авторитетъ Аристотеля схоластическаго, и зданіе схоластической метафизики потрясено было въ одномъ изъ самыхъ крѣпкихъ его опоръ. Самыя рамки и схема, остававшіяся за вычетомъ богословскаго содержанія, признавались искусственными и ни къ чему непригодными, и все болѣе и болѣе выяснялось, что въ сущности вся система схоластической философіи-метафизики есть наборъ словъ и фразъ, не дающій никакого знанія. Уже въ XIV вѣкѣ возникаетъ и выражается, хотя еще робко, мысль, что можно легко дойти до достовѣрной науки, если обратиться къ изученію самой природы. Мысль эта является за тѣмъ и выражается все чаще и чаще, и къ

концу XVI вѣка дѣлается весьма распространенной, особенно подъ вліяніемъ открытій въ области естествознаній, главнымъ между которыми было открытіе Коперника. Мало по малу созрѣла мысль, что всю схоластическую философію нужно отбросить, какъ ни къ чему не годное измышленіе и начать построеніе знанія человѣческаго заново, что, какъ выразился Бэконъ—*necesse est opus mentis ad integrum renovare*. Одновременно почти за тѣмъ являются попытки въ этомъ родѣ въ Италіи у Джіордано Бруно, во Франціи у Декарта и въ Англии у Бэкона Веруламскаго. Схоластическая метафизика-философія незамѣтно и сама собою сходится со сцены всемірной исторіи и остается въ формѣ тѣсной связи съ догматикою католическою въ духовныхъ школахъ католическихъ, поддерживаемая искусственно папскимъ *sint ut sunt aut non sint*.

Начался періодъ «такъ называемой, новой философіи и рядъ новыхъ приключеній съ метафизикою. Нѣмцы, создавшіе несомнѣнно исторію философіи, хотя очень плохую и искусственную,---надобно сознаться, придали чрезвычайное значеніе религіозной реформѣ—явленію протестантства, какъ главному фактору упадка схоластики и явленію новой философіи. Въ дѣйствительности протестантство тутъ ровно ни при чемъ. Оно само было прямымъ продуктомъ причинъ, создавшихъ новую философію и самой этой философіи въ ея зародышѣ,—въ сознаніи умомъ пустоты схоластики, поддерживаемой папствомъ, и незаконности насилія этой власти въ дѣлахъ, касающихся познанія и убѣжденія въ истинности или ложности чего-бы то ни было. Не реформація создала эту тенденцію и освобожденіе ума, а это освобожденіе было главнымъ производителемъ всей реформаціи. Сами по себѣ дѣятели религіозной реформы оказались самыми отсталыми схоластами и возстановили схоластическую метафизику въ прискреннемъ ея общеніи съ догматами вѣры,—замѣнивъ только догматы католическіе протестантскими. Этимъ многое объясняется въ характерѣ нѣмецкой философіи. Воспользовавшись гениальными построеніями французовъ, англичанъ и евреевъ, положившихъ основу новымъ формамъ мыслительной дѣятельности, новой философіи, и пасильно присвоивши ихъ себѣ, нѣмцы устроили изъ нея новую про-

тестантскую схоластику, самымъ крупнымъ выраженіемъ которой было знаменитое гегеліанство. Этимъ они принесли великое зло и создали помѣху развитію здоровой философіи метафизики. Эта схоластика также щеголяетъ каббалистическою терминологіею, скрывающею ея пустоту, которая не менѣе пустоты ея католическаго прототипа.

II.

Новая философія начинается отрицаніемъ всякаго почти достоинства и значенія не только схоластической науки, но и всего почти того, что составляло содержаніе знанія древнихъ, остававшагося въ понятіи философіи. Джіордано Бруно еще находится подъ вліяніемъ древнихъ и, отвергая Аристотеля, превозноситъ Пифагора и Платона, хотя его блистательная, но фантастическая система возникаетъ подъ прямымъ вліяніемъ ученія Коперника, Кеплера и Галилея и имѣетъ въ своей основѣ, чуждую классической древности, идею безконечности вселенной. Бэконъ и Декартъ уже прямо ставятъ въ одну категорію и схоластику средневѣковую и все знаніе древнихъ; находя то и другое одинаково несостоятельнымъ и неимѣющимъ цѣнности, они видятъ во всемъ этомъ рядъ произвольныхъ, лишенныхъ всякой прочной основы, построеній, развитыхъ приемомъ, который пригоденъ только для изложенія и разъясненія уже извѣстнаго и познанныго и который безсиленъ въ открытіи неизвѣстнаго и доказательствѣ недоказаннаго. Потому они оба отвергаютъ прежнюю Логику, какъ нѣчто не только бесполезное, но и вредное. Въ виду этого они ставятъ для себя сознательно задачу—отыскать и точно опредѣлить прочныя основы для всякаго знанія и выработать правильный общій приемъ изслѣдованія во всѣхъ его сферахъ,—приемъ, который-бы дѣлалъ возможнымъ не только утвержденіе и уясненіе знанія, но и его постепенное расширеніе и ростъ. Оба не имѣютъ цѣли построить законченную систему знанія, считая это невозможнымъ для одного человѣка, а хотятъ дать только примѣръ и образецъ того, какъ ее нужно строить и развивать. Оба объединяютъ все человѣческое знаніе въ понятіи философіи, т. е. называютъ философіею совокупность всѣхъ знаній человѣче-

скихъ, организованныхъ, переработанныхъ умомъ и приведенныхъ въ одно цѣлое, противопоставляя философію съ одной стороны откровенной истинѣ, съ другой — сырому матеріалу знанія или знанію, такъ называемому у нихъ, историческому. Оба они, если и не дѣляютъ философію-науку прямо на первую и вторую, подобно Аристотелю, то прямо говорятъ о первой философіи или метафизикѣ, какъ о части всей системы знанія, части, слѣдовательно, всей философіи съ ихъ точки зрѣнія. Оба они даютъ метафизикѣ особенное выдающееся положеніе среди другихъ областей знанія, впрочемъ каждый по своему,—Бэконъ мыслить ее какъ вершину человеческого знанія, Декартъ представляетъ ее основою и опорой его. Наконецъ, оба эти великіе мыслители-реформаторы одинаково понимаютъ и конечную цѣль знанія:—цѣль эта для того и другого заключается въ пользѣ знанія и власти человека надъ силами природы, черезъ него достигаемой. Но, выходя изъ этихъ общихъ основаній, сознанныхъ и выраженныхъ ими съ величайшею ясностію и простотою, они расходятся или—точпѣе—идутъ къ намѣченной цѣли двумя различными путями,—одинаково новыми и еще до нихъ никѣмъ не проложенными или, иначе говоря, употребляютъ,—точнѣе—указываютъ такіа орудія и средства знанія, какихъ съ такою полнотою и съ такимъ отчетливымъ пониманіемъ и сознаніемъ не употреблялъ и не указывалъ никто до нихъ, хотя ими пользовались и пользуются бессознательно или съ смутнымъ и общимъ сознаніемъ не только различные мыслители, но и всѣ смертные, которымъ приходится что-нибудь познавать или доказывать выходящее за предѣлы обыденныхъ практическихъ истинъ. Эти пути или средства, являющіяся также и основами и составными частями всякаго дѣйствительнаго знанія, суть: а) опытъ, т. е. сознательное пытаніе природы или дѣйствительности, постановка ей вопросовъ и терпѣливое ожиданіе отвѣтовъ на нихъ—въ фактахъ естественно данныхъ или произведенныхъ искусственно *ad hoc*, съ опредѣленною цѣлію, и б) умозрѣніе, т. е. дѣятельность ума съ его законами и формами и съ тѣмъ постояннымъ запасомъ самоочевидныхъ и необходимыхъ истинъ-фактовъ внутренняго умственнаго опыта,

безъ которыхъ невозможна никакая умственная дѣятельность и самый даже опытъ въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какъ онъ представленъ въ предыдущемъ.

Бэконъ съ геніальною простотою и точною опредѣлилъ и выяснилъ значеніе перваго фактора знанія, съ величайшею ясностію отличивъ его отъ опыта общаго, вульгарнаго, бессознательнаго и неметодичнаго, который самъ по себѣ не можетъ быть дѣйствительнымъ орудіемъ знанія и приводитъ только къ самымъ первоначальнымъ и поверхностнымъ обобщеніямъ, всегда почти ошибочнымъ, при томъ въ очень узкой сферѣ и въ ширину и въ глубину. Онъ даетъ всегда небольшое количество фактовъ и явленій близкихъ. необходимо открывающихся почти каждому, и скользитъ только по ихъ поверхности, не проникая никогда во внутренній составъ ихъ и незамѣчая многочисленныхъ скрытыхъ дѣятелей и силъ природы. Онъ требуетъ, потому искусственнаго расширенія, накопленія, исканія случаевъ и ихъ разложенія. Все это и дается въ опытѣ—пытаніи природы, опытѣ какъ методѣ изслѣдованія, указанномъ Бэкономъ и объясненномъ въ своемъ строеніи, хотя не со всею еще полнотою и ясностію. Здѣсь Бэкономъ допущено много промаховъ, невѣрныхъ толкованій, исправленныхъ отчасти только въ очень недавнее время. Но въ общемъ его мысль остается неизмѣнною во всемъ величій непреложной истины, составляющей одно изъ величайшихъ и вліятельнѣйшихъ открытій и приобрѣтеній ума человѣческаго и научнаго творчества, хотя она стала теперь азбучною почти истинною, составляя душу—движущую силу всего новѣйшаго знанія, такъ отличнаго и по своему количеству и по качеству отъ знанія древнихъ и среднихъ вѣковъ.

Декартъ съ такою-же силою геніальной мысли опредѣляетъ и указываетъ другую основу, другую составную необходимую часть всякаго дѣйствительнаго знанія—фактъ очевидной переработки объектовъ знанія мышленіемъ по его законамъ, или умозрѣніе, отличая его отъ произвольныхъ и чисто творческихъ построеній мысли, основанныхъ на самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ предметами и свойствами, требованіями мысли,—отъ того, что Бэконъ называлъ антиципаціею природы

и самого опыта. Такія построенія, какъ и грубый вульгарный опытъ, присущія каждому человѣку, ведутъ къ призрачному знанію, совпадая съ дѣйствительностію случайно и большею частію извращая и искажая ее. Завися отъ случайныхъ обстоятельствъ и чисто субъективныхъ стремленій, количества знанія и т. п. разныхъ мыслителей, они могутъ быть строены въ неограниченномъ количествѣ и неизбежно ведутъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ и разницамъ. Для того, чтобы допустить это, нужно сдѣлать участіе мышленія въ построеніи и развитіи знанія методичнымъ и развивающимся изъ нѣкоторыхъ всеобщихъ самоочевидныхъ началъ или аксіомъ, получаемыхъ путемъ наблюденія самого процесса мышленія и его свойствъ. Декартъ блистательно разрѣшилъ эту задачу по отношенію къ мышленію, какъ Бэконъ сдѣлалъ это по отношенію къ опыту. Сущность всякаго знанія состоитъ въ его истинности, согласіи идей ума съ дѣйствительностію. Согласіе это во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ знанія устанавливается полною и неотразимою его очевидностію для ума. Какъ устанавливается эта очевидность, создающая принужденіе мыслить о вещи такъ, а не иначе—это другой вопросъ. Дѣло въ томъ, что она должна быть, иначе знаніе будетъ только призракомъ знанія,—незнаніемъ въ сущности. Т. о., основная аксіома со стороны мысли по отношенію къ знанію есть: — дѣйствительное знаніе есть только то знаніе, истинность котораго очевидна и неотразима. *Nac igitur defecta veritate simul etiam invenit scientiarum fundamentum; ac etiam omnium veritatum mensuram ac regulum; scilicet, quidquid tam clare et distincte percipitur quam istud verum est* («Princ.» pag. 4). Декартъ не совсѣмъ удачно выразилъ эту вполне вѣрную мысль, — основной законъ всякаго знанія въ формѣ постулата — признавать истиннымъ только то, что съ несомнѣностію и очевидностію познается какъ истинное. Неправильное толкованіе этого требованія аксіомы, особенно произвольное превращеніе его въ послѣдствіи въ требованіе ясности идей, какъ критеріумъ истины, — подало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и искаженію великаго открытія Декарта. Но оно тѣмъ не менѣе стоитъ непоколебимо, какъ основной всеобщій законъ человѣ-

ческаго знанія. Требованіе, выраженное въ немъ, не есть требованіе ясности идей, — тогда оно было бы бесплоднымъ, — оно есть требованіе доказательства полнаго и неотразимаго для всего признаваемаго за истину. Существованіе доказательствъ, ихъ собраніе, группировка самая тщательная всевозможными способами и пр. предполагается уже сама-собою. Гдѣ нѣтъ доказательствъ и очевидности, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ истинномъ или не-истинномъ, — тамъ остается простое состояніе мысли, простой фактъ сознанія — идея или сочетаніе какое-нибудь идей съ недостаточными доказательствами. Если понятая такимъ образомъ очевидность есть коренное и основное свойство и требованіе всякаго знанія, то способъ ея установленія, въ существенномъ, долженъ сводиться къ тѣмъ простѣйшимъ формамъ, какія употребляются въ математикѣ. Это положеніе опять, строго говоря, не допускаетъ сомнѣній и возраженія. Математическая очевидность несомнѣнно есть типъ и идеаль очевидности, дальше котораго идти нельзя, и математическое доказательство и доказываніе есть какъ бы обнаженная сущность этой операціи, обнаженный *percus probandi*. Несомнѣнно, потому, въ окончательной обработкѣ мышленія — всякая несомнѣнная и очевидная истина должна необходимо допускать доказательство похожее на математическое, съ нимъ аналогичное. Такъ нужно понимать слова Декарта, часто толкуемыя неправильно и превратно, чѣмъ искажается и превращается даже въ нелѣпую его простая и очевидно вѣрная мысль, — именно слова: «Длинный рядъ доказательствъ въ высшей степени простыхъ и понятныхъ, при помощи которыхъ геометры приходятъ къ доказательству самыхъ трудныхъ положеній, внушилъ мнѣ мысль, что все, что входитъ въ область человѣческаго познанія, должно слѣдовать другъ за другомъ въ видѣ подобнаго же ряда и что если только въ этомъ рядѣ мы не будемъ ничего ложнаго принимать за истинное и всегда будемъ соблюдать надлежащій порядокъ, то нѣтъ ничего столь отдаленнаго, до чего нельзя было бы наконецъ достигнуть, и столь таинственнаго, что не было бы открыто». Очевидно, здѣсь вовсе не выражается той мысли, что все знаніе должно быть построено по образцу математики и развиваться де-

дуктивно, независимо отъ опыта и изученія фактовъ, изъ одного начала или аксіомы. Это значитъ только, что всякое дѣйствительное знаніе должно допускать приведеніе фактовъ къ нѣкоторымъ самоочевиднымъ истинамъ или аксіомамъ и построеніе себя изъ нихъ путемъ дедукціи, какъ это дѣлается въ математикѣ. Отрицанія опыта—изслѣдованія предметовъ и явленій съ цѣлю установленія относительно ихъ очевидности — здѣсь нѣтъ и тѣни, тѣмъ болѣе, что Декартъ постоянно рекомендуетъ опытъ и наблюденіе, построеніе дорогихъ приборовъ для экспериментовъ и т. п. Если, т. о., всякое знаніе должно опираться на нѣкоторыхъ самоочевидныхъ истинахъ и аксіомахъ, то и все знаніе должно покоиться на такого-же рода очевидности—аксіомѣ или нѣсколькихъ аксіомахъ, которыя, потому, нужно прежде всего открыть и точно опредѣлить, развивши изъ нихъ ближайшія слѣдствія.—необходимъ и рядъ аксіомъ другого порядка, менѣе общихъ, лежащихъ, потому, въ основѣ отдѣльныхъ областей знанія. Для полученія такой основной аксіомы, дающей устойчивость и опору всему знанію, Декартъ употребляетъ, хорошо извѣстный всякому сколько-нибудь знакомому съ исторіею философіи и даже просто—исторіею просвѣщенія, приемъ сомнѣнія во всемъ, что признается извѣстнымъ и несомнѣннымъ, и этимъ путемъ убѣждается, что, сомнѣваясь во всемъ, человекъ не можетъ сомнѣваться въ бытіи самого сомнѣнія, т. е. сомнѣвающейся мысли: она несомнѣнно и очевидно существуетъ. Получается, т. о., дѣйствительно основная и всеобъемлющая очевидность-аксіома, на которой въ концѣ концовъ опирается всякая другая очевидность и достовѣрность и все знаніе какъ совокупность очевидностей, аксіома бытія мысли или—что тоже—мыслящаго агента, мыслящаго существа. Аксіома эта не совсѣмъ удачно выражена въ знаменитомъ—*cogito ergo sum*; но отъ этого она не перестаетъ быть вѣчною и не требующею доказательства истиною: дѣйствительно, никакими ухищреніями и изворотами нельзя опровергнуть того, что изъ всего, признаваемого сущимъ, только бытіе мысли обладаетъ абсолютною, непосредственною самоочевидностію,—все остальное становится очевиднымъ и достовѣрнымъ

только черезъ эту очевидность, потому что все остальное открывається только въ мысли и мыслию. Потому, выраженная въ *cogito ergo sum* основная аксіома знанія съ яснымъ сознаниемъ и выраженіемъ ея значенія есть несомнѣнно великое приобрѣтеніе ума, великое открытіе, доселѣ неоцѣненное еще во всемъ его объемѣ. (Это воистину архимедовское $\delta\omega\sigma\ \mu\iota\ \pi\omega\sigma\tau\omega$ знанія, его неподвижный пунктъ и опора на всегда и по самой его сущности. Его пытались замѣнить другими положеніями, болѣе широкими или болѣе тѣсными, взятыми изъ другихъ областей внутренняго и даже внѣшняго опыта (—*nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*; я=я); но безуспѣшность этихъ попытокъ теперь уже вполне очевидна, и сущность открытія Декарта остается и останется неизмѣнною). Но эта основная истина сама по себѣ утверждаетъ только бытіе мысли и косвенно бытіе мыслящаго начала или существа. Нужно отыскать еще другую основную аксіому или самоочевидную истину, которая могла-бы служить ручательствомъ и опорой для самой мысли — признавать иное — бытіе внѣшнее. Бытіе это открывається въ мысли, давая ей даже главное содержаніе, но является за то для познающаго его и существующимъ въ формѣ мысли, въ формѣ идей, впечатлѣній и пр.; потому вполне возможно сомнѣніе относительно реальности всего, предполагаемаго находящимся внѣ самой мысли. Получается безвыходный кругъ, полная невозможность прямого перехода отъ субъективнаго къ объективному бытію. Декартъ сдѣлалъ блистательную попытку разорвать этотъ кругъ единственнымъ и доселѣ возможнымъ способомъ и получить истину очевидную или аксіому, лежащую въ основѣ всякой объективной достовѣрности или достовѣрности объективнаго бытія, предполагаемой необходимо каждымъ актомъ знанія о немъ. Эта аксіома дава въ истинѣ бытія Существа Всесовершеннаго, или Бога, — иначе бытія внѣ конечной мысли, — мысли совершенной и мыслящаго совершеннѣйшаго Существа. Бытіе такого Существа одно только представляетъ и можетъ представлять для ума ручательство, что его идеи бытія внѣшняго и знанія о немъ не обманъ и не субъективный, иллюзорный вполне процессъ.

Способъ вывода этой аксіомы и ея выраженіе нельзя назвать

удачными. Но самая истина отъ этого не теряетъ своей силы и значенія, являясь на всегда для ума основою достовѣрности объективною. Для обыденнаго сознанія ручательство и основа этой достовѣрности, пожалуй, вовсе не нужны, и въ практическомъ отношеніи присутствіе или отсутствіе ихъ ничего не измѣняетъ въ знаніи и дѣйствіяхъ человѣка: но для ума мыслящаго и стремящагося все обосновать,—это необходимо. При этомъ для него, по самому складу всей его дѣятельности, очевидность такой достовѣрности возможна только при томъ условіи, когда конечное, ограниченное и несовершенное будетъ съ очевидностію вытекать изъ безконечнаго и всесовершеннаго и опираться на немъ. Можно выразить мысль Декарта иначе.—подставить вмѣсто существа несовершеннаго—міровой порядокъ или гармонію всего и предустановленную гармонію, какъ сдѣлалъ Лейбницъ; или—единство вселенной, какъ одного постепенно развивающагося процесса, часть котораго составляетъ и мысль, отражающая внѣшнее бытіе въ своихъ идеяхъ, какъ дѣлаютъ эволюціонисты,—сущность дѣла отъ этого не измѣнится: достовѣрность открывающагося въ мысли объективнаго бытія все-таки будетъ частнымъ случаемъ всеобщаго и безконечнаго совершеннаго, выводомъ изъ него. При этомъ, установленное въ главномъ, у Декарта, признаніе бытія всесовершенной, всеобъемлющей и абсолютной мысли, или ума, производящаго все остальное бытіе и устанавлиющаго отношеніе человѣческой мысли къ внѣшнему—всегда будетъ ближе и очевиднѣе для ума человѣческаго, чѣмъ всякое другое, при томъ болѣе сообразно съ основною аксіомою знанія, утверждающею достовѣрность и очевидность въ сферѣ конечнаго только бытія мысли конечной. Отсюда переходъ къ бытію мысли безконечной, всесовершенной и всеобъемлющей прямой и менѣе насильственный, чѣмъ къ бытію другого рода, имѣющему все-таки, по необходимости, атрибуты безконечнаго и высшаго. Во всякомъ случаѣ, Декартъ вѣрно указалъ тотъ пунктъ, гдѣ нужно искать опоры объективной достовѣрности и аксіомы, лежащей въ ея основѣ. Точное опредѣленіе этой аксіомы и установленіе всеобщаго согласія по отношенію къ ней есть только вопросъ времени и труда въ этомъ направленіи. Изъ двухъ

главныхъ аксіомъ основныхъ сама-собою вытекаетъ третья — бытіе внѣшняго-матеріальнаго міра, или тѣлесности въ томъ видѣ, какъ оно открывається въ умѣ. За этими аксіомами слѣдуетъ рядъ другихъ, выражающихъ свойства мыслящаго и тѣлеснаго. Изъ нихъ развиты и обоснованы только три: свойство духа — мышленіе и свойство тѣлесности — протяженіе и слѣдующая отсюда прямая противоположность того и другого. Эти аксіомы тоже выражены не вполне удачно и недостаточно развиты въ своемъ содержаніи, но въ основѣ своей остаются неизмѣнными доселѣ и останутся, надо полагать, навсегда. Ближайшимъ ихъ важнымъ слѣдствіемъ должно быть полное раздѣленіе науки о духѣ и науки о веществѣ, неосуществленное, къ сожалѣнію, и доселѣ или, точнѣе, осуществленное съ великимъ усиліемъ только относительно науки о веществѣ. Самыя крупныя ошибки Декарта во всемъ его планѣ развитія знанія, ошибки, какъ это часто бываетъ, особенно усвоенныя и развитыя ко вреду науки его преемниками, — ихъ именно, эти ошибки и признавшими за самое главное въ ученіи Декарта и за самое возвышенное, слѣдующія. Объясняя происхожденіе идеи Божества, онъ призналъ ее не прямымъ слѣдствіемъ непосредственнаго принужденія имѣть ее, а вложенною въ душу самимъ Богомъ, — какъ бы въ готовомъ видѣ, и расположенъ былъ смотрѣть и на другія аксіомы, какъ на *«semina veritatis, animis nostris a natura inditis»*, какъ на понятія, которыя Самъ Богъ *«animis nostris impressit»* (*«De methodo»*, pag. 54 et. 36). Доказывая этотъ свой взглядъ, онъ призналъ въ духѣ существованіе какъ бы особой способности, части души, содержащей ихъ, и поставилъ ее въ параллель съ внѣшними чувствами. Отсюда возникла несчастная доктрина врожденныхъ идей и затѣмъ ученіе о спеціальномъ метафизическомъ методѣ, опирающемся на готовыхъ врожденныхъ знанійхъ. Считаая дедукцію лучшимъ средствомъ окончательнаго установленія очевидности истины, и — вполне справедливо, онъ, въ тоже время, пытался факты опыта вывести прямо изъ общихъ положеній или началъ, сознаваясь, впрочемъ, что это возможно только относительно самыхъ крупныхъ явленій *«Capimus»* — говоритъ онъ — *«rationes effectuum a causis, non*

autem e contrario causarum ex effectibus deducere» («De meth.» р. 54—55). Отсюда выродилось потомъ ученіе, что философія можетъ развиваться вполнѣ независимо отъ опыта и изслѣдованія фактовъ, чего Декартъ никогда не выражалъ. Развивая и совершенствуя эти ошибки, послѣдующіе философы совершенно опустили изъ виду существенное и цѣнное въ методѣ или планѣ системы Декарта.

Въ свою очередь Бэконъ, развивая свое ученіе объ опытѣ, какъ основѣ и источникѣ знанія, слишкомъ мало обращалъ вниманія на дѣятельность мысли въ знаніи и на значеніе дедуктивныхъ операцій въ толкованіи природы и расширеніи знанія. Хотя на словахъ признавалъ значеніе всего этого и былъ намѣренъ посвятить этой сторонѣ знанія особый отдѣлъ въ своемъ «*Instauratio magna*». Его преемники уже вовсе отбросили дедукцію и исказили, т. о., мысль и дѣло Бэкона въ цѣломъ. Какъ послѣдователи Декарта все хотѣли произвести безъ наблюденія и опыта—изъ Богомъ данныхъ готовыхъ знаній,—такъ послѣдователи Бэкона все знаніе производили изъ одного опыта и притомъ опыта чувственнаго. игнорируя внутренній опытъ. Это искаженіе могло-бы быть устранено только въ томъ случаѣ, если-бы явился мыслитель, который-бы захотѣлъ и имѣлъ силу объединить и свести въ одно цѣлое то, что было сдѣлано цѣннаго какъ Бэкономъ, такъ и Декартомъ, и создать цѣлостный взглядъ на образованіе человѣческаго знанія,—объединить въ одно цѣлое указанная ими основы, элементы и способы развитія знанія. Но этого не случилось, и философія пошла по двумъ различнымъ направленіямъ, постепенно разошедшимся до противоположности и взаимнаго исключенія другъ-друга. Началась борьба, продолжающаяся и до настоящаго времени, и возвратъ, съ одной стороны, къ схоластикѣ и древнему произвольному, творческому идеализму, съ другой—къ софистикѣ и полному почти отрицанію философіи, какъ особой отрасли знанія. Дѣятелями въ первомъ направленіи были главнымъ образомъ нѣмцы, во второмъ англичане, шотландцы и французы. Происшедшій отсюда хаосъ въ области философскихъ понятій осложнился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ философіи, какъ ее понимали Бэконъ и Декартъ, по-

степенно выпала и стала вполне самостоятельной цѣлая громадная область наукъ о явленіяхъ природы и духа, и возникъ терминъ *наука*, вмѣсто унаслѣдованнаго отъ древнихъ и среднихъ вѣковъ термина *философія*. Какъ бы то ни было, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія или хода философіи-метафизики служить произведенная ими реформа и ихъ понятіе о философіи и ея составѣ.

Главная заслуга Бэкона и Декарта, дѣлающая ихъ основателями новой философіи, — есть указаніе и объясненіе ими двухъ основъ, сторонъ или моментовъ человѣческаго знанія и двухъ главныхъ методовъ, при помощи которыхъ оно строится и можетъ быть построено въ самой совершенной, какая доступна человѣку, формѣ. Основы эти — сознательный цѣлесообразный опытъ, опирающійся на прямое воспріятіе, — и умозрѣніе, сознательно опирающееся на свойство мышленія, и возникающія изъ ихъ сочетанія всеобщія самоочевидныя положенія; методы — индукція, или опредѣленіе причинъ по явленіямъ и дѣйствіямъ, и дедукція — выводъ явленій изъ причинъ. При этомъ оба мыслителя, рассматривая съ подробностію одну только изъ этихъ сторонъ и одинъ только методъ, впади въ односторонности и крайности, ставшія какъ бы темами для послѣдующаго развитія философіи въ двухъ, разошедшихся до противоположности другъ-другу направленіяхъ. Опредѣливши точки опоры и устои знанія человѣческаго, новая философія не могла связать ихъ и объединить въ одно цѣлое — въ своемъ началѣ и зарожденіи и стать, т. о., однородною и устойчивою. Она превратилась, потому, въ два ряда одностороннихъ попытокъ — построить прежнее зданіе знанія на одной изъ двухъ основъ — однимъ изъ двухъ способовъ — и получила, естественно, непрочныя, колеблющіяся и неустойчивыя системы. Но эти попытки не пропали безслѣдно. Благодаря имъ, стала ясною полная необходимость объединенія обѣихъ основъ и гармоническаго сліянія обоихъ методовъ для достиженія дѣйствительнаго знанія во всѣхъ областяхъ и, въ частности, для построения знанія философскаго, — философіи науки, или научной философіи, какъ теперь часто выражаются. Такое построение есть уже достаточно сознанная, хотя не вполне еще выяснен-

ная задача нашего времени, еще полного отголосковъ средневѣковой борьбы двухъ различныхъ направленій. Рѣшеніе этой задачи облегчается полнымъ выдѣленіемъ эмпирическаго знанія, эмпирической науки, объясняющей по частямъ различныя группы и отдѣлы явленій, доступной знанію, вселенной, въ особую область, и возникшею отсюда потребностію свести эти знанія въ одно цѣлое высшаго порядка, способное дать, при новой обработкѣ, и высшую степень знанія, не даваемого эмпирическою наукою. Для этого знанія вся наука эмпирическая можетъ служить какъ бы одною изъ посылокъ въ объясненіи и толкованіи міра, какъ одного цѣлаго, какъ одного сложнѣйшаго факта, изъ его первыхъ началъ и основъ, что собственно и составляетъ послѣднюю цѣль философіи, которая тѣмъ самымъ превращается въ единую и нераздѣльную область безъ различенія первой и второй, — въ истинную, въ этомъ смыслѣ, философію, въ первое и основное знаніе среди другихъ—въ *primum inter pares*.

Такого раздѣленія—эмпирическаго объяснительнаго знанія и въ собственномъ смыслѣ—философскаго Бэконъ и Декартъ не знали, а потому въ своемъ взглядѣ на философію стояли на схоластической точкѣ зрѣнія или Аристотеле-схоластической. Для нихъ философія была—*genum divinarum et humanarum scientia*,—все вообще человѣческое знаніе, объясняющее какъ отдѣльныя явленія и ихъ область, такъ и всю вселенную. Отождествляя философію со всею совокупностію объяснительнаго знанія и философское знаніе противопоставляя сырому матеріалу знанія,—описанію и собиранію фактовъ,—и знанію, получаемому изъ Откровенія, Бэконъ и Декартъ одинаково почти въ общихъ чертахъ представляли Философію, ея систему, какъ систему всѣхъ наукъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Такъ, по Бэкону, вся область философскаго знанія состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: а) философіи первой, или основной, которая состоитъ изъ опредѣленія основныхъ и всеобщихъ аксіомъ, вѣрныхъ относительно всего познаваемого, имѣющихъ одинаково значеніе въ теологіи, физикѣ и этикѣ. Характеризуя эту науку, какъ «общую мать всѣхъ прочихъ наукъ», указывая нѣкоторыя изъ ея аксіомъ примѣрно, онъ считаетъ ее совер-

шенно новою, еще не существующею и самъ не выясняетъ даже общаго плана ея построения. Нѣсколько разъ онъ называетъ ее и Метафизикою. б) Изъ естественной теологiи, содержащей учение о Богѣ на основанiи опыта и требованiй разума. в) Третья часть философiя природы, которая состоитъ изъ: а) теоретической философiи природы, распадающейся на два отдѣла—метафизику, въ которой изслѣдуются цѣли и конечныя причины явленiй мiра, и физику—изслѣдованiе дѣйствующихъ причинъ; г) практической философiи природы, состоящей изъ механики и натуральной магiи; с) математики, антропологии, съ подраздѣленiемъ ея на физиологiю и психологiю; изъ логики, этики и политики. Наука о конечныхъ причинахъ или—что то же—божественномъ планѣ въ природѣ стоитъ близко съ естествоною философiею. а какъ основная для философiи природы—сливается удобно съ философiею основною или первою. Т. о., вся область философскаго знанiя представляетъ, по Бэкону, въ сущности, два отдѣла—первую философiю или метафизику,—и философiю природы, обнимающую и всѣ антропологическiя, гуманныя науки. Система Декарта имѣетъ въ общемъ тотъ же самый видъ. Первая часть философiи или «истинной философiи»—*vera philosophia*, какъ выражается онъ, есть метафизика, «содержащая въ себѣ начала познанiя въ связи съ ученiемъ о главныхъ атрибутахъ Бога. о безсмертiи души и о ясныхъ, простѣйшихъ понятiяхъ намъ врожденныхъ, *quae in nobis reperuntur*». Вторая часть есть физика. «въ которой, послѣ отысканiя началъ матеріальнаго, вообще изслѣдуется, какъ составлена вся вселенная, *quomodo totum universum sit compositum*—и которая распадается на три главные отдѣла: медицину (т. е. науку о тѣлѣ живомъ), механику и этику. Кроме того, Декартъ и Бэконъ были проникнуты полною вѣрою въ силы ума человѣческаго, въ его способность приобрѣсти дѣйствительное знанiе о Богѣ, мiрѣ и человѣкѣ. Потому они увѣрены въ полной истинности—одинъ обобщенiй изъ опыта, другой—аксиомъ, добытыхъ умозрѣнiемъ на основанiи опыта внутренняго; для нихъ они несомнѣнны были какъ для религiознаго человѣка—вѣрующаго догматы вѣры. Потому основанная ими новая философiя носитъ названiе дог-

матической. Правда, она начинается съ сомнѣнія въ истинности существующаго знанія у Декарта—въ истинности воспріятій. Но сомнѣнія въ способности человѣческаго разума познать самыя сокровенныя тайны бытія у нихъ нѣтъ, а потому нѣтъ и оцѣнки, критики его силы, анализа его состава, указанія предѣловъ и т. п. Преемники и послѣдователи Бэкона скоро освободились отъ этой слѣпой вѣры и поставили вопросъ объ общей компетентности ума, объ источникахъ и предѣлахъ его силы, а потому и самъ Бэконъ многими ставился внѣ догматизма, какъ основатель не только, такъ называемаго, эмпирическаго, но и критическаго направленія философіи,—совершенно, впрочемъ, невѣрно. Напротивъ, догматизмъ господствуетъ у преемниковъ Декарта и, послѣ нѣкотораго перерыва философіею Канта, уже въ концѣ XVIII вѣка,—съ новою силою возникаетъ въ нѣмецкомъ идеализмѣ. Прослѣдимъ сначала развитіе общее философіи въ этомъ направленіи—на континентѣ Европы.

В. Снегиревъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

ПРИ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

ТОМЪ III.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1890.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, содержащихся въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“ при богословско - философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1890 годъ.

А. Епархіальныя извѣщенія.

О назначеніяхъ, опредѣленіяхъ на должности, увольненіяхъ отъ должности, награжденіяхъ, о вакантныхъ мѣстахъ и пр. (стр. 12, 38, 57, 92, 117, 149, 179, 210, 237, 272, 295, 322, 358, 403, 434, 466, 489, 513, 553, 568, 604, 646, 662 и 684).

Б. С м ѣ с ь.

— Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества (стр. 1, 115, 146, 293, и 661).

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1888—89 учебный годъ (*продолженіе*) (стр. 3—12 и 29—35).

— Отъ Харьковской духовной Консисторіи (стр. 29 и 236).

— Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ однокласной церковно - приходской школѣ за 1888—89 учебный годъ (стр. 35).

— Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X епархіальнымъ съѣздомъ, за 2-ю половину 1889 года (стр. 38).

-- Воззваніе (стр. 83).

— Журналы XIII епархіального съѣзда духовенства 1890 года февраля 5—7 дня (стр. 85).

— Отчетъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1889 годъ (четырнадцатый его существованія) (стр. 137).

— Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1888—89 учебный годъ (стр. 140—146, 169—179 и 204—208).

— Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища (стр. 149, 317, 351, 511 и 645).

— Высочайшія грамоты (стр. 167).

— Списокъ духовнымъ лицамъ Харьковской епархіи, кои Всемилостивѣйше удостоены, въ 1-й день апрѣля 1890 года, наградъ Высочайше жалуетыхъ (стр. 168).

— Списокъ лицамъ духовнаго званія, кои, за службу по духовному вѣдомству, награждены Святѣйшимъ Синодомъ ко дню Святой Пасхи 1890 года (тамъ же).

— Высочайшая награда (стр. 203).

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому (тамъ же).

— Программа занятій съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 6 іюня 1890 года (стр. 209).

— Отъ Харьковскаго Епархіального Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія (стр. 209, 237, 466, 513, 568, 604, 646 и 684).

— Отъ Комитета по сооружеію «Царскаго колокола» (стр. 210).

— Краткій отчетъ комитета по сбору пожертвованій въ пользу бѣдныхъ церквей и приходовъ Харьковской епархіи въ теченіи пятилѣтія его существованія (стр. 231).

— Отъ Хорошевскаго Вознесенскаго пріюта дѣтей (стр. 237).

— Списокъ воспитаницъ приготовительнаго, 1, 2, 3, 4, 5 и 6 классовъ Харьковскаго Епархіального женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1889—90 учебный годъ (стр. 263).

— Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіального женскаго училища за 1889—90 учебный годъ (стр. 268).

— Списокъ лицамъ духовнаго и свѣтскаго званія Харьковской епархіи, коимъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленныхъ грамотъ и безъ оныхъ (стр. 271, 489 и 684).

— Отчетъ Правленія Харьковскаго Епархіального свѣчнаго завода за 1889 годъ (приложеніе къ 11-му № журнала).

— Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи (стр. 319, 567 и 681).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1889—90 учебный годъ (стр. 319).

— Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища (стр. 351).

— Разрядный списокъ Харьковскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ по окончаніи годичныхъ испытаній за 1889—90 учебный годъ (стр. 351 и 466).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Кулянскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища, послѣ годичныхъ экзаменовъ за 1889—90 учебный годъ (стр. 355).

— Высочайшія награды (стр. 395, 425 и 511).

— Учрежденіе въ Харьковской епархіи наблюдательной комиссіи за разборомъ по церквамъ епархіи восковыхъ свѣчъ съ епархіального свѣчнаго завода (стр. 395).

— Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора «въ пользу нуждающихся славянъ», полученнаго Славянскимъ Обществомъ въ теченіе 1889 года (стр. 397).

— Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіального свѣчнаго завода по 1-е число іюля мѣсяца 1890 года (стр. 399).

— Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища (стр. 400).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ послѣ годичныхъ испытаній за 1889—90 учебный годъ (тамъ-же).

— Отъ завѣдующаго складомъ книгъ при Старобѣльскомъ Покровскомъ соборѣ (стр. 403).

— Отъ настоятеля семинарской церкви и церковнаго старосты (стр. 425).

Журналы съѣзда духовенства Кулянскаго училищнаго округа, бывшаго 6—7 іюля 1890 года (стр. 426).

— Высочайшій указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду—о новой инструкціи для церковныхъ старостъ (стр. 457).

— Инструкція церковнымъ старостамъ (стр. 458).

— Постановленіе Харьковскаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія (стр. 549).

— Постановленіе съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 1890 года (стр. 550).

— Отъ Благочиннаго 4 округа Старобѣльскаго уѣзда (стр. 554).
Списокъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и утвержденію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго (стр. 601).

— Списокъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и утвержденію Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Владиміра, Епископа Сумскаго, Викарія Харьковской епархіи (стр. 602).

— Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія протоіереями и священниками г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Кафедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1891 года (стр. 637).

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1889—90 учебный годъ (стр. 640—645, 657—661 и 677—681).

— Отъ Правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода (стр. 681).

В. Извѣстія и замѣтки.

(Изъ мѣстной хроникѣ и извлеченіи изъ другихъ періодическихъ органовъ печати).

Извѣстія изъ Чехіи и Галиціи.—Борьба съ католической пропагандой въ Сербіи.—Постройки церквей при фабрикахъ и заводахъ.—Коммиссія для изученія раскола.—Статистика бѣлаго духовенства въ Россіи.—Проектъ миссіонерскихъ школъ.—Распоряженіе епархіальнаго преосвященнаго по поводу неодобрительныхъ отпѣтокъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ.—Разрѣшеніе отправки съ товарными поѣздами врачей и священниковъ.—Устройство погребальной кассы для духовенства.—Новый духовный журналъ.—Переводъ вѣчныхъ вкладовъ изъ частныхъ банковъ въ Государственный.—Общество распространенія Св. Писанія въ Россіи.—Дѣятельность британскаго библейскаго общества въ Россіи.—По поводу дозволенія вступать въ бракъ молодымъ людямъ, имѣющимъ отбывать воинскую повинность.—Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства.—Совершеніе требъ раскольниками.—Средство противъ золотухи.—Тиражъ выигрышей 1-го внутренняго съ выигрышами займа (стр. 13—27).—Церковныя дѣла въ Болгаріи.—Освященіе церковно-приходской школы въ слободѣ Комаровкѣ (корреспонденціи «Листка»).—Въ чемъ должна заключаться въ настоящее время дѣятельность пастырей?—Характер-

ныя заявленія и мнѣнія сектантовъ и раскольниковъ. Потребность въ специальныхъ картахъ съ обозначеніемъ центровъ раскола.— Иновѣрцы въ Полоцкѣ.—Успѣшные труды миссіонера.—Къ вопросу объ обезпеченіи блага духовенства опредѣленнымъ содержаніемъ.—Обезпеченіе заштатнаго духовенства, вдовъ и сиротъ его.— О необходимости соединенія календарей въ Прибалтійскомъ краѣ.— Выборы почетныхъ членовъ въ академію наукъ.—Принятіе одной церковно-приходской школы въ число дѣйствительныхъ членовъ Миссіонерскаго Комитета.—Дѣятельность церковно-археологическихъ комиссій.—Рѣшительная мѣра для увеличенія школъ грамоты.—Повторительныя и дополнительныя занятія въ народныхъ школахъ и школьныя библіотеки (стр. 40—56).—Извѣстія изъ Сербіи и Черногоріи.—О дѣятельности миссіонерскихъ комитетовъ.—Собранія военнаго духовенства.—Сѣзды духовенства въ разныхъ епархіяхъ и ихъ рѣшенія текущихъ дѣлъ.—Посланія пресвященныхъ черниговскаго и подольскаго къ пастырямъ и паствамъ.—Привлеченіе къ опроверженію штундизма учителей церковно-приходскихъ школъ и псаломщиковъ.—Новый докторъ богословія.—Вопросъ объ отвѣтственности за публичное оказательство раскола.—Имущества духовнаго вѣдомства, освобождаемыя отъ платежа земскихъ сборовъ.—Новая секта среди штундистовъ.—Вопросъ объ устройствѣ епархіальныхъ взаимно-страховыхъ обществъ.—О состояніи сельскаго хозяйства въ средѣ духовенства.—Проектъ новыхъ правилъ о порядкѣ управленія хозяйственною частію въ церквяхъ Имперіи.—Синоды лютеранской церкви.—Отношеніе крестьянъ къ учителямъ.—Освященіе Петропавловскаго собора въ Севастополѣ (стр. 59—82).—Козни іезуитовъ въ Галиціи.—Извѣстія изъ Болгаріи.—Братство св. Саввы въ Бѣлградѣ.—Общее собраніе Харьковскаго отдѣленія Православнаго миссіонерскаго общества.—Мѣры къ распространенію христіанства между инородцами.—Устройство библіотекъ для борьбы съ расколомъ.—Положеніе православныхъ въ западномъ и югозападномъ краѣ.—Постройка войсковыхъ церквей въ Варшавскомъ округѣ.—Выдача отпусковъ священнослужителямъ.—Потребность въ обученіи молитвамъ и правильному церковному чтенію.—Заботы объ удаленіи инославныхъ свящ. изображеній изъ домовъ и церквей православныхъ.—Что можетъ быть сдѣлано духовенствомъ къ искорененію пьянства въ народѣ? Попытка учрежденія общества трезвости.—Къ вопросу о церковныхъ сторожахъ.—Участіе земства въ завѣдываніи церковно-приходскими школами.—Раздача духов-

но-правственныхъ брошюръ (стр. 93—113). Извѣстія изъ Сербіи, Галиціи и Болгаріи.—Русская церковь въ Вѣнѣ.—Миссія въ Абиссиніи.—Измѣненіе въ преподаваніи Закона Божія.—Запрещеніе избрать попечителями церковныхъ школъ содержателей питейныхъ заведеній.—Черногорское подворье въ Москвѣ.—Постриженіе въ монашество врача.—Отчеты общества вспоможенія духовнымъ воспитанникамъ и кассъ духовенства.—Помощь православному населенію устройствомъ складовъ религіозныхъ брошюръ и иконъ.—Дополненіе къ уставу одного братства.—Замѣчательная жертва.—Обращеніе свѣтскаго начальства къ содѣйствию духовенства.—Сооруженіе и освященіе креста въ Казанскомъ соборѣ.—Устройство церковнаго древнехранилища въ Подольской епархіи.—Благотворительность частная и общественная.—Проектъ ремесленной школы для дочерей духовенства.—Къ вопросу о праздничномъ отдыхѣ.—Тиражъ 2-го внутренняго займа, произведенный 1 марта 1890 года (стр. 118—135).—Памятная доска въ русской церкви въ Берлинѣ.—Притѣсненія христіанъ въ Турціи.—Заботы владыкавказскаго духовенства.—Мѣры противъ сектантства.—Лицемѣріе сектантовъ.—Встрѣча и проводы преосвященнаго единовѣрцами.—Удивительные защитники раскола.—Заботы о лучшемъ устройствѣ церковно-свѣчнаго дѣла.—Дѣятельность С.-Петербургскаго общества распространенія религіознаго просвѣщенія.—Сужденія двухъ сѣздовъ духовенства.—Заботы московскаго духовенства о сообщеніи промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній его дѣтямъ.—Къ вопросу объ устройствѣ народныхъ приходскихъ бібліотекъ и читалень.—Мѣры къ искорененію пьянства въ народѣ.—Трудность борьбы священника съ развитіемъ пьянства среди крестьянъ.—Священникъ въ борьбѣ съ колдуномъ (стр. 151—166).—Положеніе дѣлъ въ Галиціи.—Извѣстія изъ Болгаріи.—Русскій языкъ и литература въ Сербіи.—Дѣятельность православнои миссіи въ Японіи.—Вѣсти изъ Іерусалима.—Лѣтніе миссіонерскіе праздники протестантовъ въ Россіи. Распоряженіе Черниговскаго преосвященнаго объ условіяхъ принятія въ священнослужительскія должности свѣтскихъ лицъ.—О религіозныхъ эксплуататорахъ русскаго народа.—Новое благотворительное общество.—Два назидательныхъ примѣра.—Изъ области крестьянскаго суевѣрія.—Митрополитъ Филаретъ о табакокурениі.—Замѣчательное врачебное средство (стр. 179—201).—Учрежденіе складовъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.—Непригодность благотворительскихъ бібліотекъ.—О ежемѣсячной выборкѣ священниками свѣ-

дѣній изъ метрикъ о числѣ умершихъ отъ заразныхъ болѣзней.— О проповѣднической дѣятельности духовенства.—Какъ православные иногда легко дѣлаются католиками.—Борьба со штундою.— Распоряженіе о подачѣ жалобъ и рапортовъ членовъ причта благочиннымъ.—Библіотека св. Владиміра.—Два замѣчательныхъ распоряженія Херсонскаго преосвященнаго.— О церковно-приходскихъ школахъ.—Къ вопросу объ эмеритальныхъ кассахъ духовенства.— Устройство скита на Югорскомъ Шарѣ.—Образованіе Холмской губерніи и епархіи.—Проектъ училища для приготовления странствующихъ учителей сельскаго хозяйства.—Взглядъ свѣтскаго челоуѣка на современное монашество.—О потребностяхъ среднихъ школъ.—Случай благодатнаго исцѣленія по молитвѣ о. Іоанна Сергіева.—Какъ отличать дѣйствительную смерть отъ мнимой въ сомнительныхъ случаяхъ (стр. 211—230).—Православный народно-церковный соборъ въ Венгріи.—Обновленіе Сербіи.—Насилія австрійцевъ въ Босніи.—Католическая пропоганда въ Болгаріи.—Интриги католиковъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Гоненіе на восьмиконечный крестъ въ Галиціи.—Доставленіе священниками свѣдѣній о смертности отъ заразныхъ болѣзней.—Опытъ установленія новыхъ отношеній между членами причта.—Какія бывають жалобы на сельскихъ священниковъ.—Рѣшенія тамбовскаго епархіальнаго съѣзда по разнымъ епархіальнымъ дѣламъ. Объ уклоненіи на судѣ отъ присяги «по убѣжденію».—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о переселеніи крестьянъ на новыя земли.— Письма переселенцевъ.—Полезная книжка (стр. 239—261).—Польско-католическія интриги въ Сѣверо-западномъ краѣ по вопросамъ о школьномъ совмѣстномъ воспитаніи православныхъ съ католиками.—Вопросъ о возобновленіи сношеній съ старо-католиками.—Объ устройствѣ епархіальныхъ страховыхъ обществъ.—Постановленія послѣднихъ съѣздовъ духовенства по училищнымъ дѣламъ.—Объ эмеритурахъ.—Обезпеченіе существованія церковно-приходскихъ школъ.—Любвеобильная рѣчь архипастыря.—Погребеніе умершихъ безъ священника.—Новое братство.—Устройство храма и школы на мѣстѣ Полтавской битвы.—Правила о приходскихъ совѣтахъ.—Собраніе свѣдѣній о древнихъ храмахъ и порядокъ ихъ реставраціи.—Пріютъ для призрѣнія и воспитанія православныхъ сиротъ въ Польшѣ.—Правила контроля частныхъ благотворительныхъ учреждений.—Регулированіе приходовъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ.—Предстоящій юбилей присоединенія Подоліи къ Россіи.—Учрежденіе лечебной станціи въ Балаклавѣ для

воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній.—Мѣры къ улучшенію церковно-приходскихъ школъ въ Волынской епархіи.—Мѣры къ охраненію древнихъ памятниковъ.—Новый порядокъ надзора за исправительными колоніями и пріютами.—Общепользныя свѣдѣнія (стр. 273—291.—Икона—подарокъ покойнаго Императора Александра Ясскому собору въ Рымыніи.—Вопросъ о востановленіи кирилицы среди всѣхъ славянскихъ народовъ.—Черногорія и Ватиканъ.—Австрійское гоненіе на славянство и православіе въ Босніи.—Славяно-православный праздникъ въ Вѣнѣ.—Извѣстія изъ Сербіи и Болгаріи.—Отливка «Царскаго Колокола».—Собраніе Православнаго Палистинскаго Общества.—Миссіонерское дѣло.—Новыя заботы объ удовлетворительномъ чтеніи и пѣніи въ церквахъ.—Указанія архипатрѣя.—О сѣздахъ духовенства.—Общепользное свѣдѣніе. (стр. 297—315.—Приложеніе отчетъ правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода за 1889 годъ.—Состояніе Православной церкви въ Сиріи Греціи.—Русское православное братство въ Берлинѣ.—Православныя Литургіи на нѣмецкомъ языкѣ.—Секта пашковцевъ.—Осужденіе пастора Гримма.—Старокатолическое движеніе.—Польскія церковныя интриги.—Англійскіе миссіонеры въ Западномъ краѣ.—Православіе среди бѣлоруссовъ.—Способъ содержанія духовенства.—Проектъ содержанія его.—Мѣры къ улучшенію быта духовенства.—Бригъ пророка Іліи.—Вагонъ съ походною церковію.—Назначеніе къ миссіонерской дѣятельности.—Харьковское коммерческое училище.—Воспитанницы С.-петербургскаго образцоваго училища для учительницъ церковно приходскихъ школъ.—Педагогическіе курсы при Одесской духовной семинаріи.—Саратовская противо-раскольническая школа.—Обученіе ручному труду.—Сергій Александровичъ Рачинскій.—Юбилей о. протоіерея Василія Никольскаго.—Объявленія. (стр. 324—349).—Движеніе среди славянъ изъ-за славянскаго богослуженія.—Православная церковь въ Прагѣ.—Православные сербы въ Австріи.—Православіе въ Болгаріи.—Законъ о церковномъ управленіи въ Королевствѣ Сербіи.—Дѣятельность католическаго духовенства въ Привислянскихъ губерніяхъ.—Русскій языкъ и русская образованность на Западѣ.—Мѣры противъ тайныхъ школъ.—Преобразование церковныхъ и общественныхъ повинностей въ Прибалтійскомъ краѣ.—Миссія въ Японіи.—Двадцатипятилѣтіе Братства свв. Кирила и Меѳодія.—Проектъ положенія о матеріальномъ обезпеченіи бѣлаго духовенства въ Имперіи.—Увеличеніе размѣра пособій церковно-приходскимъ школамъ.—О приѣмѣ семинаристовъ

въ Томскій университетъ.—Въ защиту семинаристовъ.—Вопросъ о взаимопомощи среди духовенства.—Движеніе въ пользу трезвости.—Вопросъ о призрѣніи нищихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ. Памятникъ Говарду въ Херсонѣ.—Общество для помощи бѣднымъ.—Народныя читальни и бібліотеки.—Религіозно-нравственныя чтенія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Участвіе монастырей въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.—Уныніе среди московскихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ.—Раздоръ среди Саратовскихъ старообрядцевъ.—Программа рускаго языка въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ.—Тиражъ 1-го внутренняго съ вииграшами займа. (стр. 360—394). Назначеніе епископовъ въ Македонію.—Бракоразводное дѣло королевы Наталіи.—Заграничныя общества для пособія русскимъ.—Протестантскіе миссіонеры.—Императоръ Германскій въ званіи пастора.—Успѣхи православія и рускаго дѣла въ Холмщинѣ и Подлясьѣ.—Празднество въ честь Гуса въ Костанцѣ.—Разработка въ Св. Синодѣ труда о современномъ состояніи правосл. церкви въ имперіи.—Всероссійское Православное Братство.—Упраздненіе должности главнаго священника кавказской арміи.—Первый крестный ходъ въ Харьковѣ къ часовнѣ Царя-Освободителя. Фондъ для пособія ученикамъ коммерческаго училища отъ имени Высокопреосвященнаго Амвросія.—Пребываніе о. Іоанна Сергіева въ Харьковѣ.—Віографическія свѣдѣнія о немъ.—Некрологъ (стр. 404—424).—Духовная академія патріарха Германа IV.—Посѣщеніе рускаго скита на Аѳонѣ патріархомъ Іоакимомъ III.—Волненія армянъ противъ своего патріарха.—Персидскіе «нѣмцы», и дѣятельность среди нихъ западныхъ пропагандъ.—Назначеніе болгарскихъ епископовъ въ Македонію.—Дѣятельность болгарскаго Экзарха по этому поводу.—Протестантская пропаганда въ Болгаріи.—Гоненія на галицко-русскихъ священниковъ.—Русскіе менониты.—Положеніе православной церкви въ Финляндіи.—Дѣло пастора Тилинга.—Чествованіе 30-лѣтія пастырской дѣятельности въ слободѣ Котельвѣ (стр. 434—455).—Пожертвованіе на церковно-приходскія школы.—Штундизмъ въ Волчанскомъ уѣздѣ и мѣры противъ него.—О задачахъ духовенства въ настоящее время.—Что теперь всего нужнѣе для народа.—Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ.—Весѣда по пчеловодству.—О профессиональномъ образованіи.—Мѣры земства къ развитію производительности крестьянъ.—Новый проектъ продовольственнаго дѣла крестьянъ.—Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 гг.

(стр. 468—488). — Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Почаевской лавры. — Икона въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 года. — Самарскій-Пустынно-Николаевскій монастырь. — Троицкій соборъ въ Александро-Невской лаврѣ. — Столѣтіе портоваго города Николаева. — Ревнитель просвѣщенія народа. — Миссіонерскія школы. — Школы при фабрикахъ. — По поводу школьнаго дѣла въ Эстляндіи. — Православное Братство и школа въ Берлинѣ. — Истязаніе за желаніе принять православіе. — Профессоръ И. В. Платоновъ (некрологъ). — 49-й тиражъ выигрышей 2-го внутренняго займа 1866 года (491—510). — Освященіе вновь устроеннаго при Кукуянскомъ духовномъ училищѣ трехъ-этажнаго каменнаго зданія и открытіе общежитія для учениковъ. — Освященіе новаго зданія и торжественный актъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. — Перенесеніе «Царскаго колокола». — Закладка зданія Александровскаго пріюта нищенствующихъ дѣтей. — По поводу ходатайства штундистовъ о свободѣ исповѣданія своей секты. — Мѣры Святѣйшаго Синода противъ баптистской пропоганды. — Первый православный монастырь въ Эстляндіи. — О порядкѣ охраны имущества умершихъ священно-церковно-служителей. — По вопросу объ измѣненіи порядка существующихъ нынѣ сборовъ на постройку и ремонтъ церквей чрезъ прохачей. — По поводу переселенія крестьянъ. — Объявленіе отъ министерства финансовъ о проколотой монетѣ. — Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго Банка за 1889 годъ. — Некрологъ (стр. 515—547). — День 26-го сентября въ духовной семинаріи. — 91 годовщина рожденія митрополита Исидора. — Царская семья въ гостяхъ у Волынскаго крестьянина. — Учебно-ремесленная школа для дѣтей духовенства Нижегородской епархіи. — Ремесленная школа при Екатеринбургскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. — Предложеніе Св. Синода объ открытіи при церковно-приходскихъ школахъ ремесленныхъ классовъ. — Русская школа въ Египтѣ. — Земства, какъ ревнители народнаго образованія. — Мѣры къ поднятію уровня знаній по Закону Божию при гимназіяхъ. — Народныя чтенія въ г. Харьковѣ. — Собраніе и постановленія членовъ Общества трезвости въ С.-Петербургѣ. — Рѣчь, сказанная священникомъ Старо-Водолажской Покровской церкви, Григоріемъ Дьяковымъ, при погребеніи протоіерея Дмитрія Сильванскаго (стр. 454—465). — Торжество поднятія «Царскаго колокола». — 17-е октября въ Спасовомъ Святогорскомъ скитѣ и въ г. Харьковѣ. — Новое законоположеніе о военномъ духовенствѣ. — Дѣятельность Общества распространенія Священнаго

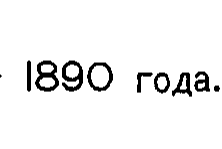
Писанія въ Россіи за истекшій 1889 годъ.—Проектъ введенія при духовныхъ семинаріяхъ правильнаго обученія садоводству и огородничеству.—Безплатныя народныя читальни.—О состояніи Православной Церкви въ бывшихъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ Россіи.—Проектъ уменьшенія нищенства въ Россіи.—Семейныя участки земли.—Вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель.—О земскихъ начальникахъ.—По поводу переселенія крестьянъ.—Ослабленіе эмиграціи въ Америкѣ.—Польскіе переселенцы въ Америку.—Обзоръ мѣръ, указываемыхъ въ современной періодической печати, для борьбы съ пьянствомъ въ народѣ.—Борьба съ пьянствомъ въ Финляндіи (стр. 569—600).—Проводы въ С.-Петербургѣ Его Высокопреосвященства Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Часовня въ гор. Ахтырѣ въ память 17 октября (корреспонд. Листка).—Устройство кадетскаго корпуса въ гор. Сумахъ Харьковской губ.—Снабженіе школъ духовнаго вѣдомства безплатными учебниками.—Константинопольскій патріархъ и Порты.—Патріархъ Іерусалимскій Никодимъ.—Болгарская церковная смута.—Собраніе новоприсоединенныхъ къ православію въ Петербургѣ.—Двадцатипятилѣтіе братства св. Николая въ Петербургѣ.—Иконописаніе въ Грайворонскомъ уѣздѣ Курской губерніи.—Борьба интеллигентныхъ издателей съ лубочной литературой.—Поселокъ Царя-Освободителя.—Царскій подарокъ Черногоріи.—Переселенія южныхъ славянъ въ Россію.—Открытіе проф. Коха.—Оспа въ Петербургѣ.—Чумная энзootія на югѣ.—Причины, порождающія нужды и необеспеченность нашего земледѣльческаго населенія.—Агрономическіе инспектора.—О земскихъ начальникахъ.—Общій уставъ для артелей кустарныхъ мастеровъ.—Сельскіе банки.—Введеніе въ нашихъ гимназіяхъ занятія ремеслами.—Оживленіе промышленности въ Батумской и Карской областяхъ.—Нѣмецкая колонизація на Волыни.—Вопросъ о культурѣ джута на югѣ Россіи (стр. 606—636).—Болѣзнь Высокопреосвященнаго Никанора.—Кончина Алексія, архіеписк. Литовскаго.—Письмо протоіер. Литовскаго.—Письмо о. Іоанна Сергіева.—Пьяницы у протоіерея о. Іоанна Сергіева.—Поучительный примѣръ церковной благотворительности.—По поводу столкновенія Патріарха съ Портой (стр. 647—655).—Печальное положеніе православной Церкви въ Босніи и Герцоговинѣ.—Натянутыя отношенія между Портой и Константинопольскимъ патріархомъ.—По поводу призыва Константинопольскаго патріарха къ составленію вселенскаго собора.—Православное Миссіонерское Об-

щество.—Афонскіе попрошайки.—Матеріальная несостоятельность нашихъ переселенцевъ и кулачество на мѣстахъ переселеній.—Уставъ общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ.—Колонизація въ Туркестанѣ.—Польская эмиграція въ Америку.—Мѣры со стороны Соединенныхъ Штатовъ противъ наплыва въ Америку (стр. 663—675).—35-ти лѣтній юбилей протоіерея І. И. Сергіева.—Торжественное засѣданіе Славянскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ (стр. 686—697).

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Января № 1. 1890 года.

Содержаніе. Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частимъ за 1888—89 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія. Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ декабрѣ мѣсяцѣ поступило: въ Хорошевскомъ женскомъ монастырѣ кружечнаго сбора 6 р. 57 к., и собрано по листу отъ разныхъ лицъ 10 р. 43 к., членск. взнос.: отъ игуменіи Евпраксини 3 р., казначей, монахини Геронтіи 3 р., благочин.: 1 Сумскаго окр. представлено собранныхъ по листамъ 5 р. 53 к., харьковскихъ градскихъ церквей представлено собранныхъ по листамъ 84 р. 67 к., въ Куряжскомъ монастырѣ собрано кружечнаго сбора 4 р. 75 к., по листу отъ разныхъ лицъ 10 р., членск. взнос.: казначей Куряжскаго монастыря Сосѣена 3 р., игуменіи Николаевскаго монастыря Неонилы 3 р., кружечнаго сбора въ этомъ монастырѣ 4 р. 20 к., собрано по лист.: отъ Игумена Гавріила 5 р., отъ казначей Ахтырскаго монастыря іером. Нектарія 2 р., собрано въ недѣлю православія въ этомъ мон. 3 р. 20 к., собр. по лист. въ Святогорской пустыни 9 р. 11 к., членскіе взносы: прот. Теофила Макухина 3 р., свящ.: Стефана Коханова 3 р., Михаила Юшкова 3 р., Павла Дьякова 3 р., Александра Попова 3 р., Александра Касьянова 3 р., купц.: Василія Земріева 3 р., Іосифа Виллера 3 р., собрано по листамъ свящ. 1 окр. Изюмскаго уѣзд. 37 р. 20 к., благочиннымъ 5 Старобѣльскаго окр. представлено: кружечнаго сбора 22 р. 65 к., собранныхъ по листамъ отъ разн. лиц. 30 р. 24 к., и член. взн.: свящ. Василія Алексѣевскаго 3 р., прот.: Михаила Павлова 3 р.,

Михаила Ветухова 3 р., Николая Матвѣева 3 р., свящ.: Александра Ковалевскаго 3 р., Василя Мантулина 3 р., Александра Ветухова 3 р., Харлампія Твердохлѣбова 3 р., Матвѣя Мусеева 3 р., Иоанна Ястремскаго 3 р., Иоанна Ѳеодоровскаго 3 р., Стефана Крыжановскаго 3 р., Меводія Лядскаго 3 р., Леоняда Пономарева 3 р., Иоанна Иннокова 3 р., Аполлона Стаикова 3 р., Алексѣя Лобковскаго 3 р., Петра Ветухова 3 р., Василя Царевскаго 3 р., Андрея Базилевича 3 р., Николая Склярова 3 р., Андрея Титова 3 р., Михаила Семянина 3 р., Константина Насѣдкина 3 р., Михаила Ветухова 3 р., Павла Ветухова 3 р., мѣщ. Даміана Коробки 3 р., кр.: Павла Голубова 3 р., Николая Кошмана 3 р., діак. Андрея Попова 3 р., кр. Алексѣя Зинченко 3 р., благочин.: 2 Лебединскаго окр. представл. собран. по лист. 13 р. 81 к., 3 Зміевскаго окр. представл. собран. по лист. 29 р., 2 Валковскаго окр. представл. собран. по лист. 25 р. 46 к., членск. взнос.: свящ.: Ѳеодосія Мухина 3 р., Андрея Закрицкаго 3 р., Илія Энецова 3 р., благоч. 2 Лебединскаго окр. представл. собран. по лист. 13 р. 23 к., членск. взнос.: прот. Иоанна Салухина 5 р., свящ.: Симеона Недѣльки 3 р., Иоанна Соколовскаго 3 р., Иоанна Кохановскаго 3 р., Іакова Любарскаго 3 р., Георгія Рудинскаго 3 р., Митрофана Еллискаго 3 р., Ѳеодора Рыбалова 3 р., Иоанна Стефанова 3 р., Ѳеодора Заводовскаго 3 р., Павла Никулищева 3 р., Павла Ступницкаго 3 р., Стефана Толмачева 3 р., Петра Никулищева 3 р., Іакова Хорошкова 3 р., Адріана Крыжановскаго 3 р., Иоанна Яценкова 3 р., благочин. 3 Старобѣльскаго окр. представл. собран. по лист. 33 р. 54 к., членск. взнос.: свящ. Димитрія Донченкова 3 р., Димитрія Пантеленмонова 3 р., Андрея Павлова 3 р., Иларіона Жукова 3 р., Павла Раздольскаго 3 р., Василя Капустянскаго 3 р., Ѳеодора Грекова 3 р., Павла Филевскаго 3 р., Прокофія Попова 3 р., Иоанна Жуковскаго 3 р., Стефана Косьменко 3 р., Василя Макаровскаго 3 р., Иоанна Макаровскаго 3 р., Николая Матвѣева 3 р., Иоанна Буткова 3 р., Иоанна Попова 3 р., Владиміра Чебанова 3 р., Аристарха Фенева 3 р., Иоанна Павлова 3 р., Георгія Грекова 3 р., Андрея Любарскаго 3 р., Никиты Слюсарева 3 р., Александра Иванова 3 р., Михаила Павлова 3 р., кр. Григорія Голованскаго 3 р., Всего въ декабрѣ мѣсяцѣ 1889 г. поступило 616 р. 59 к.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸⁸/₈₉ учебный годъ.

Продолженіе *).

д) Продолжительность учебного года и время экзаменовъ.

Въ отчетномъ году ученіе послѣ лѣтнихъ каникулъ началось 17 августа и окончилось 31 марта. Всѣхъ учебныхъ дней въ году, — если исключить Рождественскіе праздники, масленицу, двукратное говѣніе воспитанницъ (съ 18 по 21 ноября и съ 19 по 25 февраля), а также всѣ воскресные и праздничные дни, — было 152.

Письменные годовые экзамены во всѣхъ классахъ произведены 20 апрѣля. Устные экзамены начались 21 апрѣля и окончились 30 мая. 2 іюня происходилъ торжественный актъ, которымъ закончился учебный годъ. Дополнительные экзамены и переэкзаменовки производились съ 8 по 11 августа включительно.

е) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатами, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ.

Къ началу учебного года состояло воспитанницъ въ приготовительномъ классѣ—50, въ I классѣ—53, во II классѣ—50, въ III классѣ—43, въ IV классѣ—49, въ V классѣ—55 и въ VI классѣ—37, итого 337 воспитанницъ.

Среди учебного года выбыло изъ II класса—2, изъ III класса—3 и изъ V класса—6 воспитанницъ; итого 11 воспитанницъ.

Среди учебного года принято вновь въ приготовительный классъ 2 и въ III классъ 1 воспитанница, итого 3 воспитанницы.

Оставалось по спискамъ ко времени экзаменовъ: въ приготовительномъ классѣ—52, въ I классѣ 53, во II классѣ—48, въ III классѣ—41, въ IV классѣ 49, въ V классѣ—49 и въ VI классѣ—37 воспитанницъ, итого 329 воспитанницъ.

Держали годовой экзаменъ: въ приготовительномъ классѣ — 51, въ I классѣ—53, во II классѣ—48, въ III классѣ 41, въ IV классѣ—48, въ V классѣ—48 и въ VI классѣ 37; итого 326 воспит.

Не держали экзамена: въ приготовительномъ классѣ 1, въ IV классѣ—1 и въ V классѣ 1; итого 3 воспитанницы—всѣ 3 по болѣзни.

Переведены въ слѣдующіе классы: изъ приготовительнаго въ I классъ—49, изъ I во II классѣ—48, изъ II въ III классъ—45, изъ III въ IV классъ—38, изъ IV въ V классъ — 44, и изъ V въ VI классъ—46 воспитанницъ; итого 270. Кромѣ того, одной IV класса,

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г., № 24.

по случаю ея болѣзни предоставлено экзаменоваться по явкѣ, по выздоровленіи, въ училище.

Оставлено въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ: въ приготовительномъ классѣ—2, въ I классѣ—2, во II классѣ—2, въ III классѣ—3, въ IV классѣ—1, и въ V классѣ—2 воспитанницы; итого 12 воспитанницъ. Изъ нихъ 1 по неявкѣ въ теченіе года, 1 по болѣзни и 10 малоуспѣшности.

Окончили курсъ съ аттестатами 37 воспитанницъ.

Уволены изъ училища послѣ годичныхъ экзаменовъ и переекзаменовокъ: изъ приготовительнаго класса 1 по неспособности къ продолженію ученія; изъ I класса—3, 2 по неспособности къ продолженію ученія и 1 по просьбѣ отца; изъ II класса—1 по неспособности къ продолженію ученія; изъ IV класса—3, 2 по просьбѣ родителей и одна по неспособности къ продолженію ученія и изъ V класса—1 по неспособности къ продолженію ученія; итого 9 воспитанницъ.

Такимъ образомъ къ началу 1889/90 учебнаго года въ училищѣ числилось 283 воспитанницы. Въ августѣ 1889 года принято вновь 49 дѣвщцъ,—48 въ приготовительный классъ и 1 въ IV. Вслѣдствіе этого 1889/90 учебный годъ начался при 332 воспитанницахъ, изъ коихъ въ приготовительномъ классѣ было 50, въ I—51, во II—50, въ III—48, въ IV—41¹⁾, въ V—46 и въ VI—46.

ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

1. Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ показывающей: а) число и процентное отношеніе воспитанницъ каждаго класса, получившихъ баллы 5, 4, 3 и 2 по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ; б) средній баллъ каждаго класса по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ. Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитанницы, которыя держали экзаменъ по всѣмъ предметамъ.

Приготовительный классъ (51 воспитанница).

Баллъ 5	получили	13	воспитанницъ	или	25,25/51 ⁰ / ₀
— 4	—	29	—	—	56,44/51 ⁰ / ₀
— 3	—	8	—	—	15,35/51 ⁰ / ₀
— 2	—	1	—	—	1,49/51 ⁰ / ₀
Средній баллъ всего класса			 4,05.

I классъ (53 воспитанницы).

Баллъ 5 получили 15 воспитанницъ или 28,16/53⁰/₀

¹⁾ Въ это число вошла 1 воспитанница IV класса, которой предоставлено держать экзаменъ для перехода въ V классъ въ теченіе 1889/90 года, послѣ ея выздоровленія и явки въ училище.

—	4	—	21	—	—	39, ³⁸ / ₅₃ ⁰ / ₀
—	3	—	15	—	—	28, ¹⁶ / ₅₃ ⁰ / ₀
—	2	—	2	—	—	3, ⁴¹ / ₅₃ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса						3,92.

II классъ (48 воспитанницъ).

Балль 5	получили	13	воспитанницъ	или	27, ⁴ / ₄₈ ⁰ / ₀	
—	4	—	30	—	—	62, ²⁴ / ₄₈ ⁰ / ₀
—	3	—	5	—	—	10, ²⁰ / ₄₈ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса						4,16.

III классъ (41 воспитанница).

Балль 5	получили	17	воспитанницъ	или	41, ¹⁹ / ₄₁ ⁰ / ₀	
—	4	—	19	—	—	46, ¹⁴ / ₄₁ ⁰ / ₀
—	3	—	5	—	—	12, ⁸ / ₄₁ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса						4,29.

IV классъ (48 воспитанницъ).

Балль 5	получили	14	воспитанницъ	или	29, ⁸ / ₄₈ ⁰ / ₀	
—	4	—	15	—	—	31, ¹² / ₄₈ ⁰ / ₀
—	3	—	19	—	—	39, ²⁸ / ₄₈ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса						3,89.

V классъ (48 воспитанницъ).

Балль 5	получили	11	воспитанницъ	или	22, ⁴⁴ / ₄₈ ⁰ / ₀	
—	4	—	26	—	—	54, ⁸ / ₄₈ ⁰ / ₀
—	3	—	11	—	—	22, ⁴⁴ / ₄₈ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса						4.

VI классъ (37 воспитанницъ).

Балль 5	получили	10	воспитанницъ	или	27, ¹ / ₃₇ ⁰ / ₀	
—	4	—	22	—	—	59, ¹⁷ / ₃₇ ⁰ / ₀
—	3	—	5	—	—	13, ¹⁹ / ₃₇ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса						4,13.

2. *Во поведеніи воспитанницъ* въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ, сколько-нибудь выдающихся, проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніяхъ; поэтому всѣ воспитанницы, за исключеніемъ 5 получившихъ по поведенію годовой балль 4 (очень хорошо), отмѣчены балломъ 5 (отлично).

3. *Состояніе здоровья воспитанницъ* въ отчетномъ году было несравненно лучше, чѣмъ въ предыдущемъ. Случаевъ заболѣванія было 152, что, при 337 воспитанницахъ, состоявшихъ въ училищѣ въ началѣ года, составляетъ 45%, между тѣмъ какъ въ 18⁸⁷/₈₈ учебн. году случаевъ заболѣванія было 236, или около 73%. Большая часть больныхъ страдала легкими формами болѣзней, именно:

лихорадкой (69 случаевъ), жабой (21 случай). Тяжелыми формами болѣзней страдали 3 воспитанницы, — 2 хроническимъ воспаленіемъ легкихъ и 1 воспаленіемъ подреберной плевры. Заразными болѣзнями страдали только 2 воспитанницы, — обѣ тифомъ. Смертнаго случая не было ни одного.

4. Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями училища, показывается нижеслѣдующая таблица.

Законоучителемъ въ IV, V и VI классахъ и преподавателемъ церковно-славянскаго языка въ IV и V классахъ, священникомъ *Н. Оникешимъ* (10 уроковъ въ недѣлю) пропущено 4 урока, — 3 по болѣзни и 1 по домашнимъ обстоятельствамъ. Помощникомъ законоучителя въ приготовительномъ, I, II и III классахъ, священникомъ *Г. Волобуевымъ* (15 уроковъ въ недѣлю) пропущено 2 урока по обязанностямъ священника. Преподавателемъ русскаго языка въ I, III и IV классахъ *М. В. Добронравовымъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущено 7 уроковъ, — 6 по семейнымъ обстоятельствамъ и 1 по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка во II классѣ *М. А. Кокаревымъ* (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ русскаго языка въ V и VI классахъ, *Н. В. Гошнымъ* (7 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницей ариметики въ I, II и III классахъ, *О. К. Рудинскою* (12 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ ариметики, геометріи, физики и космографіи въ IV, V и VI классахъ, *Я. М. Колосовскимъ* (14 уроковъ въ недѣлю) пропущено 6 уроковъ, — 4 по болѣзни и 2 по семейнымъ обстоятельствамъ. Преподавателемъ гражданской исторіи въ IV, V и VI классахъ, *А. Ѳ. Вертеловскимъ* (9 уроковъ въ недѣлю) пропущено 25 уроковъ, — 5 по болѣзни и 20 по случаю назначенія присяжнымъ засѣдателемъ въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ географіи въ IV, V и VI классахъ, священникомъ *А. Балановскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 11 уроковъ, — 3 по обязанностямъ священника и 8 по семейнымъ обстоятельствамъ. Учительницей географіи во II и III классахъ, *Л. Е. Дьяковою* (4 урока въ недѣлю) пропущенъ 1 урокъ по болѣзни. Преподавателемъ дидактики въ V и VI классахъ, *Н. Н. Страховымъ* (3 урока въ недѣлю) пропущено 8 уроковъ по болѣзни. Учителемъ церковнаго пѣнія во всѣхъ штатныхъ классахъ, священникомъ *С. Петровскимъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 13 уроковъ по обязанностямъ священника. Учителемъ чистописанія въ I, II, III и IV классахъ, *Д. О. Ланевскимъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 17 уроковъ по болѣзни. Учительницей русскаго языка, ариметики, церковнаго пѣнія и чистописанія въ приготовительномъ классѣ, *М. Д. Покидайловою* (15 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницей французскаго языка во всѣхъ штатныхъ классахъ, *Е. Н. Гейтльмъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 7 уроковъ, — 2 по болѣзни и 5 по обязанностямъ начальницы училища.

4. БИБЛИОТЕКА И ФИЗИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ.

а) Въ фундаментальной библіотекѣ къ началу текущаго 1889/90 учебнаго года числилось 1118 названій книгъ въ 2685 томахъ. Библіотека эта въ отчетномъ году увеличилась на 14 названій книгъ въ 46 томахъ, изъ коихъ 9 названій въ 39 томахъ приобрѣтены на училищный счетъ, 3 названія въ 3 томахъ присланы изъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ, 1 названіе въ 3 томахъ пожертвовано И. М. Коробковымъ и 1 названіе въ 1 томѣ составляютъ экзаменскія сочиненія выпускныхъ воспитанницъ, писанныя въ отчетномъ году. Книгами изъ фундаментальной библіотеки пользуются только начальствующіе, преподаватели и другія служащіе въ училищѣ лица. Завѣдуетъ этою библіотекою одна изъ воспитательницъ училища, съ жалованьемъ за это, а также за завѣдываніе учебниками и учебными принадлежностями, по 60 р. въ годъ.

б) Въ ученической библіотекѣ къ началу текущаго года числилось 634 названія книгъ въ 1513 томахъ. Въ отчетномъ году библіотека эта увеличилась на 8 названій въ 19 томахъ, изъ коихъ 4 названія въ 15 томахъ приобрѣтены на училищный счетъ и 4 названія въ столькихъ же томахъ присланы изъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ. Книгами изъ этой библіотеки пользовались исключительно воспитанницы училища, при чемъ для приготовительнаго, I и II классовъ брали книги, подъ свои росписки и отвѣтственность, воспитательницы этихъ классовъ, а воспитанницы остальныхъ классовъ брали книги сами, подъ свои росписки и отвѣтственности. Въ выборѣ книгъ для чтенія и воспитательницы и воспитанницы руководились особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ этой библіотеки, назначенныхъ для каждаго класса въ отдѣльности. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ изъ этой библіотеки взято было для чтенія 2054 книги, именно: воспитанницами приготовительнаго класса 100 книгъ, воспитанницами I класса 101 книга, воспитанницами II класса 153 книги, воспитанницами III класса 310 книгъ, воспитанницами IV класса 420 книгъ, воспитанницами V класса 520 книгъ и воспитанницами VI класса 450 книгъ. Завѣдывала ученическою библіотекою, по обычаю, воспитательница VI класса, при помощи двухъ, избранныхъ ею, воспитанницъ того же класса, съ вознагражденіемъ въ 25 р. въ годъ.

в) Въ музыкальной библіотекѣ къ началу текущаго учебнаго года числилось 403 названія музыкальныхъ пьесъ. Въ отчетномъ году библіотека эта увеличилась на 64 названія, которыя всѣ приобрѣтены на счетъ денегъ взимаемыхъ за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ; завѣдывала этою библіотекою, по назначенію начальницы училища, одна изъ помощницъ воспитательницъ.

Для пополненія фундаментальной и ученической библіотекъ со-
вѣтъ училища выисалъ на 1889 годъ слѣдующія періодическія
изданія.

А. Для чтенія воспитанницамъ.

- аа) «Дѣтскій отдыхъ».
- бб) «Семейные вечера».
- вв) «Родникъ».
- гг) «Дѣтское чтеніе».

Б. Для чтенія служащимъ въ училищѣ лицамъ.

- аа) «Церковныя Вѣдомости».
- бб) «Вѣра и Разумъ».
- вв) «Православное Обозрѣніе».
- гг) «Страникъ».
- дд) «Творенія св. Отцевъ».
- ее) «Христіанское Чтеніе».
- жж) «Московскія Вѣдомости».
- зз) «Русскій Вѣстникъ».
- ии) «Сѣверъ».
- іі) «Свѣтъ».
- кк) «Южный Край».
- лл) «Харьковскія Губернскія Вѣдомости».

Учебниками, учебными пособиями и учебными принадлежностями всѣ воспитанницы были въ достаточномъ количествѣ снабжены отъ училища, безъ взноса за это особой платы.

Физическій кабинетъ въ отчетномъ году не получилъ приращенія, потому что обладаетъ всѣми необходимѣйшими для практическаго преподаванія физики приборами. Завѣдывалъ кабинетомъ преподаватель физики.

На библіотеку, учебники, учебныя пособия и учебныя принадлежности, по смѣтѣ, утвержденной на трехлѣтіе съ 1888 по 1890 экономическій годъ, назначено 1429 р. 68 коп.

5. Средства училища.

По дѣйствовавшей въ 1888 экономическомъ году смѣтѣ, Училище на свое содержаніе должно было получить 64124 руб. 40 коп. Эта общая сумма слагается изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ непріосновеннаго училищнаго капитала	1646 р. 39 к.
б) Доходы съ принадлежащей училищу части дома въ г. Харьковѣ	871 « 21 »
в) Изъ общепархіальныхъ средствъ	32656 « 64 »
г) Однопроцентный взносъ съ получаемаго духовенствомъ епархіи жалованья	1581 « 99 »
д) Изъ прибылей епархіальнаго свѣчнаго завода	7071 « — »
е) Пожертвованія отъ монастырей и церквей епархіи	1693 « 80 »
ж) Пожертвованія отъ духовенства при полученіи наградъ	377 « — »

з) Изъ кружекъ при чудотворныхъ иконахъ	63	« 84 »
п) Пансіонерскій взносъ за своекоштныхъ воспитанницъ	17075	« — »
і) Взносъ на первое обзаведеніе со вновь поступающихъ воспитанницъ	844	« 80 »
к) Отъ училищной экономіи	242	« 73 »
Расходъ тою же смѣтою опредѣленъ въ	64279	« 84 »
Въ дѣйствительности въ 1888 экономическомъ году по всѣмъ смѣтнымъ статьямъ поступило на приходъ	64835	« 60 »
Въ расходъ было въ томъ же году по всѣмъ смѣтнымъ статьямъ	61429	« — »

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой статьѣ ¹⁾, такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § Устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю епархіальныхъ съѣздовъ. Въ 1888 году по этой статьѣ поступило 2897 руб., а израсходовано въ томъ же году 2767 руб. 2 коп.

6. Дополнительныя свѣдѣнія.

а) 23 сентября 1888 года въ 11 часовъ утра училище удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Его Сіятельство, Министръ Народнаго Просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, въ сопровожденіи г. попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, тайнаго совѣтника Н. П. Воронцова-Вельяминова и нѣкоторыхъ профессоровъ Харьковскаго университета. Почетныхъ гостей принималъ въ училищѣ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Изъ квартиры начальницы училища Его Сіятельство прошелъ въ училищную церковь, благолѣпіе и красоту устройства которой изволилъ похвалить, а затѣмъ въ училищный залъ, въ которомъ собраны были всѣ воспитанницы. Поздоровавшись съ дѣтьми, графъ пожелалъ слышать ихъ пѣніе. Всѣ воспитанницы пропѣли догматикъ: «Кто Тебе не ублажить», «Благослови душе моя, Господа» и гимнъ «Боже Царя Храни» и удостоились похвалы за стройное и отчетливое исполненіе. Отсюда Его Сіятельство прослѣдовалъ въ училищную церковно-приходскую школу, гдѣ въ младшемъ отдѣленіи, на урокъ Закона Божія, нѣкоторые изъ дѣтей, по желанію графа, — отчетливо и толково прочитали наизусть нѣкоторыя общепотребительныя молитвы, а въ старшемъ отдѣленіи стройно исполнили нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній, за что и тѣ и дру-

¹⁾ Французскому языку, въ отчетномъ году, обучалось 109 воспитанницъ, въ томъ числѣ 64 бесплатно; музыкѣ обучалось 134 воспитанницы, въ томъ числѣ 18 бесплатно; рисованію обучалось 44 воспитанницы, въ томъ числѣ 36 бесплатно. За обученіе французскому языку вносилось 10 руб., за обученіе музыкѣ 25 р. в за обученіе рисованію 5 р. въ годъ съ ученицы.

гіе удостоился похвалы. Посѣщеніе училища и училищной школы видимо произвело на графа пріятное впечатлѣніе; которое Его Сіятельство высказалъ Владыкѣ и членамъ Совѣта училища при прощаніи съ заведеніемъ.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій и въ отчетномъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, продолжалъ оказывать училищу постоянное благосклонное вниманіе. Училищная жизнь во всѣхъ своихъ частяхъ по прежнему совершалась подъ постояннымъ наблюденіемъ Владыки и по его руководственнымъ указаніямъ. Кроме того, Его Высокопреосвященство изволилъ принимать личное участіе и во всѣхъ училищныхъ торжествахъ. Такъ, 6 октября 1888 г. Владыка нарочито посѣтилъ училище, чтобы обрадовать дѣтей личною раздачею похвальныхъ листовъ за отличное поведеніе и успѣхи въ 18^{87/88} учебномъ году, не розданныхъ на предшествовавшемъ актѣ въ іюнѣ 1888 года, по случаю роспуска по домамъ воспитанницъ младшихъ классовъ, какъ окончившихъ уже экзамены, до дня акта. 17 ноября Его Высокопреосвященство, по случаю исполнившагося сорокалѣтія своего священства, пожелалъ помолиться вмѣстѣ съ училищемъ, а потому совершилъ въ училищной церкви литургію и благодарственный молебенъ. Владыка также совершалъ Богослуженіе въ училищной церкви 4 декабря, по случаю храмового училищнаго праздника и 2 іюня, въ день училищнаго акта, которые тоже удостоилъ своимъ присутствіемъ, причемъ собственноручно роздалъ окончившимъ курсъ дѣвѣцамъ аттестаты и вмѣстѣ со своимъ присутствіемъ въ самостоятельную жизнь благословеніемъ, Новый Завѣтъ со своею подписью, какъ руководство въ этой жизни.

Преосвященный Петръ, епископъ Сумскій, 30 марта присутствовалъ на экзаменѣ по музыкѣ, 26 апрѣля, по случаю экстреннаго отъѣзда въ Москву Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, присутствовалъ на экзаменѣ Закона Божія въ выпускномъ классѣ и 2 іюня на актѣ.

Актъ также удостоили своимъ присутствіемъ: Его Превосходительство, начальникъ Харьковской губерніи тайный совѣтникъ А. И. Петровъ и Харьковскій городской голова И. О. Фесенко.

б) *Ревизіи* со стороны членовъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ училище въ отчетномъ году не подвергалось.

в) *Пожертвованія* на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений:

аа) Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій, внесъ въ училище 225 р. на содержаніе трехъ воспитанницъ сиротъ и, кроме того, прислалъ дѣтямъ, въ день своего тезоименитства, разныя лакомства.

бб) Нѣкоторые монастыри и церкви епархіи давали средства на содержаніе въ училищѣ воспитанницъ-сиротъ, а именно: Святогорскій Успенскій монастырь вносилъ для этого въ училище 500 руб., Ахтырскій Троицкій 200 руб., Верхо-Харьковскій Николаев-

скій дѣвичій 200 руб., Ряснянскій Дмитріевскій 225 руб., Старобѣльскій дѣвичій 100 руб. и Харьковская кладбищенская Іоанно-Усѣьновенская церковь 300 руб.

вв) Почетный блюститель по хозяйственной части, потомственный почетный гражданинъ Н. А. Чикинъ вносилъ въ отчетномъ году 200 руб. на содержаніе въ училищѣ одной воспитанницы-сироты.

гг) Душенриказничкомъ умершей вдовы надворнаго совѣтника Маріи Гавриловны Салогубовской 10 мая 1889 года внесенъ въ Совѣтъ училища билетъ Харьковской конторы Государственнаго Банка на 6000 р., проценты съ которыхъ, согласно волѣ завѣщательницы, должны быть употребляемы на воспитаніе въ училищѣ дѣвицъ-сиротъ, по выбору Совѣта училища.

дд) Жена священника Вѣра Васильевна Новомірская въ маѣ 1889 года внесла въ Совѣтъ училища 75 руб. и заявила, что будетъ по столько же вносить ежегодно въ теченіе 10 лѣтъ на воспитаніе въ училищѣ сиротъ, дѣвицъ духовнаго званія, согласно волѣ умершей сестры своей, Анны Васильевны Падалкиной, пзъ оставшагося имущества послѣдней.

ее) Въ кружки, устроенныя для пріема пожертвованій на училище, при чудотворныхъ иконахъ, находящихся въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквяхъ Харьковской епархіи, неизвѣстными жертвователями опущено въ отчетномъ году 108 р. 47 коп.

жж) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефанъ Алексѣевичъ Тарасовъ чрезъ Харьковскую Духовную Консисторію препроводилъ въ Совѣтъ училища 116 руб. 35 коп., присужденные ему Харьковскимъ Окружнымъ Судомъ, по иску о спорномъ участкѣ усадебной земли, съ церкви слободы Ефремовки Волчанскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобы эти деньги были обращены на нужды Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

зз) Харьковскій купецъ Ивапъ Максимовичъ Лещинскій пожертвовалъ въ пользу училища 50 руб., по случаю бракосочетанія своей дочери въ училищной церкви.

ии) На постройку зданія для параллельныхъ классовъ при училищѣ въ отчетномъ году пожертвовано: духовенствомъ Харьковской Епархіи 7775 р., Харьковскою кладбищенскою Іоанно-Усѣьновенскою церковію 1000 р. и протоіереемъ Харьковской Михайловской церкви Іоанномъ Ѳедоровымъ 1000 руб., (съ заявленіемъ, что въ слѣдующіе два года онъ представитъ для той же цѣли еще 2000 руб.),—всего 9775 руб.

іі) Староста училищной церкви, потомственный почетный гражданинъ Павелъ Павловичъ Рыжовъ пожертвовалъ для освѣщенія этой церкви 2 пуда 30 фун. восковыхъ свѣчей, стоимостью до 70 р. и 1 пудъ 20 фунт. конфетъ для раздачи воспитанницамъ училища на Рождественскихъ праздникахъ.

кк) Помощникъ законоучителя въ училищѣ, священникъ Георгій Волобуевъ пожертвовалъ 15 р. на лакомства воспитанницамъ во время Пасхальныхъ праздниковъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе отчетнаго года, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій на разныя училищныя нужды поступило 18089 р. 82 к., въ томъ числѣ 6000 рублей билетами и 12089 руб. 82 коп. наличными.

(Окончаніе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ наукъ въ Харьковской духовной семинаріи Алексѣй *Артюховскій* опредѣленъ, по прошенію, на праздное священническое мѣсто къ Рождество-Бородичной церкви сел. Калоченкова, Сумскаго уѣзда.

— Свящ. Николаевской церкви с. Семеренекъ, Ахтырскаго уѣзда, Павелъ *Санжаревскій*, согласно ходатайству г. инспектора народныхъ училищъ, утвержденъ законоучителемъ Семерепьковскаго народнаго училища.

— Свящ. Васильевской церкви с. Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда, Николай *Антоновъ* опредѣленъ законоучителемъ Прелестенскаго двухкласснаго Министерскаго училища.

— Псаломщикъ Вознесенской церкви сл. Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, Григорій *Кузнецовъ* опредѣленъ на священническое мѣсто при Архангело-Михаиловской церкви сл. Даниловки, того же уѣзда.

— Свящ. Николаевской церкви сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй *Косыгинъ* переведенъ въ новооткрытый приходъ при молитвенномъ домѣ хутора Гладкова, того же уѣзда, а безмѣстный свящ. Іоаннъ *Ждановскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ молитвенному дому того же хутора.

— Діаконъ Успенской церкви слоб. Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, Тимошей *Соболевъ* перемѣщенъ на діаконское мѣсто при Петро-Павловской церкви сл. Шаровой, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Спасской церкви сел. Воеводскаго, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй *Капустинъ* перемѣщенъ на праздное псаломщицкое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, сл. Шуликиной, того же уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: по Лебединскому уѣзду, къ Соборно-Успенской церкви г. Лебедина мѣщ. Алексѣй Прокофьевъ *Красновъ*, къ Николаевской церкви с. Буймера кр. Григорій Василіевъ *Степановъ*. Къ Троицкой церкви г. Лебедина куп. Константинъ Тимошеевъ *Стещенко* и къ Покровской церкви сл. Дмитровки, Изюмскаго уѣзда, кр. Тимошей *Литвиненко*, на третье трехлѣтіе, и къ церквамъ Волчанскаго уѣзда, Преображенской сл. Ново-Бѣлгорода кр. Владимиръ *Челомбитка*, Троицкой, сл. Нижняго Бурлучка кр. Иванъ *Настенко*; и къ Преображенской церкви сл. Закатной, Старобѣльскаго уѣзда, куп. Михаилъ *Часовниковъ* на второе трехлѣтіе.

ІЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Извѣстія изъ Чехіи и Галиціи.—Борьба съ католической пропагандой въ Сербіи.—Постройки церквей при фабрикахъ и заводахъ.—Коммиссія для изученія раскола.—Статистика бѣлаго духовенства въ Россіи.—Проектъ миссіонерскихъ школъ.—Распоряженіе епархіальнаго преосвященнаго по поводу неодобрительныхъ отмѣтокъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ.—Разрѣшеніе отправки съ товарными поѣздами врачей и священниковъ.—Устройство погребальной кассы для духовенства.—Новый духовный журналъ.—Переводъ вѣчныхъ вкладовъ изъ частныхъ банковъ въ государственный.—Общество распространенія св. Писанія въ Россіи.—Дѣятельность британскаго библейскаго общества въ Россіи.—По поводу дозволенія вступать въ бракъ молодымъ людямъ, имѣющимъ отбывать воинскую повинность.—Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства.—Совершеніе требъ раскольниками.—Средство противъ золотухи.—Тиражъ выигрышей 1-го внутренняго съ выигрышами займа.

— Въ Чехіи продолжается знаменательное движеніе къ національному и вѣроисповѣдному самосознанію, къ освобожденію отъ ига латинства и къ возстановленію великихъ началъ свв. Кирилла и Меѳодія. Въ нѣкоторыхъ газетахъ по поводу послѣднихъ событій и бурныхъ преній о Гусѣ высказываются весьма знаменательныя мысли. Такъ газета *Východ* («Востокъ») говоритъ: «Послѣ всѣхъ этихъ преній въ сеймѣ и въ газетахъ каждый спрашиваетъ себя: можно ли чешскому народу оставаться въ связи съ римско-католическою церковью, съ церковью, которая прокликаетъ и срамитъ нашихъ славныхъ праотцевъ? И на это отвѣчаетъ: чешскій народъ не можетъ послѣ всего этого поддерживать связи съ римско-католическою церковью, иначе онъ сдѣлался бы достойнымъ поруганія всего просвѣщеннаго міра. Таковъ общій взглядъ. Со всѣхъ сторонъ слышенъ объ этомъ одинъ и тотъ же голосъ».

Въ другой чешской газетѣ (*Hlas z Siona*) по тому же поводу пишутъ: «Развѣ можно послѣ такого поруганія всего чешскаго народа оставаться безъ стыда младо-чехами или вообще искренними чехами въ римско-католической церкви? Мы согласны, чтобы Іоанну Гуссу построили достойный памятникъ предъ новымъ чешскимъ музеемъ. Но и это слишкомъ мало и ничтожно для такого великаго патріота и мученика; это просто ничто. Мы выстроимъ болѣе драгоцѣнный памятникъ этому великому и безсмертному мученику въ нашихъ сердцахъ, если мы откажемся навсегда отъ всякой церковной связи съ тѣми, которые приговорили и сожгли Гуса, которые нашихъ праотцевъ понынѣ называютъ грабителями и поджигателями. Это—единственное достойное удовлетвореніе. Мы съ врагами чешскаго народа болѣе не будемъ бороться, ибо недостойно бороться чешскому народу съ варягами; пусть они не ошибают-

ся; чешскій православный народъ не боится угрозъ Рима, онъ теперь не боится западныхъ крестоносцевъ! Чешскій народъ подъ защитою своего законнаго короля и конституціонной свободы встанетъ за православную вѣру!»

Въ той же газетѣ помѣщены символъ православной вѣры на чешскомъ языкѣ и краткое ознакомленіе съ православными молитвами, и объявлено гдѣ можно купить богослуженіе св. Іоанна Златоустаго, православный катихизисъ (краткій и пространный) и литургію св. Василія Великаго на чешскомъ языкѣ.

— Въ Галиціи страшный голодъ. Особенно бѣдствуютъ въ этомъ отношеніи русскіе галичане, эти рабы самой безсердечной, жестокой польско-еврейской эксплуатаціи. По описанію мѣстнаго корреспондента, бѣдствіе принимаетъ все большіе размѣры. «Тамъ, пишетъ онъ, уже теперь ни хлѣба для людей, ни кормовъ для скотины — ничего уже нѣтъ. За безкормицей до 100,000 лошадей проданы крестьянами за безцѣнокъ, по нѣскольку десятковъ копѣекъ птука, или отданы даромъ еврейскимъ барышникамъ и убиты ими «на шкуру». Жеребята почти поголовно перебиты. Львовскій намѣстникъ предписалъ уѣзднымъ начальствамъ зарывать трупы убитыхъ и палыхъ лошадей, валяющіеся по полямъ и лѣсамъ, кучами въ десятки и сотни головъ, въ предупрежденіе эпидеміи между людьми. Рогатый скотъ тоже распроданъ за безцѣнокъ — по 1½ до 3—4 руб. за корову. Въ пустыхъ хлѣбныхъ сараяхъ свищеть зимній вѣтеръ да бѣгають голодные мыши. Словомъ, бѣдствіе ужаснѣйшее, а спасенія ждать не откуда. Отпущенныхъ отъ правительства и земства (сейма) въ пособіе 1.200,000 гульденовъ оказывается слишкомъ мало. Требуется по самой меньшей мѣрѣ въ пять разъ больше, но въ земской кассѣ денегъ нѣтъ, правительство увеличитъ субсидію по ходатайству галицкихъ депутатовъ парламента — отказалось. Не забудемъ, что бѣдствуетъ главнымъ образомъ крестьянское, т. е. по клемени русское населеніе восточной Галиціи.

— Въ газетахъ было сообщено объ уніатско-католической пропагандѣ въ Сербіи, чему немало помогали и сербскіе книжные торговцы, продавая католическія иконы. Корреспондентъ «Србобранъа» на дняхъ имѣлъ честь бесѣдовать съ митрополитомъ Михаиломъ по поводу этой пропаганды. Высокопреосвященный Михаилъ, между прочимъ, сообщилъ корреспонденту о слѣдующихъ своихъ весьма важныхъ распоряженіяхъ: «20-го декабря, сказалъ владыка, я разослалъ циркуляръ сербскому духовенству, въ которомъ, разъяснивъ зло, причиняемое уніатскою католическою пропагандой правосла-

вію, указаль и тѣ средства, какими эта пропаганда пользуется для своихъ цѣлей. Затѣмъ я приказаль, чтобы каеъ изъ православныхъ храмовъ, таеъ и изъ домовъ православныхъ гражданъ были устранены иконы и утварь неправославнаго типа; одновременно съ этимъ я просиль министровъ финансовъ и народнаго просвѣщенія помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ и принять мѣры, чтобы книжнымъ торговцамъ и иностраннымъ спекулянтамъ было воспрещено продавать подобныя иконы и утварь». Затѣмъ высокопреосвященный Михаилъ сказалъ, что онъ строго воспретилъ употребленіе звонковъ во время совершенія литургіи, какъ это дѣлается у католиковъ. Относительно имѣющихся въ Бѣлградскомъ кафедральномъ соборѣ иконъ неправославнаго типа, какъ икона Божіей Матери надъ мѣстомъ для королевы, митрополитъ Михаилъ сказалъ, что «и это будетъ приведено въ порядокъ, но пока соборный храмъ не имѣеть для этой цѣли достаточныхъ средствъ. При построеніи же этого храма не было свѣдущихъ людей, которые могли бы предупредить нѣкоторыя уклоненія отъ православныхъ требованій».

— По свѣдѣніямъ «Гражданина», министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшилось энергично приступитъ къ осуществленію мѣры, благотельной и разумной. Собравъ свѣдѣнія о положеніи нашего фабричнаго класса въ провинціи, касающіяся его матеріальныхъ и духовныхъ недостатковъ, вслѣдствіе отсутствія при фабрикахъ и заводахъ, стоящихъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ, церквей, министерство внутреннихъ дѣлъ вошло по этому предмету въ сношеніе съ Св. Синодомъ о постройкѣ при означенныхъ заведеніяхъ частныхъ, т. е. на средства фабриканта или заводчика, или общественныхъ храмовъ.

— По словамъ той же газеты, Императорское географическое общество предполагаетъ образовать особую комиссію для изученія раскола. Вновь организуемая комиссіа обратитъ главное вниманіе на распространенность сектъ въ той или другой мѣстности, на догматическую сторону ихъ ученія, на внутренній строй раскольничьихъ и сектантскихъ общинъ, на ихъ домашній и экономическій бытъ и отношенія къ правительству. Въ составъ комиссіи приглашаются знатоки раскола и сектантства, а также члены этнографическаго отдѣленія общества, которые пожелаютъ войти въ составъ комиссіи.

— По свѣдѣніямъ Св. Синода, число лицъ бѣлаго духовенства въ Россіи опредѣляется слѣдующими цифрами: 1,418 протоіереевъ, 34,345 священниковъ, 6,810 діаконовъ, 42,271 псаломщиковъ — все-

го 84,974 чел. Кромѣ того, состоятъ за штатомъ 6,040 духовныхъ лицъ. На содержаніе бѣлаго духовенства государство израсходовало въ прошломъ году: на жалованье 18,000 р., на содержаніе причтовъ 5,988,191 руб., пенсій 345,355 руб. Церковно-приходскія попечительства на тотъ же предметъ израсходовали 180,000 р. Епархіальныя попечительства на пособія бѣднымъ духовнаго званія израсходовали 1.428,000 р. Въ распоряженіи этихъ послѣднихъ попечительствъ остается въ настоящее время капиталъ, простирающійся въ общей суммѣ до четырехъ милліоновъ рублей.

— «Новое Время» сообщаетъ, что прибывшій въ Петербургъ съ Аюна миссіонеръ, іеромонахъ о. Арсеній, на дняхъ представляетъ въ Св. Синодъ для утвержденія выработанный имъ уставъ открытія въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ Россіи миссіонерскихъ школъ. Цѣль учрежденія этихъ школъ—подготовленіе болѣе опытныхъ миссіонеровъ для веденія борьбы съ сектантствомъ. На дняхъ же о. Арсеній получилъ разрѣшеніе для веденія бесѣдъ и собесѣдованій на фабрикахъ и заводахъ Петербурга.

— Въ «Ставроп. енарх. вѣд.» напечатано заслуживающее вниманія распоряженіе мѣстнаго преосвященнаго Владимира. Нѣкоторые благочинные въ клировыхъ вѣдомостяхъ аттестуютъ иногда подчиненныхъ имъ духовныхъ лицъ неодобрительно безъ поясненія причинъ такихъ отмѣтокъ. По этому поводу преосвященный сдѣлалъ такое предложеніе. «Въ устраненіе на будущее время подобныхъ упущеній, лишающихъ енархіальную власть возможности своевременно исправлять несправимыхъ прежде, чѣмъ подвергать ихъ какъ виновныхъ должному и заслуженному наказанію признаю необходимымъ рекомендовать оо. благочиннымъ ввѣренной мнѣ енархіи слѣдующее: 1) благочинный не долженъ чиновнически хладнокровно (хотя совѣстливый и добрый чиновникъ не успокоивается на одной формальной собственной исправности) относиться къ подчиненнымъ ему лицамъ, а какъ довѣренное лицо епископа въ дѣлѣ попеченія объ опредѣленномъ участіи енархіи, предъ Богомъ обязанное наблюдать за членами причта, прежде всего онъ обязанъ быть ихъ руководителемъ въ нужныхъ случаяхъ, примирителемъ въ неважныхъ столкновеніяхъ, вразумителемъ въ неважныхъ проступкахъ и несправностяхъ, а въ случаяхъ большой важности, въ видахъ исправленія самихъ несправныхъ членовъ причта и для устраненія какого-либо вреда духовнаго въ приходѣ, благочинный долженъ немедленно доводить до свѣдѣнія епископа, а не ограничиваться общимъ донесеніемъ разъ въ годъ, въ такомъ важномъ

документъ, каковы послужные списки, краткою, не мотивированною, иногда крайне неодобрительною отмѣткою и 2) благочинные обязываются на будущее время въ клировыхъ вѣдомостяхъ обстоятельно пояснять, за что именно сдѣлана та или другая отмѣтка известнаго члена причта и особо въ дополнительныхъ рапортахъ доносить мнѣ о томъ же, для того, чтобы по симъ рапортамъ могло быть даваемо должное движеніе».

— По словамъ «Новаго Времени», вслѣдствіе поданной въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ жалобы одного врача о неразрѣшеніи ему завѣдующимъ желѣзно-дорожною станціей ѣхать къ больному съ товарнымъ поѣздомъ, на-дняхъ послѣдовала резолюція департамента желѣзныхъ дорогъ, разъясняющая, что завѣдующіе станціями желѣзныхъ дорогъ не должны запрещать ѣзды съ товарными поѣздами какъ лѣкарямъ, такъ и духовнымъ лицамъ, если они ѣдутъ съ медицинскою или духовною помощью и когда товарные поѣзда могутъ скорѣе пассажирскихъ прибыть на мѣсто назначенія.

— Въ допской епархіи возникъ вопросъ объ устройствѣ погребальной кассы. Дѣло это началось такимъ образомъ: священникъ о. А. Гр—въ въ прошедшемъ году представилъ высокопреосвященному Макарію свою статью о погребальныхъ кассахъ, напечатанную въ «Церк. Вѣстникѣ», и просилъ предложить духовенству: не пожелаетъ ли оно завести погребальную кассу. По распоряженію епархіальнаго начальства вопросъ этотъ обсуждался духовенствомъ на благочинническихъ сѣздахъ, а затѣмъ на епархіальномъ сѣздѣ, происходившемъ въ іюль мѣсяцѣ 1889 года. На этомъ сѣздѣ духовенство мнѣніемъ своимъ положило: поручить особой комиссіи выработать уставъ погребальной кассы: а самое открытіе ея отложить до слѣдующаго сѣзда. Въ настоящее время уставъ этотъ уже выработанъ и представленъ комиссіей епархіальному начальству.

Цѣль погребальной кассы, какъ видно изъ этого устава, самая прекрасная: это—давать значительное пособіе семьямъ умершихъ св.-ц.-служителей и притомъ въ самую трудную для нихъ минуту жизни—послѣ смерти главы и кормильца семьи. Со стороны духовенства это не есть какая-либо жертва, а просто самопомощь или сбереженіе денегъ для своей семьи. Дѣлая взносы въ кассу, всякій членъ откладываетъ ихъ, можно сказать, въ свой денежный ящикъ, ибо семья его получитъ ихъ обратно, а если эти деньги и останутся въ кассѣ, за немнѣніемъ семьи у члена, то онъ будетъ вѣчно поминаться на божественной литургіи во всѣхъ церк-

вахъ епархіи. Какъ же важно и дорого такое помпновеніе для каждаго, полагаемъ, излишне и говорить. Потребальныя кассы существуютъ уже въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, есть онѣ и въ другихъ вѣдомствахъ. Года два или три назадъ въ Смоленскѣ образовалось съ этою цѣлью общество съ 5,000 членовъ, раздѣленныхъ по взносамъ на три группы. Понятно, что въ разныхъ мѣстахъ могутъ быть разныя условія кассы и разные размѣры взносовъ; они могутъ быть меньше, могутъ быть и больше. При большемъ взносѣ семьи будутъ получать и больше пособія; при меньшемъ—наоборотъ. Процентъ смертности тоже можетъ колебаться: въ одинъ годъ умершихъ будетъ больше, въ другой—меньше; но въ общемъ, за нѣсколько лѣтъ, онъ будетъ болѣе или менѣе одинаковъ. Нужно прибавить къ этому, что среди духовенства, какъ показываютъ статистическія данныя, процентъ смертности меньше, чѣмъ среди другихъ сословій. Потомъ, чѣмъ болѣе будетъ членовъ въ кассѣ, тѣмъ лучше, потому что тогда, при одинаковомъ взносѣ, можно давать пособіе большому количеству лицъ. Приведемъ примѣръ: если членовъ въ кассѣ 1,000, то они должны вносить по 1 р. на каждаго умершаго, а въ годъ 10 рублей (полагая процентъ смертности 1 на 100), чтобы семьи ихъ получали пособія по тысячѣ рублей; но если членовъ 4,000, то взносъ можетъ быть 25 коп. на каждаго умершаго и въ годъ тоже 10 руб., но за то большее количество лицъ получить пособіе.

— Съ 1-го января 1890 г. въ Петербургѣ издается новый духовный журналъ «Вѣстникъ военнаго духовенства» по утвержденной Св. Синодомъ программѣ. Цѣль изданія—содѣйствовать военному духовенству посредствомъ обмѣна мыслей въ его высокомъ и трудномъ пастырскомъ служеніи. Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяць, 1-го и 15-го числа, въ размѣрѣ не менѣе двухъ печатныхъ листовъ.

— Газеты сообщаютъ, что Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода д. т. с. К. П. Побѣдоносцевъ предполагаетъ, по соглашеніи съ подлежащими вѣдомствами, испросить въ установленномъ порядкѣ разрѣшеніе на изыятіе изъ городскихъ общественныхъ банковъ вѣчныхъ вкладовъ, принадлежащихъ духовному вѣдомству, и передачу ихъ въ государственный банкъ. При непрочности частныхъ банковъ это была бы весьма полезная мѣра.

— 1-го декабря происходило засѣданіе общества распространенія св. Писанія въ Россіи. Предсѣдатель общества Н. А. Астафьевъ сообщилъ о положеніи дѣлъ общества за послѣдніе восемь мѣ-

сяцевъ минувшаго года. Въ теченіе этого времени общество получило въ приходъ 13,648 руб. Въ числѣ пожертвованій общество получило 1,000 руб. отъ покойнаго своего сочлена адмпр. Кузнецова. Дѣятельность общества за этотъ періодъ времени выразилась въ усиленномъ распространеніи священныхъ книгъ, которыхъ ему удалось разослать въ теченіе восьми мѣсяцевъ 54,307 экземпляровъ на сумму около 16,000 рублей. Въ числѣ распространяемыхъ книгъ, главнымъ образомъ, были продаваемы и раздаваемы «Новый Завѣтъ», Евангеліе и Библия въ переводѣ на русскій языкъ; послѣдняя пользовалась особеннымъ успѣхомъ, такъ какъ простому народу гораздо легче читать слово Божіе на родномъ языкѣ, нежели на славянскомъ. Для распространенія священныхъ книгъ общество содержитъ на свои средства «книгоношъ», которыхъ посылаетъ для продажи книгъ какъ въ Европейскую, такъ и Азіатскую Россію. Въ настоящемъ году общество отправило книгоношу въ Енисейскую губернію, а другого въ Туркестанскій край. Кромѣ того, книгоноши общества занимались распространеніемъ священныхъ книгъ по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, базарахъ и т. п.

— «Новое Время» пишетъ, что число книгоношъ Великобританскаго библейскаго общества, трудящихся въ дѣлѣ распространенія св. Писанія въ Россіи, достигло въ настоящее время до 57, которыми за послѣдній годъ распространено св. книгъ 147,300 экз., преимущественно по окраинамъ имперіи, и сверхъ того роздано до 5,000 евангелій и псалмовъ ссылнымъ на пути ихъ слѣдованія въ Сибирь. Общество это открыло новый складъ книгъ и магазинъ книгъ св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта въ г. Екатеринбургѣ для снабженія ими и продажи въ Западной Сибири.

— «Нов. Телегр.» утверждаетъ, что существующее у насъ дозволеніе вступать въ бракъ молодымъ людямъ, имѣющимъ отбывать воинскую повинность—составляетъ прямое преступленіе какъ противъ семейныхъ началъ, такъ и противъ нравственности, при чемъ газета доказываетъ свое положеніе такимъ образомъ. По ея словамъ, «довольно значительная часть призываемой молодежи оказывается уже женатой. Если вообще въ экономическомъ быту черезчуръ ранніе браки считаются зломъ, а по компетентному мнѣнію медицинской науки влекутъ за собою хилость и измелъчаніе потомства, то вступленіе въ бракъ юношей, которымъ предстоитъ еще отбывать нѣсколько лѣтъ воинскую повинность,—составляетъ прямое преступленіе какъ противъ семейныхъ началъ, такъ и противъ нравственности. Пояснить это очень не трудно: молодые по-

вобрачные почти всегда принадлежатъ къ бѣднѣйшему и ничѣмъ не обезпеченному слою населенія, которому единственнымъ средствомъ къ жизни служатъ лишь однѣ руки молодого главы семейства. Но вотъ проходятъ увлеченія медовыхъ мѣсяцевъ и наступаетъ горькая дѣйствительность. Молодой супругъ долженъ бросить на произволъ судьбы свою жену и отправиться въ дальнюю сторону на 5—6 лѣтъ для отбытія службы. Результатомъ является то, что молодой человѣкъ начинаетъ мало-по-малу развращаться, а его новобрачная встрѣчаетъ много соблазновъ въ своемъ новомъ положеніи. Не разъ случается, что солдатъ, возвратившись на родину послѣ службы, застаётъ дома неожиданныхъ наследниковъ. Не даромъ въ нашихъ деревняхъ названіе «солдатка» имѣетъ далеко не лестный смыслъ. Конечно, при подобныхъ условіяхъ семейное счастье разбито навсегда».

Далѣе газета дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе каноническаго правила о возрастѣ брачующихся съ распоряженіями по военному вѣдомству: «Хотя каноническіе законы и допускаютъ бракъ ранѣе 20 лѣтъ, но, въ виду возбужденнаго вопроса объ ограниченіи правъ на вступленіе въ бракъ лицъ, подлежащихъ еще отбытію воинской повинности, мы считаемъ не лишнимъ указать на воинскіе законы по этому вопросу и на ихъ руководящій смыслъ. Воинскій уставъ безусловно воспрещаетъ бракъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ. Исключеніе допускается лишь въ сибирскихъ мѣстныхъ гарнизонахъ; кромѣ того, съ разрѣшенія начальства допускаются браки унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, оставшихся на вторичной службѣ и получающихъ опредѣленное жалованье. Слѣдованіе за солдатами, вступившими въ бракъ ранѣе призыва, женамъ ихъ воспрещается, и это вполне естественно, потому что семейный солдатъ не можетъ быть вполне преданъ долгу службы. Даже права офицеровъ на женитьбу ограничены. Вступленіе въ бракъ ранѣе достиженія 23-лѣтняго возраста безусловно не допускается; до 28 лѣтъ, желающіе вступить въ бракъ, должны или представлять соотвѣтствующій залогъ, или же неоспоримыя доказательства того, что пзъ получаемыхъ ими доходовъ (помимо жалованья) они могутъ вполне обезпечить въ матеріальномъ отношеніи свою будущую семью».

А до тѣхъ поръ, заключаетъ газета, пока затронутый вопросъ получить должное разрѣшеніе, «желательно, чтобы духовныя лица пастырскимъ внушеніемъ указывали молодежи, желающей преждевременно вступить въ бракъ, опрометчивость этого шага и всѣ

вредныя его послѣдствія какъ въ нравственномъ, такъ и материальномъ отношеніи».

Едва ли это желательно, замѣчаетъ «Церк. Вѣсти.», по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто понимаетъ и стремится сохранить основы русской жизни, русской бытъ, православную вѣру. Чтобы не вдаваться въ подробности, позволимъ себѣ только спросить: будетъ ли здоровѣе наше потомство, будетъ ли нравственнѣе нашъ солдатъ и, наконецъ, будутъ ли устойчивѣе начала семейной жизни, если все наше войско будетъ обязательно холостымъ до конца срока своей службы? Въмѣсто того, чтобы приближать каноническія правила къ какимъ-то циркулярамъ и приказамъ, вызваннымъ чисто случайными и односторонними соображеніями, не лучше ли было бы рассмотреть, и притомъ всесторонне, вліяніе этихъ циркуляровъ и приказовъ на семейную жизнь и нравственность военного сословія? Тогда быть можетъ авторъ пришелъ бы къ совершенно иному выводу.

— Вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства вопросъ старый, но сдѣлавшійся особенно настойчивымъ съ шестидесятыхъ годовъ. Главную сторону въ вопросѣ составляетъ способъ, нѣкоторымъ кажушійся унижительнымъ, при помощи котораго духовенство пріобрѣтаетъ теперь средства своего существованія. Лица, выходящія изъ старыхъ духовныхъ школъ, менѣе избалованныя предшествующимъ поступленію на священноцерковнослужительскія мѣста воспитаніемъ, безъ сомнѣнія, снисходительнѣе смотрѣли и смотрятъ на существующій способъ добыванія средствъ для своего существованія; тогда какъ лица духовнаго званія, вышедшія изъ школы преобразованной, менѣе всего мирятся съ этимъ способомъ и съ большимъ нетерпѣніемъ стремятся къ такому или иному его измѣненію. Проектовъ, мнѣній, мѣръ въ этомъ отношеніи предлагается и предлагалось безчисленное множество; но всѣ они, за недостаткомъ указаній насчетъ практическаго ихъ примѣненія, не выходили изъ области проектовъ. Предлагался, напр., проектъ, чтобы вознагражденіе духовенству за труды ихъ служенія производилось изъ особаго подушнаго сбора, производимаго вмѣстѣ съ земскимъ сборомъ, и земствами распредѣлялось въ видѣ постояннаго, опредѣленнаго оклада духовенству, соотвѣтственно количеству душъ приходовъ. Но помимо уже того, что количество и качество душъ прихода весьма часто не совпадаютъ, гдѣ ручательство за то, что члены причтовъ въ этомъ случаѣ не будутъ по нѣскольку мѣсяцевъ сидѣть безъ денегъ, подобно учителямъ

народныхъ школъ и лицамъ, получающимъ содержаніе изъ земскихъ суммъ? А это такъ часто случается теперь, вслѣдствіе растущихъ съ каждымъ годомъ земскихъ недоимокъ. Сообщалось въ печати о случаяхъ соглашенія членовъ причта съ прихожанами, въ силу котораго приходъ собиралъ опредѣленную сумму въ видѣ жалованья причту, а причтъ въ свою очередь соглашался нѣкоторыя требы отправлять бесплатно, а для нѣкоторыхъ требъ назначать опредѣленную для всѣхъ, болѣе или менѣе умѣренную плату. Такихъ случаевъ, впрочемъ, сколько мы знаемъ, было немного, но и изъ этихъ немногихъ случаевъ, въ сравнительно короткое время, есть ужъ на лицо одинъ весьма неудачный. Такъ, въ 1879 г. крестьяне с. Валуѣи, Новоузенскаго у., Самарской губ., заключили со священникомъ своимъ контрактъ, по которому обязались платить ему ежегодно 400 руб. жалованья, при чемъ изъ этой суммы священникъ долженъ былъ удѣлять, по своему усмотрѣнію, часть, въ видѣ жалованья, псаломщицу. Согласно этому же контракту, священникъ обязался брать съ крестьянъ за исполненіе разныхъ требъ по таксѣ. Недавно священникъ и псаломщикъ предъявили къ обществу крестьянъ искъ въ окружный судъ о взысканіи съ нихъ 3,600 руб. жалованья за девять лѣтъ, котораго они, будто бы, не получали. На судѣ выяснилось, какъ изъ представленныхъ документальныхъ данныхъ, такъ и изъ свидѣтельскихъ показаній, что заключенный договоръ былъ нарушенъ священникомъ въ первый же годъ его существованія. Такъ, за требы свещ. бралъ гораздо болѣе, чѣмъ полагалось по таксѣ: за вѣнчаніе онъ бралъ по 60—70 руб. вмѣсто 5 руб., за крестины 1 руб. 50 к. вмѣсто 20 коп., за похороны взрослого 15 рублей, вмѣсто 2 руб. Въ виду такого нарушенія контракта, крестьяне, разумѣется, считали себя въ правѣ ничего не платить священнику и просили судъ отказать ему въ искѣ. Въ искѣ ему дѣйствительно самарскимъ окружнымъ судомъ отказано, но онъ вмѣстѣ съ псал. апеллировалъ въ судебную палату, доказывая, между прочимъ, что нарушенія договора съ его стороны не было, такъ какъ за требы крестьяне платили болѣе, чѣмъ слѣдовало по таксѣ, по своей доброй волѣ. На-дняхъ, въ ноябрьскую сессію, судебная палата признала доводы апелляціонной жалобы не заслуживающими уваженія и утвердила рѣшеніе самарскаго окружнаго суда, возложивъ на священника и псаломщика судебныя издержки. Положимъ, что причтъ въ этомъ случаѣ самъ виноватъ, нарушивъ контрактъ тѣмъ, что бралъ за требы болѣе, чѣмъ слѣдовало по контракту; но вѣдь

нѣтъ никакого основанія невѣрить ему, что эта, бѣлая сравнительно съ контрактомъ, плата была добровольная, а не вынужденная. А въ такомъ случаѣ, чѣмъ онъ виноватъ? Нѣтъ, вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства—вопросъ весьма сложный. «Система содержанія духовенства посредствомъ даяній отъ прихожанъ, особенно при церковныхъ требохъ, представляется устарѣвшею для нашего вѣка, подобно какъ и многое другое. Въ семъ случаѣ справедливая осторожность внушаетъ мысль осмотрѣть, особенно въ основаніи, представляющееся ветхимъ зданіе, чтобы удостовериться, такъ ли оно ветхо, что неминуемо подлежитъ разрушенію и должно быть замѣнено инымъ; ибо построеніе новаго едва ли можетъ быть едва ли можетъ быть легче и справленія стараго, буде исправленіе возможно». «Если отмѣнить даянія прихожанъ духовенству при требохъ надобно чѣмъ-нибудь замѣнить оныя; ибо духовенству нужно содержаніе. Какой бы для сего ни былъ сдѣланъ оборотъ, по необходимости, даяніе произвольное замѣнится невольнымъ. Но извѣстно, что легче издерживается по волѣ многое, нежели платится по неволѣ не многое. Сказываютъ, что когда одинъ иностраннѣйшій государь спросилъ: для чего въ Россіи не учредятъ особаго налога для содержанія духовенства? Ему отвѣтствовалъ, что особый налогъ сего рода могъ бы повредить миру и свободному, взаимному усердію духовенства и народа». (Собраніе мнѣн. и отзывовъ митр. Филар. том. II стр. 435, 439). Духовенство, если и можетъ чѣмъ-нибудь быть вознаграждено, то, кажется, единственно—жалованьемъ изъ государственнаго казначейства; въ противномъ случаѣ матеріальное обезпеченіе духовенства всегда будетъ подвержено случайностямъ и при томъ случайностямъ неотразимымъ, между тѣмъ какъ случайность настоящаго положенія дѣла много можетъ зависѣть отъ личныя качества священнослужителей. (К. Е. В.).

— Миссіонеръ астраханской епархіи священникъ Евтропій Кочергинъ сообщаетъ, что ему пришлось слышать слѣдующую исторію изъ быта раскольниковъ австрійскаго толка, свидѣтельствующую о невѣжествѣ расколическаго лже-духовенства. Новопоставленный лже-архіереемъ Паисіемъ въ протоіерея, священникъ Исидоръ Андроновъ въ одно утро совершалъ въ училищѣ г. Астрахани крещеніе надъ пятью расколическими младенцами. Въ это же самое время другой лже-іерей Аврамій Лобачевъ совершалъ литургію въ Шульгиновской часовнѣ. По прочтеніи положенныхъ въ требникѣ молитвъ, лже-протоіерей Исидоръ сталъ погружать дѣтей въ купели, но не успѣлъ надѣть на нихъ кресты, какъ отъ Авра-

мія пришелъ посланный и сталъ торопить, чтобы несли дѣтей причащать въ часовню, а иначе, говорилъ посланный, опоздають. Тутъ же-протоіерей Исидоръ оставилъ совершеніе крещенія и сказалъ: «ну идите скорѣй причащать, а потомъ приходите ко мнѣ, я докрещу». Отправились всѣ бабки, кумовья и кумы. въ часовню и ожидали тамъ времени причащенія; прошло болѣе часа, а Андроновъ дожидался въ это время въ училищѣ, въ облаченіи, когда придуть къ нему докрещивать. По окончаніи причащенія цѣлая процессія, состоящая изъ пяти дѣтей, такого же числа бабожь, кумовьевъ и кумъ, отправились въ училище, гдѣ Исидоръ Андроновъ принялся докрещивать младенцевъ. По какимъ это стариннымъ книгамъ, спрашиваетъ по этому поводу о. Кочергинъ, вздумалъ Исидоръ Андроновъ такъ совершать крещеніе? Интересно было бы знать, гдѣ отыскалъ онъ такой уставъ. А раскольническое духовенство любитъ похвастаться исполненіемъ церковныхъ канонѡвъ, строгими исполненіями устава по стариннымъ книгамъ.

(«Церк. Вѣстн.»).

— *Средство противъ золотухи.* Двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка долгое время страдала отъ золотухи, которая раскидалась по всему тѣлу и образовала во многихъ мѣстахъ ранки и болячки. Врачи, пользовавшіе больную, успѣшно залѣчивали болячки, но онѣ вновь появлялись или перемѣщались съ одного мѣста на другое. Простая лѣкарка, взявшался пользоваться больную, очень скоро исцѣлила дѣвочку отъ упорнаго недуга, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, слѣдующимъ наборомъ травъ: череда, кленовый побѣгъ и листъ черной смородины. Дѣлать изъ этихъ растений отваръ на водѣ и давать по чайной чашкѣ пить по утрамъ на-тощакъ и по вечерамъ передъ самымъ сномъ. Хорошо также примачивать и наружныя части тѣла, гдѣ гнѣздится сыпь, лишай или болячки.

(«Костр. Г. Вѣд.»).

И Б К Р О Л О Г Ъ.

23 ноября 1889 года, при Петро-Павловской церкви въ слободѣ Денежниковомъ, Старобѣльскаго уѣзда, скончался на 68 году отъ порока сердца священникъ Аполлонъ Дмитріевичъ Станковъ.

Сынъ діакона, уроженецъ Старобѣльскаго уѣзда слободы Смольяниновой, Аполлонъ Дмитріевичъ, по окончаніи курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи, въ 1845 году, уволенъ съ аттестатомъ 2-го разряда въ епархіальное вѣдомство; въ 1846 году рукоположенъ во священника къ

Ахтырско-Богородичной церкви, слободы Ново-Ахтырки Старобѣльскаго уѣзда; въ 1860 году перемѣщенъ къ Архангело-Михайловской церкви слободы Старой-Айдари того же уѣзда; въ 1862 году переведенъ къ Петро-Павловской церкви слободы Денежникова, гдѣ и суждено было промысломъ о. Аполлону закончить свою пастырскую должность, быть погребеннымъ у подножія того жертвенника Господня, предъ коимъ онъ предстоялъ съ молитвеннымъ ходатайствомъ о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ въ теченіе 27 лѣтъ.

Почившій отецъ Аполлонъ, помимо прямыхъ своихъ пастырскихъ обязанностей, которыя всегда исполнялъ усердно и ревностно, съ достоинствомъ проходилъ слѣдующія должности: съ 1861 года по день смерти должность катехизатора, съ 1869—1876 г. — окружнаго депутата; съ 1884 г. законоучителя въ мѣстномъ народномъ училищѣ. Такая усердная и полезная служба о. Аполлона по достоинству была награждена. Такъ, въ 1855 году награжденъ набедренникомъ; въ 1869 году удостоенъ благословенія Святѣйшаго Синода; въ 1871 г. награжденъ скуфьею; въ 1879 г. камлавкою; въ 1887 году золотымъ наперстнымъ крестомъ. Кромѣ того, имѣлъ знакъ Краснаго Креста, и въ память Крымской войны 1853—1856 г. имѣлъ бронзовый наперстный крестъ.

Покойный о. Аполлонъ былъ характера добраго и нестяжательнаго, отличительная же черта его была это кротость и незлобіе. Никакія непріятности въ жизни не могли возмутить всегда тихаго и спокойнаго расположенія его души; никакія оскорбленія не могли вызвать въ немъ чувства гнѣва. Такое высокое качество его души, воспитанное терпѣніемъ и благоразуміемъ, свободно открывало двери его дома для прихожанъ во всѣхъ ихъ нуждахъ, за что прихожане любили и были преданы ему.

Обрядъ погребенія надъ нимъ, послѣ заупокойной литургіи, былъ совершенъ мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи четырехъ священниковъ, 26 ноября. Память его почтена была назидательнымъ словомъ мѣстнаго благочиннаго.

Въ семействѣ покойника остались: жена его Анна Сергѣева 60 лѣтъ, дочь въ замужествѣ за священникомъ и четыре сына совершеннолѣтніе, изъ коихъ Дмитрій и Александръ не проходятъ никакой службы, а Павелъ и Сергій состоятъ псаломщиками.

Изъ имущества же остался съ нѣкоторыми ветхими надворными постройками одинъ небольшой деревянный домикъ, который по убѣжденію мѣстнаго благочиннаго, купленъ обществомъ для квартиры священника.

Въ произведенный 2 января 1890 года тиражъ выигрышей 1-го внутренняго съ выигрышами займа главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
9413	24	200000	18511	26	8000	18495	19	1000	2207	18	1000
7011	25	75000	9905	49	8000	19584	32	1000	11228	40	1000
13593	14	40000	4095	14	5000	8472	12	1000	12335	18	1000
13614	32	25000	18569	8	5000	5214	32	1000	14526	3	1000
19805	17	10000	11494	47	5000	16397	29	1000	5281	20	1000
7544	30	10000	10384	9	5000	3366	25	1000	14744	20	1000
3306	49	10000	14376	46	5000	14124	15	1000	8817	33	1000
2027	4	8000	9215	44	5000	4418	2	1000	8482	14	1000
11526	31	8000	2169	42	5000	16125	1	1000	1846	38	1000
16843	31	8000	11359	49	5000	7606	5	1000	14364	25	1000

Выигрыши от 500 рублей пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
2200	1	10234	9	10778	15	17872	22	14490	30	7640	38	2331	45
9784	1	13662	9	16786	15	19497	22	6681	31	11435	38	2443	45
15353	1	19511	9	1067	16	1433	23	11601	31	13835	38	2622	45
15673	1	19969	9	2223	16	1485	23	12043	31	18674	38	5745	45
4214	2	1528	10	4076	16	2956	23	14107	31	19885	38	7569	45
11354	2	7471	10	6805	16	8907	23	14363	31	782	39	8081	45
782	3	8236	10	15731	16	11636	23	15262	31	5364	39	13523	45
5208	3	8259	10	18900	16	152	24	10199	32	8356	39	14730	45
6736	3	8665	10	4165	17	8394	24	13892	32	9025	39	17947	45
18591	3	10308	10	4538	17	4348	25	16813	32	12958	39	18927	45
2529	4	19692	10	5307	17	17946	25	1118	33	13187	39	1287	46
2859	4	10093	11	6316	17	5531	26	3732	33	14006	39	3203	46
4549	4	10640	11	14371	17	13372	26	4983	33	9052	40	11836	46
5106	4	12875	11	16695	17	17474	26	13052	33	15470	40	15577	46
9318	4	13522	11	4205	18	18635	26	17601	33	16538	40	19170	46
2130	5	14426	11	17482	18	1312	27	18647	33	664	41	10919	47
2386	5	14732	11	113	19	5338	27	18684	33	1781	41	11345	47
5212	5	4583	12	3111	19	15549	27	2447	34	10874	41	2599	48
5368	5	6406	12	13190	19	17849	27	5295	34	13352	41	3956	48
6402	5	8598	12	16196	19	2192	28	6417	34	15355	41	4186	48
11784	5	13276	12	16834	19	2830	28	19120	34	9626	42	11381	48
12844	5	14455	12	19527	19	3085	28	5851	35	12803	42	12553	48
14560	5	467	13	758	20	5324	28	6179	35	18819	42	15026	48
15809	5	1901	13	5855	20	6805	28	446	36	1409	43	2625	49
10523	6	8505	13	8835	20	8991	28	6365	36	2519	43	2853	49
11674	6	9137	13	15325	20	3020	29	14497	36	2627	43	4894	49
13638	6	12843	13	1768	21	4144	29	16278	36	3993	43	10172	49
16709	6	16720	13	1898	21	11055	29	16968	36	13569	43	11557	49
18439	6	2357	14	5065	21	11309	29	808	37	17415	43	17570	49
6293	7	8135	14	10007	21	13830	29	2032	37	19688	43	18988	49
10739	7	8221	14	11406	21	16210	29	2315	37	985	44	28	50
16141	7	8777	14	11860	21	18221	29	7204	37	4201	44	857	50
17388	7	15864	14	14706	21	18711	29	9696	37	6277	44	8045	50
17680	8	17382	14	14984	21	20	30	14787	37	7324	44	9252	50
17693	8	18427	14	19446	21	105	30	16344	37	9921	44	11366	50
2829	9	1383	15	4930	22	2957	30	16887	37	16582	44	11685	50
2979	9	8246	15	7619	22	3924	30	7122	38	16999	44	11840	50
												14406	50

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1890 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 50/0 съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго банка 2-го января 1890 года.

Нумера серій: 17520, 4178, 17487, 18867, 15599, 4508, 7854, 15616, 2341, 17128, 9472, 1299, 9698, 18251, 16691, 7722, 13284, 6532, 13230, 4853, 7091, 12207, 18563, 7950, 18472, 9412, 16164, 12448, 14611, 2671, 9760, 8551, 3783, 2276, 17269, 14621, 15632, 8655, 10079, 7763, 2833, 6991, 12135, 16251, 16796, 15158, 4024, 19562, 8044, 4644, 19533, 19273, 15737, 16989, 11779, 12585, 16076, 3145, 12054, 8523, 19840, 13849, 7559, 14363, 5815, 18106, 13108, 11792, 14408, 18633, 8267, 15477, 8142, 8824, 17251, 5825, 8589, 3096, 1433, 13338, 4857, 7421, 6400, 3279, 3901, 16548, 3632, 2868, 266, 13078, 19521, 7415, 13407, 18635.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1890 года въ Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИЖКА:

Справедливы-ли обвиненія возводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и Государство“.

А. Рождествова.

Изданіе Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ».

Харьковъ, 1889 г. цѣна 60 коп. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями надобно обращаться въ г. Харьковъ, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной Семинаріи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

на издаваемыя при Св. Синодѣ

Церковныя Вѣдомости.

«Церковныя вѣдомости», издаваемыя при Святѣйшемъ Синодѣ, выходятъ въ 1890 году (3-й годъ изданія) по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, въ объемъ 2—3 печатныхъ листовъ, еженедѣльно. Программа ихъ: I. Узаконенія и распоряженія по духовному вѣдомству, узаконенія и распоряженія по другимъ вѣдомствамъ, имѣющія отношеніе къ церквамъ и причтамъ. II. Прибавленія къ «Вѣдомостямъ»: наиболѣе замѣчательныя слова и рѣчи, статьи научно-богословскаго содержанія, изложенныя просто и общепонятно, разъясненіе узаконеній и распоряженій по духовному вѣдомству, статьи о церковной жизни Россіи, православнаго Востока и православно-Запада, отзывы о книгахъ духовнаго содержанія, извѣстія и замѣтки и т. под.

«Церковныя Вѣдомости» — органъ Святѣйшаго Синода, изданіе обязательное для церковныхъ причтовъ и учрежденій духовнаго вѣдомства.

Цѣна «Церковныхъ Вѣдомостей» съ доставкой и пересылкою три рубля. Погородные частныя подписчики адресуютъ свои требованія въ «Церковныя Вѣдомости» въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ. Отъ частныхъ же лицъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ редакціи (Конногвардейскій бульваръ домъ № 5, кв. № 7) отъ 10 час. утра до 4 час. ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и табельныхъ дней. Кромѣ конторы редакціи, отъ частныхъ лицъ подписка на «Церковныя Вѣдомости» принимается въ С.-Петербургѣ—въ Суподальныхъ книжныхъ лавкахъ и у книгопродавцевъ Тузова, Мартынова, Луковникова и Карбасникова, въ Москвѣ—въ Синодальной книжной лавкѣ и у книгопродавцевъ Думнова, торгующаго подъ фирмою наследниковъ братьевъ Салаевыхъ и Сытина, въ Кіевѣ—у Оглоблина, въ Казани—у Дубровина.

Частныя объявленія, соотвѣтствующія назначенію изданія, принимаются съ платою по 30 к. за мѣсто, занимаемое строкою печати въ одинъ столбецъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

МЕТАФИЗИКА ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Соч. кн. Сергѣя Трубецкаго.

Москва. 1890. Цѣна 3 р. Складъ изданія у А. Лангъ, Кузнецкій мостъ, д. кн. Гагарина.

Отъ профессора Моск. дух. академіи В. Кудрявцева, въ Сергіевомъ посадѣ Моск. губ., можно получать слѣд. изданныя имъ книги:

1. ВВЕДЕНИЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ. М. 1889. Ц. 50 к. съ перес.
2. НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЛОСОФІИ. Вып. I. М. 1889. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ означенныя книги одобрены къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебныхъ руководствъ по философіи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ“

Указомъ Св. Синода отъ 18—31 Іюля 1884 года выписка духовнаго журнала «Творенія Св. Отцевъ» съ прибавленіями духовнаго содержанія сдѣлана обязательною для Академій и Семинарій и имѣющихъ достаточныя средства монастырей, соборныхъ и приходскихъ церквей Россійской Имперіи.

Творенія Св. Отцевъ издаются при Московской Духовной Академіи и выходятъ по четыре книжки въ годъ, изъ которыхъ въ каждой отъ 15 до 20 листовъ текста. Въ будущемъ 1890 году въ переводной части будетъ продолжаемо печатаніе твореній Св. Кирилла Александрійскаго. Въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи церкви и сверхъ того статьи критико-библіографическія.

Въ концѣ каждой книжки будутъ печатаемы журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи.

Цѣна годоваго изданія въ Россіи ПЯТЬ рублей съ пересылкою; выписывающіе изданіе «Твореній Св. Отцевъ» за границу платятъ ШЕСТЬ руб. съ пересылкою.

Редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ адресоваться въ Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Твореній Св. Отцевъ“.

Изъ редакціи Творенія Св. Отцевъ могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія: Цѣна съ пересылкой: Творенія Св. Григорія Богослова 1—6 томы 9 р., Творенія Св. Ефрема Сирина 1—6 т. 9 р., Твор. Св. Василия Великаго 3—7 т. 7 р. 50 к., Твор. Св. Афанасія Александр. 3—4 т. 3 руб., Тв. Св. Григоріи Нисскаго 8 т. 12 р., Тв. Св. Іоанна Лѣствичника 1 т. 1 руб. 50 коп., Тв. Св. Нила Синайскаго 3 т. 4 р. 50 к., Тв. Св. Исидора Пелусіота 3 т. 4 р. 50 к., Тв. Св. Епифанія Кипрскаго 6 т. 9 р., Тв. Св. Блаженнаго Теодорита 7 т. 12 р., Твор. Св. Макарія Египетскаго 1 т. 2 р., Творенія Св. Кирилла Александрійскаго 7 т. 10 руб. 50 коп.

Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія за 1846 и 1847, съ 1852 по 1864 г. включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 годы могутъ быть приобретаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 р. съ пересылкою. Прибавленія же отдѣльно отъ Твореній Св. Отцевъ съ 1844 по 1864 включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881 (два тома), 1882 (два тома), 1883 (два тома), 1884 (два тома), 1885 (два тома), 1886 (два тома), 1887 (два тома), 1888 (два тома) и 1889 (два тома) за каждый томъ по 1 руб. 50 к. съ пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

НА 1890 ГОДЪ.

Въ наступающемъ году „Варшавскій Дневникъ“ будетъ выходить по утрамъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб.
— полгода	4 — 80 —	— полгода	6 —
— три мѣсяца	2 — 40 —	— три мѣсяца	3 —
— мѣсяць	80 —	— мѣсяць	1 —

За границу (подъ бандеролью), на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франк.), полгода—7 р. 50 к. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульд., 10 франк.), мѣсяць—1 руб. 25 коп.

Подписка принимается: въ Конторѣ Редакціи (Варшава, Медовал, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Кабрасникова въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48, въ Москвѣ, Моховая, д. Коха, и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ, № 65.

Задача «ВАРШАВСКАГО ДНЕВНИКА» быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства.

Редакторъ-Издатель П. А. КУЛАКОВСКІЙ.

VI годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

Годъ VI.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“

первый въ Россіи еженедѣльный иллюстрированный журналъ для религіозно-нравственнаго чтенія въ 1890 году.

«РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» одобренъ для всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. «Русскій Паломникъ» въ 1890 году дастъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НУМЕРА большого формата съ рисунками (болѣе двухъ сотъ) и статьями исключительно религіозно-нравственнаго характера.

6 КНИЖЕКЪ литературныхъ приложений, большихъ историческихъ разсказовъ, путешествій, жизнеописаній и проч., отъ 10 до 12 лст. въ каждой.

2 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ, состоящихъ изъ большихъ копій-гравюръ съ картинъ знаменитыхъ художниковъ: Леопардо да-Винчи «Тайная вечеря» (въ праздникъ Св. Пасхи) и Мурильо «Взятіе Пресвятой Дѣвы на небо» (въ концѣ октября).

ЦѢНА «Русскаго Паломника» на годъ съ пересылкой и доставкой ШЕСТЬ руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., домъ № 13-й.

Редакторъ-Издатель А. И. Поповицкій.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.